

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2023

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 2 (89) 2023

Школе 30 лет

Работать на мир, а не на конфронтацию
Джек Ханнинг 5

Голоса Школы

Борьба за ценности не проиграна
Игорь Ковалев 8

Надо жить «с людьми в голове»
Армаз Ахвледуани 11

*Дойти до вершины Арарата,
чтобы оттуда посмотреть на мир*
Армен Закарян 13

Демократии не может быть без диалога
Соня Лихт 15

Посвящение Лене и Юре
Роберт Скидельский 18

Тема номера

Эволюция конституционных ценностей
Елена Лукьянова 21

О правовой помощи
Григорий Охотин 39

Польша между центром и периферией
Томаш Зарицкий 51

Школе 30 лет

Когда переполнены тюрьмы
Диана Пинто 63

Продолжение после «конца истории»
Сильви Кауфманн 65

Универсализм, взаимозависимость, деглобализация
Роберт Скидельский 67

О российских ценностях
Екатерина Шульман 70

«...мы знаем, что происходит, мы беспокоимся о вас» 74
Нил Муйжниец

Время просвещения 78
Сергей Николаевич

Дневник войны

Перед лицом катастрофы. Предисловие 86
Николай Плотников

Опыт истории

Отложенная гражданская 93
Кирилл Кобрин

Узкий коридор информации и безопасности 101
Ирина Бороган, Андрей Солдатов

Наш архив

О государстве-нации 118
Пьер Розанваллон

Между демократией и патриотизмом 121
Юрий Сенокосов

Зависимость от имперского прошлого 126
Франсуа Фюре

Книги

Фашисты как они есть 129
Андрей Симбирцев

Контрапункт 133
Максим Горюнов

Nota bene

«Я не хочу отдавать им свою страну» 141
Вячеслав Бахмин

7–8 декабря 2022 г. в Берлине состоялся международный форум «В поисках утраченного универсализма», посвященный 30-летию Школы гражданского просвещения. Он был проведен совместно с Фондом им. Генриха Бёлля. В этом номере мы завершаем публикацию выступлений участников форума.

Работать на мир, а не на конфронтацию

*Джек Ханнинг,
Генеральный секретарь
Ассоциации школ
политических исследований
Совета Европы*

Я скажу несколько слов от имени Катрин Лалюмьер, которая по состоянию здоровья не смогла, к сожалению, быть здесь с нами. Как уже было сказано раньше, она юрист, академик, была Генеральным секретарем Совета Европы, министром по европейским делам и фактически от имени Франции еще в 1980-х годах подписала Шенгенское соглашение. Позднее она стала депутатом Европарламента, вице-президентом Международного европейского движения.

Катрин хотела написать вам сообщение, но у нее не хватило на это сил. Хотя, я думаю, ее настоящая проблема в том, что у нее, как написал когда-то Блез Паскаль своему другу, «не было времени написать письмо короче». Она чувствовала, что не сможет в нескольких словах сказать все, что хотела бы сказать. Но в любом случае она уверена, что все у нас пройдет успешно. И она просила меня сказать огромное спасибо Лене и Юре за все, что они сделали за 30 лет существования Московской школы. За то, что они вдохновили ее на создание модели, которой последовали другие страны. И просила сказать спасибо за дружбу, которой она придает большое значение.

Еще в 1991 году, когда в Москве проходила Конференция по человеческому измерению СБСЕ, я имел честь работать с Катрин Лалюмьер в качестве ее представителя. А также с Хансом-Петером Фурером и Жаном-Луи Лораном, которые сыграли важную роль в создании вашей Школы и впоследствии в создании сети школ, причем две из них — в Северной Африке.

Думаю, появившиеся школы являются барометром того, что я бы назвал «погодой» прав человека и демократии в соответствующих странах. Или, другими словами, это система раннего предупреждения для людей, готовых слушать и обращать внимание на происходящее.

То, что и как произошло с Леной и Юрой и привело их в конечном счете в Ригу, происходило на протяжении нескольких лет. Совет Европы и правительства Совета Европы, возможно, могли бы действовать оперативнее. Думаю, это действительно очень важно.

Не знаю, все ли в этом зале знают о других аналогичных ситуациях последних лет. В Азербайджане еще в 2013 году Ильгар Мамедов, директор бакинской Школы политических исследований (2012–2013), намеревался подать свою кандидатуру на президентские выборы от оппозиции, но был арестован, по сфабрикованному обвинению приговорен к семи годам лишения свободы и посажен в тюрьму. У него было два дела в Европейском суде по правам человека, но не адвокат Европы вытащил его из тюрьмы. Человеком, который вытащил его из тюрьмы, как предполагают, на самом деле была госпожа Меркель. Потому что за три дня до того, как она приехала в Баку для подписания контракта на покупку газа, Ильгара освободили, и я не могу отделаться от ощущения, что эти два события как-то связаны. Потом Ильгара даже оправдали, так что он вернулся к нормальной жизни, но в тюрьме провел пять лет.

Еще пример. Основатель турецкой школы Осман Кавала, о котором вы, возможно, слышали и которого часто называют Соросом Турции, успешный

бизнесмен, которому просто нравилось то, что не нравилось мистеру Эрдогану. Ему нравились курды, ему нравились армяне, и ему нравились права человека. Можно было быть уверенным, что за это его посадят в тюрьму. И в апреле прошлого года Кавалу приговорили к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение. К счастью, была подана апелляция, но никто пока не знает, чем все закончится.

С Османом был Хакан Алтинай, директор Школы политических исследований в Стамбуле. Он приговорен к 18 с половиной годам тюремного заключения вместе с шестью другими интеллектуалами, учеными, связанными с Кавалой. По большому счету их наказали за отстаивание ценностей, ради которых был создан Совет Европы, — прав человека, демократии и верховенства права. На мой взгляд, Совет Европы должен сделать много больше, чтобы добиться их освобождения.

Я считаю важным рассказать вам об этом. Что будет дальше, я действительно не знаю. Но не исключено, что в нынешней геополитической ситуации *realpolitik* возьмет верх над необходимостью поддержать и освободить этих людей из тюрьмы.

Мы миновали период, когда желаемое принимали за действительное. В 1989 году люди ликовали в ожидании того, что произойдет в ближайшие годы, — прихода демократии. Однако на сегодняшний день правительства не внимают предупреждениям, исходящим от школ политических исследований, тому, что происходит на фронте за права человека. По данным статистики, практически каждая страна, представленная в Совете Европы, либо не выполнила, либо затянула выполнение

постановлений Европейского суда по правам человека. И правительства закрывают на это глаза.

Соединенное Королевство — один из основателей Совета Европы, и его юристы были в числе тех, кто написал Европейскую конвенцию по правам человека. В нынешнем правительстве Великобритании есть люди, которые настаивают на выходе из конвенции. И даже если этого не случится, они угрожают поступать так же, как Россия: не принимать решения Европейского суда по правам человека, если те не одобрены другим органом; в случае с Великобританией речь идет о парламенте. Это действительно экстраординарная ситуация, хотя бы потому, что она пример для других стран, находящихся в затруднительном положении.

Еще одна причина, по которой на фронте прав человека ничего не происходит (и это, разумеется, очень печально), заключается в том, что ЕС платит Турции за то, чтобы она задерживала беженцев, пытающихся попасть в Европейский союз. Вам самим решать, согласуется ли это с ценностями Европейского союза или с нашими убеждениями.

В общем, обстановка сейчас довольно удручающая. Но я убежден в том, что тем более нужны школы,

политические исследования и гражданское просвещение. Больше нужно тех, кто старается донести, каким может и должно быть общество, что нужно быть терпимыми, работать на мир, а не на конфронтацию.

В заключение я хотел бы вернуться к Лене и Юре, двум замечательным людям. Они изменили мою жизнь. Именно благодаря встрече с ними я решил работать в ассоциации и работаю в Страсбурге уже 14 лет.

И хотел бы напомнить вам фрагмент из книги Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Тот, в котором говорится, что это безумие — ненавидеть все розы только потому, что одна из них уколола тебя; отказаться мечтать только потому, что одна мечта не сбылась; потерять веру в молитвы только потому, что одна из них осталась без ответа; отказываться от всех попыток, потому что один раз ты потерпел неудачу. Книга, если помните, была написана во время Второй мировой войны, и в ней, как мне кажется, содержится идея, очень актуальная для всех нас сегодня.

Я надеюсь, что, продолжая свой путь, вы не уступите и не сдадитесь.

А Лена и Юрий — два человека, которые никогда не уступали и никогда не сдавались. Спасибо им за все, что они сделали.

*Игорь Ковалев,
продюсер, выпускник Школы
2008 г.*

Борьба за ценности не проиграна

Для меня эта сессия важна не тем, что я могу сидеть на сцене и слушать хорошие выступления, но еще и потому, что в этом году мы отмечаем 30-летие гражданского просвещения, начало которому положила идея Лены и Юрия. Эту идею поддержал Совет Европы, и она нашла отражение в совершенно уникальных, эффективных, деятельных школах, представители которых здесь присутствуют.

Я выпускник Школы, несмотря на то, что не связан непосредственно ни с правозащитной, ни с журналистской, ни с образовательной деятельностью. Я занимаюсь бизнесом. Тем не менее Школа научила меня многому. В первую очередь свободно мыслить и понимать, что главной составляющей здорового общества является все-таки гражданское просвещение. Когда люди понимают, о каких ценностях идет речь, и что стоит за теми или иными процедурами, процессами, институтами, тогда это общество может функционировать не просто в данный момент, но и развиваться.

Я очень надеюсь, что гражданское просвещение не закончится и что общества наших стран — стран постсоветского пространства — придут к такому же пониманию. То, что делала Школа, и то, что делают другие школы, поддержанные Советом Европы, — это как минимум замедляло (особенно очевидно это в России) процесс падения, процесс отхода от соответствующих ценностей. Можно в них верить или не верить. Я верю абсолютно искренне, потому что видел систему изнутри, работая на государственной службе. Мне ясно, что благодаря Московской школе то, что в 2022 году произошло в России, не произошло намного раньше. Деятельность, которую ведет и будет вести в дальнейшем Школа, важна для всех,

кто находится здесь. Чтобы понимать: борьба ценностей, за ценности не проиграна, каждая из школ, и особенно Школа Лены, является бастионом, и вы не одиноки в борьбе за ценности, которые отстаиваете. Вы понимаете, как выстраивать диалог в обществе, в котором живете, с теми людьми, что вас окружают.

Поэтому гражданское просвещение сейчас важно как никогда.

К сожалению, сомнения не исчезают. Не прекращаются разговоры о том, чего, дескать, добились школы в России и Беларуси. Наверняка коллегам задают такие же вопросы и в Грузии, и в Армении, и в Сербии. Но школы, объединяя нас, позволяя нам быть комьюнити, помогая взаимодействовать в реализации совершенно разных проектов, это очень важный опыт. Он позволяет развиваться в сторону гражданского общества или как минимум не скатываться в бездну. Это сохраняет надежду, что все мы сможем развернуться и двигаться в направлении осознанной демократизации и гражданского общества, в котором каждый из нас сможет быть не только ответственным, но и просто счастливым гражданином.

*Школы, объединяя нас,
позволяя нам быть
комьюнити, — это
очень важный опыт*

Я представлю наших коллег, наших уважаемых спикеров.

Здесь присутствуют, помимо господина Джека Ханнинга, Генерального секретаря Ассоциации школ политических исследований, также три директора, основавшие школы в трех странах. Каждая из этих стран не просто связана, но оказывает влияние на те процессы, что происходят сейчас. Невозможно представить новостную ленту без Армении и Грузии и без воздействия, опять же, этих стран на новостную повестку. Невозможно не думать и не слышать о том, как часто говорят о поддержке Сербией России, и в то же время о том, что гражданское общество Сербии не состоялось, не стало европейским. А кто-то считает ровно наоборот — что оно как раз состоялось и движется в Европу, и Россия зря надеется на Сербию.

Назову имена присутствующих представителей названных трех школ.

Госпожа Соня Лихт — основатель и президент сербской организации BFPE for a Responsible Society, белградского фонда, выступающего за политическую ответственность, за ответственное общество. Соню я впервые увидел в Совете Европы в 2009 году на сессии с представителями, если я не ошибаюсь, Косово. И то, о чем и как говорит Соня, поверьте, это не просто увлекательно: Соня — уникальный спикер.

Еще один потрясающий оратор — основатель и бессменный директор Тбилисской школы политических исследований Армаз Ахвледиани, с ним я тоже познакомился в свое время в Страсбурге. Он действующий политик, член парламента. Хорошо помню, что он поразил всех участников семинара не только речами, но и песнями прекрасных выпускников Тбилисской школы.

Коллин Киддер (Colin Kidder). Поднятая река. 2015

Мой коллега, выпускник Московской школы и основатель Ереванской школы политических исследований Армен Закарян. С ним мы много раз виделись на семинарах Школы. Я никогда не сформулирую вопрос или комментарий так точно, как это делает Армен.

Помимо директоров школ, в зале присутствуют также два больших друга Московской школы, два человека, которые много сделали в целом для гражданского просвещения. С господином лордом Робертом Скидельским вы могли пообщаться и познакомиться еще вчера. Это член палаты лордов Британии. Я знаю, что он не просто друг Школы, но и близкий друг Лены и Юры.

Хочу также представить Леонида Гозмана, общественного деятеля и известного публициста. Своим примером он показал, что, во-первых, борьба за ценности и за возможность отстаивать эти ценности имеет место быть и она не окончена. Во-вторых, сам Леонид не сдался, несмотря на все, что случилось с ним в последние несколько месяцев. Он продолжает говорить, анализировать, обсуждать, делать все для того, чтобы изменения в России стали реальными и наступили быстрее.

Надо жить «с людьми в голове»

Дорогие Лена и Юра! После начала войны в Украине большинство из нас, я думаю, намного лучше осознали уникальную роль гражданского просвещения в усилении ценностей демократии и, соответственно, в ослаблении и ликвидации авторитарных режимов.

В 1997 году я впервые оказался в Голицыне, а потом как-то позвонил Лене и сказал: «Мы хотели бы основать школу в Тбилиси. Как ее назвать?» Не знаю, помнит ли об этом Лена, но тогда она ответила: «Тбилисская школа политических исследований». Сам бы я не посмел назвать ее именно так.

Мы провели первый семинар в сентябре 2000 года — представляете, как давно! И здесь среди сегодняшних участников есть один очень почетный гость, который был экспертом на первом семинаре, — известный немецкий дипломат и бывший специальный представитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в Грузии Дитер Боден, большой друг моей страны.

Так вот, с самого начала, дорогие друзья, мы определились в главном: чтобы освободиться, надо осознать, что культура имеет значение, что надо быть самокритичными, что самонадеянность пагубна. Надо понимать друг друга, несмотря на то, что все мы очень-очень разные, и даже если для тебя что-то неприемлемо, надо тем не менее уважать мнение другого человека.

Сейчас в моей стране много говорят о деполяризации. Да, но где с этим все в порядке? К нам в Школу приезжают серьезные эксперты, и как-то, когда речь зашла о деполяризации, посол одной очень большой страны (не скажу какой) говорит мне: «Но ведь этого и у нас достаточно!» А я ему: «Да, и у вас есть, но у вас есть и важнейший инструмент деполяризации — независимый суд. А у нас его нет, к сожалению».

*Армаз Ахвеледиани,
директор Тбилисской
школы политических
исследований*

Лена Немировская на форуме в Берлине. 7 декабря 2022 г.

В нашу Школу приходят разные люди, из разных регионов, разных возрастов, разной степени понимания друг друга и мира вокруг. Мы стараемся договориться о главном: о том, что культура понимания другого человека — очень важная культура, культура соглашения — важная культура, культура начать вовремя и закончить вовремя — тоже важная культура и культура уйти вовремя — тоже.

Дорогие Лена и Юра! Да, вы, конечно, знаете, что вы сделали и что вы делаете. Но — не обижайтесь! — вы не знаете этого до конца. Ваша инициатива породила множество инициатив, хотя «инициатива» — ка-

*Культура понимания
другого человека —
очень важная
культура*

кое-то формальное слово. Есть жизнь — жизнь конкретных людей, которые меняются после Школы. Не все меняются, не у всех получается. Но даже если среди 40 участников 5–10 человек осознают, что в этой жизни главное — человечность, гуманность, демократические ценности, культура и образова-

ние, это уже успех. И я хочу искренне поблагодарить вас за то, что вы многим дали эту возможность.

И хочу сказать вам, дорогой Джек: я бы очень-очень хотел иметь в разных международных организациях таких бюрократов, как вы, каким был Ханс-Петер Фурер. Потому что нельзя жить «с проектами в голове». Надо жить «с людьми в голове» и понимать этих людей, а не проекты. Обсуждение этих «проектов» начинается иногда с 9 часов утра и заканчивается в 18:00, хотя оно не должно заканчиваться. Если заканчивается, значит, это формальность. А я за неформальность, я за то, чтобы все было с любовью, проникновенно и значимо. Спасибо, дорогие друзья! Я вас всех поздравляю.

Дойти до вершины Арабата, чтобы оттуда посмотреть на мир

Спасибо, Игорь, спасибо всем в этом зале, спасибо Елене Михайловне и Юрию Петровичу!

Мы тут говорим об универсализме и неоднократно говорили об этом и раньше. Пару раз упоминалась и моя страна, Армения. Мы мало говорили об Армении, но то, о чем здесь шла речь, так или иначе имеет прямое или косвенное отношение и к нам. Вот это и есть универсализм — когда предмет разговора один, а касается очень многих.

Пользуясь случаем, я хочу, во-первых, поздравить с юбилеем Школы, пожелать ее основателям самого, наверное, важного для 30-летнего возраста — гармонии. Чтобы ваши мысли, ваши желания всегда синхронизировались с той действительностью, в которой вы находитесь. И чем больше будет таких совпадений, тем больше вы будете ощущать себя счастливыми. Этого счастья я желаю вам как можно больше.

Второе. Что универсально? Все зависит от мысли. Идея, зародившаяся на кухне вашего дома, попала на Балканы, попала на Кавказ, распространялась, преодолела Черное море, Средиземное море, дошла до берегов Африки, и более чем в двадцати странах мира появились школы. Многие люди в разных концах земли хотят быть вовлеченными в смысловое пространство, рожденное на кухне Юрия Петровича и Елены Михайловны. Их идея пришла в Совет Европы, дошла до Кавказа. И вот мы, как говорят англичане, бенефициары этой идеи, сегодня все здесь благодаря тому, что вы в свое время об этом думали.

С вашего позволения я скажу пару слов о Ереванской школе. Мы существуем уже 17 лет, у нас почти 700 выпускников. В их числе вице-спикер парламента, президент Конституционного суда, действующий мэр Еревана, около двадцати депутатов Национального собрания. Среди них советники министров, премьер-министра. Премьер-министр Армении — тогдашний, не сегодняшний — охотно прочитал лекцию

*Армен Закарян,
основатель Ереванской
школы политических
исследований*

в нашей Школе и сказал: «Вот здесь я могу общаться с интеллигентной частью нашего общества и понимать, какие настроения на самом деле существуют в обществе, а не те, о которых пишут в газетах. Как живые люди воспринимают то, что делает правительство».

Еще я скажу несколько слов о континенте. В течение этих 17 лет мы зада-

Это и есть универсализм — когда предмет разговора один, а касается очень многих

вались вопросом: в чем смысл образования? что мы вообще делаем и почему? И пришли к выводу: то образование, которое даем мы, должно быть связано с жизнью. Юрий Петрович,

в свое время вы сказали, что готовы были продолжать работать без какой-либо гарантии на успех. Вот так и мы работали. Но какой-то результат у нас проявился через десять с лишним лет, когда участники наших семинаров оказались в числе тех, кто выступил за перемены.

Идея, которой мы следуем, проводя наши семинары, заключается в том, чтобы Армения стала действительно современным, а не просто «модернизированным» обществом. Можно иметь айфоны, водить «мерседесы», но на самом деле важно то, как люди мыслят. Нужно самопознание и миропознание. Миропознание — чтобы понимать не только историю, но и то, какие сложности существуют на этом пути, и что мы можем сделать сейчас, чтобы двигаться вперед. Да, мы много говорили о демократии и пришли к выводу, что

демократия обязательно должна базироваться на гражданских ценностях. Ведь есть же пример Палестины. Там ХАМАС демократическим путем пришел к власти, но каких ценностей придерживается эта организация?..

Сегодня мы не русско-, не турецко-, не франкоподданные. Мы — граждане независимых стран. Поэтому гражданские ценности мы ставим во главу угла.

Еще у нас есть проблема элит. Элиты, по сути, должны что-то предлагать обществу. Но в постсоветском пространстве все, грубо говоря, «пошли за деньгами», а вот идей по преобразованию общества мы так и не обнаружили.

Я выделил лишь некоторые темы, о которых мы говорим в нашей школе.

Армения — маленькая страна. Армения не имеет моря. Это плохо. Знаете, почему плохо? Потому что горизонт слишком близко, далеко не видно. Если далеко не видно, то ценности универсализма трудноразличимы. Поэтому на наших семинарах мы то и дело говорим: «У нас горизонт рядом и далеко не видно. А что закрывает наш горизонт? Горы! И самая высокая гора — Арарат, пять тысяч метров над уровнем моря. Наше образование должно помочь не только видеть Арарат, но и дойти до вершины Арарата, чтобы оттуда посмотреть на мир, чтобы видны были вот эти универсальные ценности». И за это я тоже благодарю организаторов семинара и еще раз поздравляю их с 30-летием Школы. Благодарю также Фонд имени Генриха Бёлля, который дал нам возможность провести здесь эти два дня. Спасибо!

Демократии не может быть без диалога

*Соня Лихт,
основатель и президент
фонда BFPE for a
Responsible Society*

Я благодарю Джека за то, что он процитировал Сент-Экзюпери, одного из самых моих любимых авторов. Это побудило меня начать выступление иначе, чем я намеревалась.

Вы, Джек, сегодня заговорили о мечтах. Я подумала о Мартине Лютере Кинге, о Лене и Юре. Благодаря им и моя мечта тоже, вероятно, когда-нибудь сбудется. Хотя пока не сбылась.

Она отчасти сбылась, когда в 1995 году я впервые встретила Лену в Центральном-Европейском университете. Помню, как Лена встала и очень критически высказалась по ряду вопросов, в том числе о том, что в политике мало этики и даже в преподавании политических дисциплин нет обучения этике. Тогда же она сказала и о необходимости приучать людей к гражданским ценностям. Вот так мы и познакомились. А потом я была ее постоянной гостьей в Голицыне и дважды в Санкт-Петербурге.

Приехав первый раз в Голицыно, я была в некотором шоке: я привыкла к семинарам на 30–40 человек, а тут вошла в помещение, в котором больше сотни человек. Мне стало интересно, что я могу делать с этими людьми? Да, я могу прочитать им лекцию, я знаю, как это делать. Но как вести диалог с сотней слушателей? В моей практике это был первый и такой необычный способ общения. Диалог получился и стал со временем непрерывным, пусть иногда и не очень приятным, о чем вы оба наверняка помните.

Наша встреча происходила почти через год после того, как НАТО бомбил мою страну. Я тогда подготовила протестную петицию, ее подписали 27 человек и опубликовали в различных СМИ. Но в то же время я говорила о Слободане Милошевиче, об угрозе, которую он стал представлять для страны, когда решил взять всю власть в свои руки и развязать войну,

чтобы остаться у власти. Вам это никого не напоминает?.. Так или иначе, но кому-то Милошевич нравился, а мое отношение ко всей этой истории, напротив, не понравилось.

Несколько лет спустя я приехала в Голицыно, вскоре после того, как генерал-полковника Ратко Младича отправили в Гаагу. Опять же, были люди, отнесшиеся к ситуации крайне критично. Их, конечно, было мень-

*То, что мы делаем,
должно стать глобальной
инициативой с учетом
потребностей разных
регионов и стран*

шинство, но все равно у нас возникла дискуссия с обсуждением разных точек зрения. Вот еще и поэтому я думаю, что школы политических исследований являются совершенно особенными и часто уникальными местами для диалога.

Демократии не может быть без диалога. Мы не можем и не должны думать одинаково и верить, что таким способом одолеем популизм, по-

ляризацию, атомизацию либо даже врага. На мой взгляд, диалог — один из основных вкладов участников школ политических исследований. И как раз один из самых яростных моих диалогов состоялся в Голицыне.

Я многому научилась, слушая там других, в том числе лорда Скидельского, и многому научилась, ведя дискуссии даже с такими людьми, как Константин Косачев*. Очень хорошо помню момент, когда он заговорил о стратегических приоритетах российской внешней политики. Я скромно подняла руку и спросила, почему он не упомянул Косово. Он сказал: «Мне нечего сказать про Косово. Это не наш приоритет». В перерыве я позвонила мужу и передала слова Косачева, а муж мне: «Зачем ты мне звонишь? Почему бы тебе не позвонить премьер-министру Коштунице и не сказать ему об этом?» Это одно из многих воспоминаний. Кстати, через год или два после моего вопроса Косачеву он написал в Daily Politics, что вопрос о Сербии и Косово является приоритетом российской внешней политики.

Добиваемся ли мы добиваемся успеха и как мы его добиваемся — это отдельный вопрос. Я не могу вдаваться сейчас в подробности. Но я скажу вам одну вещь.

Этим летом я позвонила главному редактору одного из самых известных за последние двадцать с лишним лет еженедельников в Белграде. Он сумел даже в худшие времена оставаться независимым. Я спросила, готов ли он выступить перед нашим классом. Он ответил: «Конечно, как всегда. Сейчас вы единственное место в Сербии, где за одним столом сидят люди с разными взглядами, с разными мнениями». Я не знала, воспринять это как комплимент или расплакаться. Потому что если мы «единственное место», то, согласитесь, у нас большие проблемы. А проблемы действительно серьезные. У нас даже в парламенте диалоги и разговоры ведутся отнюдь не цивилизованные.

* Константин Косачев — российский государственный деятель, дипломат, сенатор Российской Федерации, член Высшего совета партии «Единая Россия».

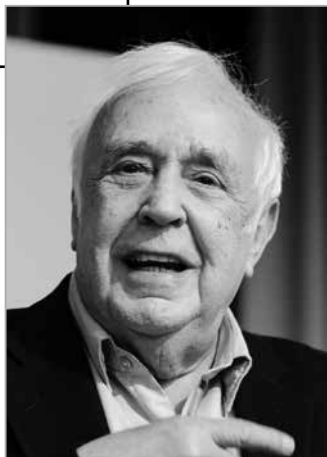
Майкл Парековай (Michael Parekōwhai). Мир переворачивается. 2011

Да, непрекращающаяся, долгая борьба нам обеспечена. И вы уже слышали, что случилось со многими нашими коллегами. Лене и Юре пришлось покинуть свою страну в возрасте — простите! — когда страны так просто не меняют. Вот цена их борьбы. И другие тоже заплатили и дорого платят за верность своим взглядам и деятельности. В борьбе за основные ценности, принципы демократии, за верховенство закона, за права человека.

Закончить я хочу цитатой. Может, это и не совсем обычно — цитировать слова, сказанные всего два дня назад. Но поскольку они принадлежат международному дипломату Фрэнсису О'Доннеллу, нашему общему другу и соратнику, я позволю себе процитировать.

Фрэнсис узнал, что я еду на Берлинский форум. Он передал всем вам привет и сказал, что Московская школа, которая создавалась для жителей постсоветского пространства, и в первую очередь России, была изгнана из России и тем самым стала явлением глобальным. И что в этом переходе от локального к глобальному заключается некая ирония сегодняшнего мира.

Я много думала над его словами. Действительно, то, что мы делаем, должно стать глобальной инициативой с учетом потребностей разных регионов и стран — поиском более широкого диалога, меньшей поляризации, большей демократии. Хотя, как здесь уже говорилось, даже стране с одной из самых крепких демократий, я имею в виду Великобританию, не помешал бы серьезный открытый урок на тему гражданского просвещения, ценностей и стандартов, за которые мы выступаем.

*Роберт Скидельский,
член палаты лордов
Британского парламента*

Посвящение Лене и Юре

Сегодня я чествую Лену Немировскую и Юрия Сенокосова как друг и как историк. Многие из собравшихся здесь знают Школу именно как Школу гражданского просвещения, как часть сегодняшнего мира, но Школа — это и часть истории, причем истории, весьма отличной от той, что разворачивается перед нашими глазами.

Тридцать лет назад Лена и Юра положили начало Московской школе политических исследований, преследуя ясную цель: способствовать образованию молодых россиян — лидеров будущего — в образе мыслей, практике и искусстве либеральной демократии, традиция которой в российской истории была весьма скудной. Крушение советской системы открывало новые возможности, но этого было недостаточно. Западные — или, скажем, всеобщие — ценности должны были укорениться в российском обществе для того, чтобы Россия могла занять место в сообществе демократических народов.

Образовательные программы Школы осуществлялись в основном, хотя и не исключительно, в подмосковном Голицыне. То были полноценные, как правило, недельные курсы с оплатой проживания участников. Эксперты выступали с докладами. Все участники — молодые люди, делавшие карьеру в местном самоуправлении, университетах, журналистике. Эксперты — выдающиеся ученые и политические деятели, в основном из-за рубежа. Вообразите длинный прямоугольный зал; во главе овального стола расположились эксперты, а вдоль стола, тянувшегося к противоположному концу зала, сидит около сотни участников, впитывая живительную влагу просвещения.

Были и неожиданные спикеры. Так, Лена была весьма расположена к британским генералам, например, к Чарльзу Гатри или Чарльзу Вивиану, суровым воинам, попавшим во власть ее обаяния.

Иногда мне казалось, что формат семинаров тяготеет к доктринерству — будто иностранцы читают лекции россиянам о том, как управлять своей страной. Я указывал Лене на необходимость развития самостоятельных проектов и интерактивных дискуссий, на что она отвечала: «Они пока не готовы». Она со всей определенностью считала, что ценные идеи предвзвешивают добросовестную практику.

Позвольте также сказать о Юрии Сенокосове, муже Лены, идеи которого — развитые, в свою очередь, под влиянием грузинского философа Мераба Мамардашвили — стали основой существования Школы. Издательская программа, при создании которой Юрий руководствуется тезисом о том, что «мы живы в акте мышления», образует важную составную часть деятельности Школы. Благодаря ей русский читатель получил доступ ко многим классическим трудам современной европейской политической философии. Меня лично школа познакомила с творчеством Эрнеста Геллнера и Ричарда Пайпса.

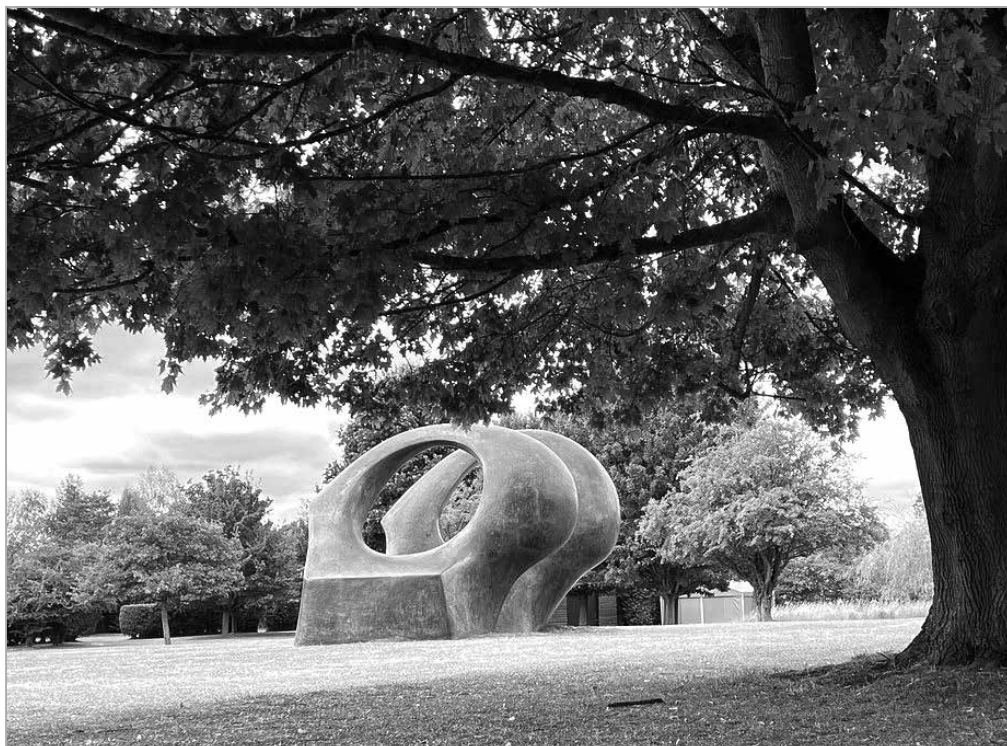
Просветительский проект Школы подвергся репрессиям в результате принятия неправомерного закона об «иностранных агентах» 2012 г., который фактически привел к изгнанию Школы из России. Школа должна была воссоздать себя в новых условиях или сдаться. Лена и Юра не собирались сдаваться. Школа была и остается для Лены делом жизни. По мере сгущения грозных туч над либеральной демократией не только в России, но и в сопредельных государствах, которые входили в состав «советской империи», поддержание огонька свободы приобрело особое значение.

Из программы нашей конференции вы увидите, что все присутствующие россияне — изгнанники, добровольные или вынужденные, и что деятельность Школы сегодня охватывает все части Европы.

И не только Европы. Послание Школы не ограничивалось Россией и ее восточноевропейскими соседями. Одним из лучших друзей, которых я приобрел в Школе, был молодой — сорокалетний — китайский чиновник, которому, как представлялось, был уготован высокий пост в правительстве Китая. Он написал небольшую книгу, к которой я подготовил вступление, и издал, — в книге содержался призыв к синтезу китайских и западных ценностей. Что случилось с ним? Уже много лет я не имею о нем вестей.

Мне бы хотелось воздать должное мужеству — поистине героизму — Лены и Юрия, которые сохранили Школу, несмотря на чудовищные трудности личного и финансового порядка, среди которых следует назвать их фактическое изгнание из московского дома (со знаменитой кухней Лены!). По мере того как в посткоммунистической России вновь наступают темные времена, Школа остается подлинным лучом света — частью не только российской, но и мировой новейшей истории.

Драгоценное окно возможностей, ненадолго раскрывшись, вновь захлопнулось, но лишь на время, пока диктаторы надувают щеки на

Генри Мур. Двойной овал. 1966

мировой арене. Я, скорее, преисполнен мрачных предчувствий относительно будущего мира в целом. Россия слишком богата, человечна, чтобы навсегда попасть в плен безумия. А когда она исцелится, историки воздадут должное роли, которую сыграли Лена Немировская, Юрий Сенокосов и Школа гражданского просвещения в поддержании огонька свободы в темные времена.

Эволюция конституционных ценностей*

Елена Лукьянова,
доктор юридических наук

Ответ на вопрос «Что делать юристу в неправовом государстве?» простой: «Ничего. Но никогда не сдавайся! Действуй по принципу: фиксируй, фиксируй, фиксируй!» Но я не буду об этом говорить или буду говорить, когда будут ответы на вопросы.

Тема моего выступления заявлена как «Эволюция конституционных ценностей». Я хочу перефразировать ее: «Как эволюция конституционных ценностей привела к войне». Потому что если мы всерьез зададим себе вопрос: «За что сегодня идет война в Европе?», то выяснится, что... Можно много говорить про сумасшедшего Путина, про обезьяну с гранатой, про имперские амбиции, но на самом деле это война за конституционные ценности. За их возвращение. Так получилось.

Инна очень любит мою лекцию про эволюцию конституционных ценностей, которую я никогда не читаю одинаково, потому что одинаково читать не умею. Я начала вспоминать: а как я ее читала в последний раз? Последний раз это было в Юрмале сразу после начала войны. Тогда мы говорили еще об эволюции. О том, как формировалась современная мораль международных отношений. Как одна страна за другой в своих конституциях начинали выдвигать на первый план права человека и почему они стали это делать. А они стали это делать потому, что государства одно за другим приходили к выводу, что основой благополучия, развития экономики, хорошей жизни, консенсуса является человек и его свобода — свободный человек. Поэтому многие страны начали приходить к этому на протяжении последних 70–80 лет (а некоторые и раньше).

* Выступление на семинаре Школы в Варшаве 17 ноября 2022 г.

И когда права человека провозглашались как национальный приоритет, то страна почему-то начинала жить лучше.

Но потом нужно было не просто провозгласить приоритет, а обеспечить функционирование этих прав и свобод. И выяснилось, что существует много факторов, необходимых, чтобы права человека работали, чтобы человек стал свободен, чтобы государство нормально развивалось, чтобы государству было удобно жить в условиях, когда правила, которые оно принимает, были бы приняты обществом, — и тогда государству дешевле, спокойнее поддерживать правопорядок.

Главным условием существования прав и свобод является мир

И постепенно одна страна за другой пришли примерно к одним и тем же выводам, что отразилось в их конституциях (в некоторых странах, я не про все говорю). А потом те государства, в конституциях которых это отразилось, одновременно пришли к идее: «А не пора ли нам договориться, что права человека — это больше не внутреннее дело государства, а это наше общее дело?» Потому что хорошо, конечно, когда одна страна живет благополучно и мирно развивается в условиях консенсуса. А когда группа соседних стран так же развивается, тогда у нас целый регион начинает жить хорошо.

Собственно, *отсюда* Евросоюз, который изначально вырос из Европейского объединения угля и стали. А потом расширил свои представления о хорошем, добром, об условиях развития, о путях этого развития и выработал единые ценности. И появилась Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Я говорю о том, как эти ценности развивались.

Недавно мы спорили с Василием Гатовым о терминологии, о переводе на разные языки слов «ценности» и «национальные приоритеты». «Ценности» — какое-то расплывчатое слово. Но оно выросло из «национальных приоритетов» и стало «ценностями».

Естественно, мы смотрели, как это проявилось в постсоветских конституциях. Как эти ценности появились в постсоветских конституциях. Как каждая страна ходила вокруг да около, осваивая новую терминологию. Одни страны написали новые конституции. Другие вставили в свои конституции столетней давности главы о правах и свободах. И потом нужно было обеспечивать все это верховенством права как минимум. Обеспечивать правовым государством, чтобы государство не смело покушаться. Чтобы оно находилось в своей клетке, четко обозначенной обществом, и не могло раздвинуть прутья этой клетки.

И вот так все это происходило, а потом вдруг случилась война. Почему проигрывает Россия (а она проигрывает!)? Потому что не понимает, на что она покусилась. Потому что вдруг стало понятно, что верховенство права — это очень хорошо, правовое государство — отлично. Но главным условием существования прав и свобод является мир.

То есть в условиях войны никаких прав и свобод человека *нет*. На самом деле в этих международных документах это, конечно, было записано. Но право на мир и на безопасную окружающую среду — два основополагающих права — это вообще третье поколение прав человека, оно не сразу родилось. И вдруг оно стало *первым и главным*. Вот почему, собственно, все страны так объединились.

А Россия до сих пор ничего не поняла. Она живет по принципу: «А что такого я делаю? А что это все против меня?.. Хотят погубить Российскую Федерацию и кричат: “Да кому она нужна?”»

Российская Федерация действительно нужна американцам, но только как безопасное пространство между Европой и Китаем. Им выгоднее всего, чтоб это пространство было спокойным, чтобы через эту территорию шли товары, грузы, авиаперевозки, чтобы вокруг-то не летать. (Мы все сейчас в условиях войны увидели, что такое «криво летать».) Вот это была мечта Обамы. Мы с ним разговаривали, и вот какую мысль он высказал: «Вообще-то нас не интересует Российская Федерация никаким боком. Лишь бы это была спокойная территория для перевалки грузов. И чтобы природу, моря и реки не портили».

Потому что мир является главным гарантом тех национальных и международных приоритетов, которые были установлены 70 лет назад

А международный хулиган — это вообще плохо. И вот Россия никак не может понять: «А что такого? А что я такого сделала? А чего это вы все на меня?» Да потому что ценности! Люди поднялись и объединились. И Европейский союз, у которого было несколько вариантов развития. Тот Евросоюз, в котором говорили о трехскоростном новом Европейском союзе, о новой модели «Европы разных скоростей», «Белой книге» Евросоюза, размышляли, как жить дальше, надо ли трансформироваться. И вдруг — раз! — все снова объединились.

Потому что мир — это одна из ценностей, которая является главным гарантом тех национальных и международных приоритетов, которые были установлены 70 лет назад... которые сначала были записаны в конституциях, потом перешли в международные акты (я буду повторять рефреном, чтобы это стало понятно), и потихонечку эти ценности приобрели действительно смысл общечеловеческой морали.

А мораль — это очень серьезное философское явление, но в обыденной жизни оно сводится к двум словам: прилично — неприлично, хорошо — плохо, можно так себя вести или нельзя.

И вот когда-то записанные в конституции права человека развивались на протяжении столетия. Появлялись новые виды прав человека. Сейчас говорят о пятом поколении — о соматических правах и свободах человека. («Соматические» — замечательный термин!)

В итоге же из-за этих прав и свобод случилась война. Вернее, не так: война-то случилась из-за «а что такого? что хочу, то и ворочу!» А вот война такой силы и такое объединение огромной части цивилизованного мира против России, которая никому особо и нужна-то не была, слу-

*Эти ценности стали
общемировой моралью*

чились именно из-за ценностей. Именно потому что эти ценности стали общемировой моралью.

Нельзя плевать на пол, нельзя класть ноги на стол — это неприлично. Нельзя бомбить гражданские инфраструктуры, нельзя насиловать женщин, нельзя мародерствовать — нельзя! Вот эти конвенции — господа, про них все забыли! Эти конвенции 1948–1949 годов казались уже... чем-то само собой разумеющимся, их преподавали на юридических факультетах как что-то такое уже очень старенькое. Все конвенции о сухопутных войнах, о военнопленных — вот они выплыли, и мы их нынче пересматриваем. И видим: «Хорошо, что они были». Но население мира подзабыло о них.

И сейчас все заново.

Смотрите, и альтернативный Международный трибунал надо создавать. Потому что перечня военных преступлений или преступлений против человечности не хватает, чтобы действительно понять, что Россия натворила.

Я не хочу пересказывать вам азбучные истины. Я предлагаю немножко сместить наш угол зрения от «просто спятившей обезьяны с гранатой в России» вот к этому пониманию: «А что случилось? А почему все объединились? А почему все так принимают украинских беженцев? А почему львиная доля комментаторов говорит, что Украина сегодня защищает всех нас?»

Защищает *те самые ценности!* Потому что мир — это главное условие и главная гарантия соблюдения прав человека. Только так развивается планета Земля — конструктивно, позитивно, начинает сама себя беречь. Начинает повышать свой образовательный уровень, то есть перестает гадить. Как только образовательный уровень повышается, количество гадства и плевков вокруг резко сокращается.

Вот примерно так... об эволюции и войне.

Дискуссия: вопросы и ответы

Инна Берёзкина: Я хотела бы зафиксировать эту связку: о сочетании насилия и безнаказанности. В стране, где сначала покусились на права человека, потом на конституцию, и затем это привело к войне.

Елена Лукьянова: Ни на что они не покушались. Они думали и продолжают думать о своей стране: «А что такого?» Когда мы им говорили: «Ребята, вот это повлечет за собой вот это, вот это и вот это. А приведет к чему?» К чему приведет их «а что такого»? К крушению режима.

И. Б.: Это приведет к моральному распаду и крушению...

Е. Л.: К крушению режима.

А насчет безнаказанности — давайте так: неточное определение. Инна сказала «безнаказанность». Чья безнаказанность? У нас же полстраны сидит, полстраны охраняет...

Реплика из зала: У нас уже те, кто сидел, охраняют.

Е. Л.: Они не охраняют, они на фарш пускаются.

Реплика: Они думают, что охраняют, раз уж мы про них заговорили. Не понимая, что происходит уничтожение остатков правового пространства.

Е. Л.: Я не согласна. При диктатурах не бывает правового пространства. А это уже диктатура, давайте ставить диагнозы политическому режиму! Это уже не автократия, это диктатура, то есть власть, опирающаяся на прямое подавление и репрессии. В диктатурах не бывает правового пространства, это исключено. Не бывает правосудия, не бывает защиты прав человека. Поэтому давайте нашу конституцию сейчас положим под колпачок... положим под хрустальный колпачок и побережем, пусть полежит чуть-чуть, пока не кончится диктатура. Потому что мы уже готовы, уже сделали концепцию поправок к конституции. Если кому-то интересно, я пришлю, вы сможете посмотреть. Мы абсолютно уверены, что действующая Конституция России не исчерпала ни своего правового, ни демократического ресурса, но она нуждается в новой редакции. И концепция этой новой редакции сделана Конституционным клубом еще в 2020 году. Сейчас можно посмотреть на нее с точки зрения 2022-го, но она готова.

Перед войной мы решили посмотреть на прошедшие 20 лет и написали в Свободном университете книгу «Выборы строгого режима». И вот мы ее писали-писали про то, как искажение избирательного законодательства привело к такому парламенту, который начал принимать известные всем законы, на основе которых... и закончили за две недели до войны. А потом... осталось дописать: «...на основе которых началась война». Просто в почти каждом параграфе мы дописали еще несколько слов — и все сложилось, сошлось.

То есть все это было как бы закономерно. Но когда мы стали ретроспективно смотреть на каждый шаг начиная с 2020 года, то сначала нам показалось, что до этого существовал путинский стратегический план захвата власти, а потом ее удержания. А когда рассматриваешь каждый эпизод по отдельности: вот тут он подправил закон, тут полномочных представителей президента в федеральные округа стал присылать, тут губернаторские выборы отменил (кстати, вышла великолепная книга, одна из лучших, «Преемник» Михаила Фишмана), то видишь: нет, это была тактическая задачка, например, ликвидация конкурента губернатора или еще что-нибудь такое.

Путин чего-то испугался. Вы же слышали, наверное, последнее интервью Сергея Пугачева Марку Фейгину. Там тоже это все очень хорошо видно: «А это почему? А это почему?»

Ретроспективно это выглядит как стратегический план. А когда начинаешь разбирать, то это цепь явно тактических мер, которые привели к коллапсу.

Отсюда вопрос: «Они это понимают?» Нет, не понимают.

Денис: Я хотел бы спросить, возвращаясь к подзаголовку нашего семинара об ответственности. Я вижу во всем происходящем в том числе и нашу ответственность как просветителей. Потому что «в консерватории-то не подправлено». Диктатура — она не кончалась. Мы сначала были в советском периоде, потом как-то там с Ельциным водки попили и с Клинтоном потанцевали... и — Путин. А основная проблема — отсутствие субъектности у народа, у людей, отношение к людям не как к субъектам, а как к объектам — она никуда не ушла. Вот это «лес рубят — щепки летят», неуважение к человеческой жизни — ведь корни того, что сейчас происходит, именно в этом. В обществе нет уважения к человеку, к его достоинству. Соответственно, о каких тогда правах человека мы можем говорить?

Я правозащитник, я встречаюсь постоянно с сотрудниками ФСИН, и они все время мне говорят, что «у эков больше прав, чем у них». То есть они не понимают каких-то базовых вещей о правах человека, о том, что права человека нарушает государство. И начинают рассказывать про свои трудовые права. И тоже говорят: «А что такого?» А потом: «А что вы нам сделаете?» Так что здесь есть и наша ошибка, наша недоработка. Потому что мы не донесли историю о том, что ценность человеческой жизни превышает всего. Прежде чем начали говорить о правах человека.

Е. Л.: Я совершенно согласна, с одной стороны. И не до конца согласна с выводом, что «мы недоработали». Да, сначала появилась конституция, а потом мы начали осознавать. Так бывает.

Вот Украина хитрее сделала: она конституцию не спешила принимать. Это Борис Николаевич спешил и стрелял из танков по парламенту, ему нужно было экстренно в 1993-м. А Украина — так, чих-пых,

Майкл Парековой (Michael Parekowitz). При первом взгляде на Гомера Чепмена. 2011

аккуратненько: «Мы пишем конституцию, спокойненько пишем, мы без нее проживем». Миша Минаков, так было?

В 1996-м, а не в 1991-м приняли конституцию?! Пять лет. Спокойненько. Конституции не пишутся «на коленках».

Михаил Минаков: Не спокойненько.

Е. Л.: Я знаю, не спокойненько: в дебатах, в острых спорах, пять лет. А Ельцину нужно было расстрелять парламент и принять конституцию экстренно, через референдум, который бы проводился не по закону о референдуме, а по его личному указу. И в последний момент после Конституционного совещания это еще было подправлено — вот они, дефекты конституции! Вот он, президент вне системы разделения властей! Вот он, наделенный дополнительными полномочиями! Это же правки после Конституционного совещания. Вообще некоторые сегодняшние историки права и специалисты говорят: «Это вообще незаконно. Конституционное совещание этого не делало. Администрация президента внесла коррективы *после* совещания».

По идее, можно было использовать эту конституцию для диктатуры, а можно было не использовать. Ельцин не использовал. А Путин использовал. Хотя у Ельцина тоже несколько раз перо замахивалось на роспуск парламента, но он вовремя останавливался, не донося перо до бумаги.

Такие ситуации бывают, что сначала конституция, а потом осознание. Да, бывают. Мы обгоняем свою историю.

Надо было перечислять учителей. Надо было разговаривать с людьми

Но я не согласна с тем, что «мы недоработали». А попробуйте-ка с нуля перечислить 140 миллионов! Надо было с нуля переводить все книги — все! — у нас их не было. Надо было перечислять учителей — и до сих пор не всех перечислили. Надо было разговаривать с людьми. И спасибо ельцинскому десятилетию (и плюс еще немножко при Путине) за то, что такая возможность была!

И спасибо, что появлялись институты гражданского общества — может быть, даже вопреки! Когда государство перестало выполнять свои обязанности перед гражданами, они начали замещаться (потому что жизнь не терпит пустоты) какими-то совершенно безобидными институтами: например, родители объединяются, чтобы доставлять детей в школу в Сибири. Или государство не выделяет деньги на мост через речку Вонючку, граждане собираются, строят этот мост, а потом оказывается, что они построили в десять раз дешевле, чем предлагала администрация этого поселения.

Сделано много. Другой вопрос: сколько еще предстоит?

Потому что вот они мы — те, которых обучили. Нас не было столько ни в 1991-м, ни в 1993-м. И Школа существует много лет и вручную растит поколение за поколением, человека за человеком. Просто усиливать надо эту просветительскую работу. Поэтому появился Свободный университет. В изгнании. За два года 9000 человек прослушали его курсы. И с момента начала войны, и после мобилизации мы только что (в сентябре) получили 6,5 тысячи заявок. И причем количество желающих учиться растет. Поэтому, мне кажется, вопрос надо ставить по-другому.

Кирилл Рогов написал сегодня: «Помнить о возможности невозможного гораздо продуктивнее, чем все время думать о невозможности возможного». Это как разница между «стакан наполовину пуст и наполовину полон».

Марк: Вы очень много в последнее время говорите о подготовке документов для новой России, на перспективу. А как вы относитесь к тому, что некоторые эксперты считают, что после этой войны Россия распадется? Будет ли кому эти документы реализовывать?

Е. Л.: Ну распадется, ну развалится — это же не значит, что она исчезнет. Она же никуда не исчезнет. Распадется на части — значит, тем частям, до которых мы дотянемся, эти документы все равно нужны.

Я-то давно об этом говорю.

Давно в университете мы открыли Лабораторию переходного периода. Потому что окно возможностей или форточка возможностей... Если вы читали книгу Михаила Ходорковского «Как убить дракона?»... он говорит, и я тоже говорю: «Два года, не больше!»

Я помню Государственную думу I созыва, которая просуществовала два года. Какую адскую работу нужно было проделать, чтобы принять все эти законы. И, конечно, не все успели. Так давайте подготовим заранее!

Арсений Максимов (Барселона): Вопрос про исторический прогресс. Многие из наших экспертов говорят о прогрессе, о движении вперед. Я до сих пор не могу в него поверить. Мне хотелось бы, чтобы кто-то сказал, почему он верит в прогресс. Я в этом смысле помню Ханну Арендт, которая не верила в прогресс и говорила, что он очень опасен, потому что если мы верим в прогресс, то прогресс нас уводит совсем не туда, куда мы хотим. И нет никакой гарантии, что будет прогресс. Скажите, почему вы верите в прогресс? Я как не верящий в прогресс хотел бы уверовать.

Е. Л.: Давайте начнем с того, что я этого не говорила. Я не говорила о прогрессе. Я говорила о движении: мы сделали что могли. За 30 лет. От нуля к минимум 30 процентам населения, которое научилось думать, сравнивать информацию, ходить на выборы и так далее, — это можно назвать прогрессом, можно назвать неудачей, или, как говорит Денис, «мы недоработали». Можно назвать как-то еще. Но я вижу динамику, а как ее оценивать — положительно или отрицательно — это ваше право.

Второе. Я вообще ни во что не верю. Я считаю, что вера и надежда — это два недостоверных основания, по Дудинцеву. Я — ученый. Я могу только знать или не знать. У меня могут быть или не быть основания для выводов. Если их нет, значит, я чего-то не знаю.

А насчет веры это не ко мне.

Реплика: Иначе говоря, прогресс — это не вопрос веры, а вопрос знания. Не обязательно верить в прогресс, достаточно признавать его наличие.

Сергей Штурхецкий (Украина): Я как журналист отношусь с подозрением к любого рода текстам, потому что знаю, как они пишутся. И поэтому к конституции и к тому, что делают юристы, вот так вот отношусь — со скепсисом. Но последние события показали все-таки важность этих документов. В 2013 году у меня и у всех украинцев екнуло, когда мы начали петь гимн «Ще не вмерла Україна». Мы начали петь не просто так, это от сердца шло, и в 2013 году я стал понимать каждое слово в этом гимне и тот код, который в нем заложен. И теперь, когда поется гимн, это не просто гимн, это такая песня единения. А недавно я в одном диалоге с депутатами упоминал статьи Конституции Украины — и

тут у меня екнуло, потому что я еще раз перечитал статью «Людина, її життя і здоров'я, честь і гідність, недоторканність і безпека визнаються в Україні найвищою соціальною цінністю». И у меня екнуло, потому что я понял, что это правда. Я понял, что это не просто текст юристов, который положили под хрустальный колпак, как вы говорите. <...> Когда вы работали в девяностых годах, это тоже были общие наработки той школы.

Я хотел спросить, сколько времени должно пройти в России, и что сначала должно екнуть? Наверное, сначала должно екнуть, когда слышишь гимн, и понять — это гимн. А когда у россиян начнет екать при чтении конституции? И на какой статье екнет?

Е. Л.: Я говорила уже, и многие это слышали, что когда ко мне в магистратуру Вышки пришел учиться американец и мы дискутировали как раз о смысле конституции, я задала ему вопрос: «Что такое конституция для американцев?» Он секунды три подумал и сказал: «Для меня и для американцев конституция — это религия». Отличная религия!

Вот вы говорите: екнуло. Вот чтобы у вас екнуло, чтобы создалась политическая нация, чтобы вы начали читать конституцию, нужна была аннексия, война, одна революция, вторая революция — на самом деле это все были конституционные реформы. Это же были конституционные реформы, вспомните!

А у нас — у части — екнуло, это, опять же, у тех 30%, которые научились читать конституцию. Но у нас примерно в 2010 году запретили вешать по всей стране наружную рекламу со статьями конституции. Запретили.

Я думаю, екает у каждого по-своему. Может быть, очень сильно екнет, когда Россия проиграет эту войну.

Я думаю, что в конституцию не заглядывали, но уже близко к тому, чтобы екнуло у тех, кого достала эта диктатура. У тех, кто не задумывался, пока не случилась мобилизация.

За остальных я спокойна — у них давно екнуло. Те 30%, кого научили, у тех все в порядке с этим делом. Значит, нам осталось еще поработать. Или «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Ведь у вас тоже несчастье. Случилось несчастье, и вдруг после споров о том, какой язык является государственным, вся Украина заговорила на украинском. На наших глазах складывается политическая нация, да какая! Мощнейшая! И когда поют гимн, действительно рыдают в каждом освобожденном населенном пункте.

Уже такая шутка прошла, когда русские солдаты говорят: «Нас зимой в Украине так же встречали». — «Это как, с цветами?» — «Нет, с украинскими флагами».

Вот примерно такой ответ.

Илья Соленков (Беларусь): У меня небольшая ремарка. Один из английских королей сказал: «Друзьям я прощаю все, а для остальных существует конституция». Это к слову о том, что будет дальше. А дальше — увы, мне кажется, будет то же самое.

Е. Л.: Равенство перед законом и судом — один из важнейших принципов верховенства права и прав человека. Вы не случайно процитировали короля, то есть монарха, то есть «единовластца». Не случайно именно абсолютную монархию начали ограничивать в свое время.

Что случилось, когда приняли Magna Carta? Пришли бароны и сказали: «Мы тоже хотим участвовать в управлении государством. Подвинься, абсолютный монарх!»

*Равенство перед законом
и судом – один из
важнейших принципов
верховенства права и прав
человека*

Только в диктатурах, там, где власть не распределена демократическим путем, существует эта штука: «Друзьям — все, остальным — закон». Закон, потому что конституции там тогда еще не было, когда данный персонаж говорил эти слова. Конституции появились как раз там и тогда... Там и тогда, где и когда ограничивается абсолютная власть, появляются конституции, потому что они, собственно, первая «клетка» для этого самого произвольного, который устанавливает друзьям все, а другим закон.

Татьяна Сиваченко (Беларусь): Вы говорили, что Америке не нужна Россия. И я вспомнила разговор со своей мамой. Мама против Путина, против Лукашенко, она поддерживала мою протестную деятельность, она против войны в Украине. Но она говорит, что «Америка руками Путина уничтожает славян». И это же мнение бытует среди многих белорусов, особенно в восточной части Беларуси. Как с этим бороться?

Е. Л.: Поменьше смотреть телевизор. Надо выяснить источник вреда и яда и ликвидировать.

Саша, начинающий журналист и активист: Я был недавно на Съезде народных депутатов России, в котором вы участвовали. Вы были одной из публичных персон, которые поддержали пономаревский съезд. Я хотел еще тогда задать вам вопрос: насколько, по вашему мнению, был легитимен тот съезд?

Е. Л.: Он, конечно же, нелегитимен. Но из всего того, что есть, он самый легитимный. Я ответила на ваш вопрос?

Вот, например, за меня голосовало на выборах в Мосгордуму 210 тысяч человек — гораздо больше, чем за тех муниципальных депутатов, которые были депутатами съезда. Но у меня в последний момент выключили на два часа ГАС «Выборы», и все-таки кандидат от «Единой России» обыграл меня на 2%.

У меня все официально. Вот мои 210 тысяч. Я говорю: «Я не могу участвовать, я не могу быть делегатом, я могу только быть экспертом». А эти ребята выиграли в каких-то там сельских, городских... То есть он нелегитимен, но он самый легитимный из того, что есть. Придумайте что-нибудь лучше.

У нас никого вообще нет, а эти ребята собрались и начали занудно — я не ожидала от них! — обсуждать *поправки к документам*. Я чуть с ума там не сошла, что они предлагали. Но в итоге-то все нормально приняли.

Вы просто не видите, как там кипит работа, как кипит работа в рабочих группах. Как «юные крокодильчики» предлагают поделить Россию на штаты вместо республик. Какие идеи там носятся. Как надо люстрировать бывших октябрят с пионерами. И ничего, я вас уверяю, они соберутся, начнут голосовать и придут к разумным точкам зрения.

Саша: У меня, когда я был на съезде, честно скажу, не екнуло.

Е. Л.: У меня тоже не екнуло. Моя задача была «держать и не пущать», чтобы не натворили глупостей, чтобы все было хорошо сформулировано.

Это только начало. Но документы-то нам нужны позарез.

Вспомните, что было с Временным правительством в 1917 году, когда оно девять месяцев собирало Учредительное собрание. Чем кончилось? Я вот больше этого не хочу. Еще одного большевизма.

Марина Никандрина: Поступив на юрфак, я надеялась, что могу что-то изменить, потому что единомышленников было много. Но мы, Беларусь, пошли не туда в 1996 году после устранения главы ЦИК Гончара. В каком году Россия свернула не туда? Или не было вообще правового поля, государства в принципе?

Е. Л.: У России было много поворотов. Да, сам 1993 год, расстрел парламента был очень серьезным моментом. Тем не менее на основе этого была принята дефектная конституция. Сказать, что она была написана под Ельцина — нет. У вас точно была написана под Лукашенко. Настоящей демократической конституции вы, в общем-то, не знали. Мы же хотя бы с ней поигрались. Потому что Путин 20 лет провозглашал, что это «священная корова и мы ее трогать не будем», хотя окружал ее забором из законов и закончиков, которые ей противоречили и не давали ее механизмам работать.

Поэтому мы и говорим, что предлагаем оставить эту конституцию, существенно ее дополнив и поправив, потому что она не реализовала свой потенциал, к тому же очень-очень неплохо выстроены и написаны как минимум 1, 2, 9-я главы, которые, собственно, главные, несменяемые.

Если же брать путинский период, то он делится на две части, как мы считаем (и довольно подробно написали об этом в «Выборах строгого режима»).

С осени 1999 (фактически он уже был председателем правительства) по 2006 год — завоевание власти. Далее — удержание власти. Удерживать ее становилось все труднее и труднее — это так всегда бывает в авторитариях. А потом пришлось применять диктатуру. Потом пришлось обнуляться, менять конституцию в 2020 году и развязывать войну — это абсолютно закономерно. Это вот такое удержание власти.

Но все это, на мой взгляд, не было основано на серьезном анализе, поскольку формирование корпуса госаппарата было таково, что он полностью стал профнепригоден. Поэтому все труднее и труднее было принимать решения на основе достоверных, достаточных данных. И поэтому случилось все так, как случилось. Это такое какократическое государство. Какократия — это «власть худших», отрицательный профессиональный отбор. Может быть, если бы было немножко иначе... Батка у вас хитрее и страна меньше.

Ива (Россия — Литва): Откуда вообще возникло это «а что такого?» Почему они не знали, что начнется, почему не понимали, о чем их предупреждали столько лет?

Е. Л.: На вопрос «Почему?» — потому что такой уровень образования и культуры. Не успели. К власти пришли полуобразованные люди. Это первое.

Второе. Фальсификация науки. «Диссернет» и «левые» диссертации — это что? Фальсификация науки. Очень страшное явление. Поэтому А. Заякина и объявили террористом и экстремистом — ведь не за то, что он 1000 рублей ФБК пожертвовал, а потому что он требовал лишить кандидатских степеней жуликов от науки. Это же тоже очень страшное явление. Отрицательный кадровый отбор — вот он приводит к таким штукам.

Эдли Габин (Херсон — Барселона): У меня вопрос про болезненное следствие ситуации, которая сейчас происходит. Я давно живу в Западной Европе. И когда общаюсь с американцами, немцами, какими-то другими местными, то у них сейчас огромная проблема с пониманием переехавшего русского человека. И много агрессии по отношению к россиянам. С другой стороны, есть люди, давно живущие на Западе и не имеющие ко всему этому отношения, или наоборот, которые делают все, чтобы противостоять режиму. Это одна часть ситуации. У меня как у украинца тоже екнуло когда-то, в 2014 году я в течение года вообще не говорил на русском, в основном это была политическая позиция. Я замечаю по себе — я сотрудничаю с российскими НКО, приезжаю сюда в *Sarreg Aude*, — что моя самая большая эмоциональная проблема — это баланс. Когда я читаю новости из Херсона, Мариуполя, еще откуда-нибудь, то слова «русня», «умрите все», «когда же вы оставите нас в покое» и так далее — это очень понятно для меня. Но, с другой стороны, когда я приезжаю сюда, то вижу этих людей, которые делают

что-то и стараются как могут, и это люди, с которыми мы сотрудничаем и дружим. Это для меня очень сложно. Потому что я очень хочу найти баланс. И когда я говорю, что хочу, чтобы Российская Федерация развалилась, то говорю это потому, что я боюсь. Я боюсь того, что если она не развалится, то все это будет продолжаться много лет, а не потому что я хочу, чтобы россиянам плохо жилось. Как вы считаете, где ключ к тому, чтобы этот баланс был?

Е. Л.: Его нет. Все, что вы говорите, — это зарисовка с натуры. Так и есть. И у меня екнуло в 2014-м, поэтому я стояла и кричала, когда «зеленые человечки» вошли в Крым, — я, россиянка. И поэтому я написала статью «О праве налево». Вот у меня екнуло тогда.

И так же я кричала, когда на русском языке был отдан приказ о вторжении в Украину. Я кричала криком. Потому что это позор, это чудовищно, это преступление. И надо отдавать себе отчет в том, что это преступление, а мы, носители российских паспортов, ничего не можем с этим сделать. Мы вынуждены будем терпеть отношение к себе как к «русне» и к «чтоб они все сдохли!».

Я, честно говоря, тоже хочу, чтобы развалилась Россия. Я тоже не вижу нормального способа управлять такой машиной. Чтобы она хотя бы разделилась на более или менее управляемые регионы. А в каких-то регионах просто жить не надо (вот мы вчера обсуждали это с бывшим членом Совета Федерации от Чукотки). Там *нельзя* жить. Это плохие регионы, невыгодные экономически, там могут жить только коренные народы.

Поэтому все, что вы сказали, — здесь нет *ключа*. Это все россиянам придется пройти — и ваше отношение. И вам придется пройти через свое отношение, через свой когнитивный диссонанс. Залечит только история, только время, только наше ответственное поведение, если оно у нас будет (а оно не у всех будет). И сколько кирпичей мы положим в основание тех зданий, которые были разрушены российскими бомбами после приказа, отданного на русском языке.

Лиза (Беларусь): Вы говорили про общечеловеческие и общеморальные конституционные ценности, но мы сейчас живем в каком-то мире постправды и постморали, что ли. Есть вещи, которые для одних хороши, а для других плохи. И есть люди, которые с этим соглашаются: «Для вас — так, для нас — так, и вот так будем жить». А также упоминалось, что 30 лет заняло, чтобы образовать 30% населения и так далее. Так сколько еще времени надо, чтобы это все поменялось?

Е. Л.: Я не поняла вопроса и не поняла, о чем вы говорите. Видимо, вы не очень понимаете, что такое конституционные ценности, которые закреплены в международных документах. О чем это: «Что для меня хорошо, что — плохо?» Вы говорите о толерантности? О чем?

Лиза: О том, что Россия как государство сейчас не принимает эти ценности.

Е. Л.: Да меня вообще не интересует, что она там делает как государство. То, что она делает, — это диктатура. Меня не интересует отношение государства к этим ценностям. Меня интересует отношение конкретного человека: понял или не понял, екнуло или не екнуло.

Лиза: Так сколько еще лет надо, чтобы екнуло?

Е. Л.: А посчитайте-ка, сколько это 30% от российского населения? Много? А я думаю, что уже больше. Ну извините, делали что могли.

Игорь Родиков: «Екнуло» — это сегодня слово дня. И во мне очень отзывается вопрос, с которого мы начали, который задал Денис. Как быть и сколько потребуется времени — это более или менее понятно: времени потребуется много...

Е. Л.: Не факт. Это может случиться очень быстро. Вот когда екнет, с этого момента вообще очень легко работать.

И. Р.: Но у меня вопрос не про сколько, а про то — как? Что должна делать...

Е. Л.: Это обвально может случиться. Мы не знаем, когда и что обвалит. Тот черный лебедь, который прилетит для «обезьяны с гранатой» — он же будет, может быть, моментом, когда екнет, и все случится очень быстро. Мой муж, профессиональный журналист, твердо уверен, что ему хватит шести недель. Но, может быть, он чрезмерный оптимист. Я считаю, что полгодика.

И. Р.: Я сейчас говорю не про смену власти, не про крах режима...

Е. Л.: И я не про это.

И. Р.: Полгода? Полгода на то, чтобы укоренилось правовое сознание?

Е. Л.: Да... Скажем так: как только это станет модным.

И. Р.: Вот! Про это и был вопрос: как новой власти, которая будет после Путина, — как этой власти продать (давайте используем такой термин) населению его права?

Е. Л.: Не знаю. По ситуации будем смотреть. Надо быть очень креативненькими, чтобы это сделать.

Вот когда меня выбирали, когда за меня 210 тысяч проголосовали, я же баллотировалась от КПРФ. У меня был гигантский ЦАО Москва. И что мы сделали: мы сделали мою красивую фотографию и расклеили ее в бассейнах и бутиках на Рублевке — мы знали, что они все прописаны в ЦАО. А подпись у этой фотографии была: «КПРФ — это модно». Вот и все. И они пришли голосовать.

И. Р.: Есть дизайнеры в зале? Слоган «Права человека — это модно!».

Георгий Чижов: Поскольку у нас исчерпались вопросы первого уровня о правах человека, Лена, может быть, есть смысл поговорить про формы республики? Это тоже конституционная тема. Президентская или парламентская?

Как так получилось, что практически все постсоветские государства, кроме Балтийских, оказались все-таки президентскими и потом свалились в диктатуры: некоторые — практически сразу, а некоторые — потом. Вот Беларусь пыталась пойти путем парламентской республики — ничего не вышло. Даже в Украине нашей любимой, в общем-то, принята конституция парламентско-президентской республики, а она все равно получается президентской — и при Порошенко, и при Зеленском. Сейчас, во время войны, это, наверное, даже хорошо.

*Как мы судим о том,
президентская республика
или парламентская?
По разграничению
полномочий*

Вообще есть ли... ну я понимаю, что нет панацеи, но, может быть, все-таки парламентская республика или парламентско-президентская республика с большей вероятностью может предохранить от скатывания в диктатуру? Интересно ваше мнение по этому поводу.

Е. Л.: Спасибо огромное! Люблю про это говорить.

Тезис первый. В России не президентская республика. Я называю российскую форму правления *выборной дуалистической монархией с институтом престолопреемства*. Так было с 1993 года.

Как мы судим о том, президентская республика или парламентская? По тому, что есть президент и парламент? Нет! По разграничению полномочий.

А то, что у нас в России, — это называется *выборной дуалистической монархией*. А когда была рокировка, то это дополнилось институтом престолопреемства. (Ну, собственно, и при Ельцине было престолопреемство.) Это первое.

Второе. Как я отношусь к президентско-парламентской республике? Мне все равно, поверьте. Мне важно, как разграничены полномочия. Более эффективной я считаю смешанную модель — бразильскую, например. Почему? Потому что парламентская очень медленная, ужасно тяжелая. Потому что, чтобы иметь хорошую парламентскую республику, надо уметь договариваться. Надо иметь огромное терпение для достижения консенсуса, для голосования каждой поправки, для долгого принятия законов. Это очень тяжело. Смешанная форма эффективнее и быстрее в современном мире.

Теперь про Украину. Нет, у вас не президентская республика. Ваша модель: две революции, которые вы называете революциями, я настаиваю... По-моему, я в вашем же докладе (мы писали вместе с вами) прописывала, что же на самом деле было в Украине.

Бэнкси. Мурал в Бородянке. 2022

Г. Ч.: Да, это практически открытие было юридическое, и потом его подхватили.

Е. Л.: Ага! Это была конституционная реформа. У вас парламентская республика, которая все время пыталась скатиться в президентскую модель. И оба раза, когда она пыталась туда скатиться, — оба раза возникали Майданы. А в военное время вообще нельзя считать, парламентская или президентская. Когда введено военное положение и страна перешла на военные рельсы, тут особая система управления. Поэтому сейчас это тоже так нельзя сказать. Я думаю, что Зеленский тоже наделал ошибок. Мне страшно не нравится, когда в одной из парламентских партий есть реальное большинство — это прямо плохо-плохо-плохо, и «отольются кошке мышьи слезки». Но пусть Украина пройдет свой путь и так, и так, и так, и так. Украину очень жалко, что там парламентская республика. Но путь отличный. Путь мне нравится, как бы ни было жалко в конкретный момент времени.

Делфина Нугайред, член адвокатской палаты Парижа: Вы, по-моему, в 2015 году опубликовали в «Новой газете» статью «О праве налево». И потом был очень интересный ответ председателя Конституционного суда Валерия Зорькина. И мы, западники, которые изучают Россию, читали эту статью. Ответ Зорькина был острый, провокационный и очень интересный, потому что он открыл нам глаза: мы поняли, что это все может дальше двигаться в неправильном направлении. Сегодня вы могли бы что-то написать и опубликовать и, возможно, получить какой-то

ответ от него. Чтобы мы тоже видели, как он сейчас относится к войне. Я не знаю, что он говорит или говорил об этом — как юрист, я имею в виду.

Е. Л.: Во-первых, на его ответ тогда был еще один мой ответ. На его ответ в «Российской газете» развернулась большая дискуссия, и в том числе был мой в «Новой газете» официальный ответ ему. «Закон — что скрепа», по-моему, так он назывался.

Потом это вышло отдельной книгой, которая называлась «#Крым-наш. Спор о праве и о скрепах двух юристов». Мы собрали всю дискуссию и хотели в этой книге поместить его ответ мне — это же был персональный ответ, там моя фамилия пять раз была упомянута.

Я написала Зорькину и попросила разрешения опубликовать его в моей книге. И получила ответ из его секретариата: «Он с Вами не спорил. <...> Он не дает согласия». Поэтому нам пришлось переписать его ответ, попросить хорошего журналиста, который это изложил.

Зорькин меня боится. Меня боится весь Конституционный суд.

Будут ли они сейчас отвечать? Нет, не будут. Это сейчас уже просто «тварь дрожащая», а не Конституционный суд.

Когда они присоединили Херсон, Запорожье, Донецк, Луганск (вот сейчас), я сидела и думала, стоило ли мне написать что-нибудь подобное. И решила, что нет, не буду.

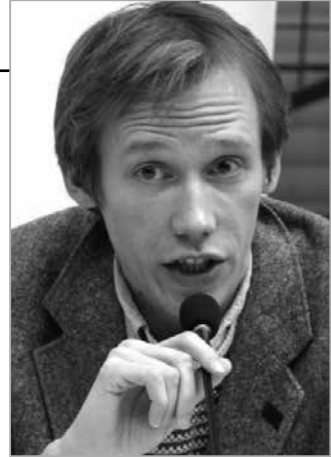
Аргументы Конституционного суда еще более слабые, чем с аннексией Крыма. Ошибки все те же самые. Они попытались что-то учесть из той нашей дискуссии — у них ничего не получилось. Они пробовали за эти восемь лет поправить законодательство — и тоже ничего не сделали. Никаких оснований для присоединения этих территорий на самом деле у них *нет*. Никаких! У них с этими территориями ситуация гораздо более сложная, чем с Автономной Республикой Крым. Потому что там была хотя бы *автономия*. А тут они присоединяли *части иностранного государства*. И сколько бы там эти «государства» ни пытались провозгласить себя независимыми, даже по российскому закону «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта РФ» они должны были проводить референдум в Украине и России.

Вот с Крымом — там такая история была только с Севастополем. А тут по отношению ко всем четырем областям.

Правовая имитация. Конституционный суд делает вид, что он ничего не видит. Но ведь все юридическое сообщество теперь знает цену Конституционному суду. Как и все международное сообщество.

Этот, с трясущимися руками и бегающими глазами, председатель Конституционного суда, который когда-то, когда я у него училась, был голубоглазым красавцем, читавшим такие лекции по истории политических и правовых учений, что зал вставал и аплодировал, куда он делся? Эта деградировавшая личность, утратившая свои правовые навыки.

О правовой помощи*

Григорий Охотин,
сооснователь ОВД-Инфо

Прежде всего, спасибо за приглашение. Это большая привилегия — выступать на семинаре Школы. Я буду говорить о том, что такое стратегия.

Мне кажется, Школа — очень хороший пример того, как стратегия реализуется на практике в разных сложных условиях. За 30 лет очень многое изменилось, а стратегия, в общем-то, остается та же самая, меняется тактика. Видение и теория изменений — две базовые вещи, на которых строится стратегия, — были правильно выработаны основателями Школы.

И вторая причина, почему мне очень приятно выступать сегодня, станет понятна в конце моей презентации, потому что некоторые наши подходы и теории оказались близкими.

За ОВД-Инфо стоит стратегия, без которой невозможно делать все то, что мы делаем. Очень кратко: в основе стратегии лежит миссия. Говоря простыми словами, мы работаем с политическими репрессиями, делаем все, чтобы помогать тем, кого репрессировали, или тем, кто с ними сталкивается здесь и сегодня. Но мы также постоянно думаем о будущем: как сделать так, чтобы в будущем российское общество жило без репрессий и с соблюдением базовых гражданских прав. Основное у нас — это митинги и свобода собраний, но на самом деле и ряд других прав.

У нас три основных направления:

- работа с информацией,
- правовая помощь,
- и как раз это *нечто* про будущее, что для людей снаружи видится как разные наши датасеты, аналитика, доклады и адвокатские истории.

* Выступление на семинаре в Варшаве 17 ноября 2022 г.

Чтобы было понятнее, как это выглядит в жизни, расскажу про новости. Нам звонят порядка 100 тысяч раз в год, и после этих звонков мы пишем новости, а дальше другие СМИ используют эту информацию, чтобы рассказывать про политические репрессии. И о правовой помощи — раньше мы оказывали ее в основном по задержаниям на митингах. Теперь, после начала войны, — по любым антивоенным действиям и высказываниям.

В основе ОВД-Инфо – наши сообщества: сообщество юристов, сообщество волонтеров и сообщество частных доноров

В основе ОВД-Инфо — не я, не команда, а наши сообщества. Это три основных сообщества: сообщество юристов, сообщество волонтеров и сообщество частных доноров, которые не только «про деньги», но и наша основная группа поддержки. В 2022 году, если посмотреть наш сайт, мы помогали, в общем-то, по всей стране.

Теперь о стратегии. Это довольно сложная многоуровневая история. Мы всегда что-то держали в голове. Но в определенный момент конкретно все сформулировали на три года вперед и научились как-то это реализовывать, то есть как-то связывать практическую каждодневную деятельность со стратегическим видением. Начиная с 2021 года много чего менялось, но фундаментально все изменилось 24 февраля. Весной мы достаточно быстро проапдейтили нашу стратегию, и прежде всего — нашу теорию изменений, про которую я чуть дальше расскажу. Но чтобы справиться с неопределенностью, которая возникла во время войны, мы поняли, что не можем больше стратегировать на три года вперед в традиционном виде, потому что все может измениться. В феврале — марте 2022-го казалось, что все может измениться через месяц. Сейчас кажется, что все может измениться через шесть месяцев. Очень высокая турбулентность. И мы перешли на сценарное планирование, когда сначала анализируем все возможные тренды, которые кажутся нам важными для нашей деятельности, и потом вычлняем из них наиболее важные факторы. На этой основе формулируем возможные сценарии и выясняем у экспертов, как, по их мнению, будет развиваться ситуация.

Мы нарисовали четыре сценария: от ужасного до прекрасного.

Ужасный — это «зачистка в крепости», когда все совсем плохо, война продолжается, Путин силен и репрессии становятся тотальными. С информацией совсем плохо, и возможность действовать «на земле» в России практически отсутствует.

Второй сценарий — «консервативный путинизм». Это не совсем то же самое, что было, скажем, год назад. Это похуже. Но, в общем-то, это традиционный путинский метод «поджаривать лягушку на медленном огне». Репрессий становится больше, но тем не менее сохраняется и возможность действовать, и какие-то свободы для наших и других инициатив.

Следующий сценарий — «новое лицо». Когда в принципе путинизм сохраняется, но вместо Путина кто-то другой. И это открывает некоторую возможность, в этот момент свободы становится побольше.

И самый прекрасный сценарий — «ветер перемен». Когда реально начинаются изменения и можно что-то делать всерьез.

Мы проводим эти опросы каждые три месяца. Первый провели в мае, последний — в августе. Мы опрашиваем три группы людей: свою команду, своих волонтеров и юристов, потому что это те люди, которые по ключевым факторам, по гражданским свободам, каждый день работают с эмпирикой, и мы считаем их экспертами.

Скажу коротко о результатах.

«Консервативный путинизм». В мае, согласно опросу, 75% респондентов считали, что в ближайшие 6–12 месяцев мы будем жить по сценарию «консервативный путинизм». В августе это число увеличилось. Проведем следующий опрос в конце ноября — начале декабря. Я думаю, что все останется примерно в том же «консервативном путинизме». На другие сценарии пока мало кто реагирует.

Исходя из сценариев, мы обращаемся к теории изменений. Теория изменений — это идея и концепция о том, как может измениться ситуация, с помощью каких действий ее можно менять. Сейчас, в ходе войны, мы постарались пересмотреть свою теорию таким образом, чтобы она соответствовала всем возможным сценариям. Чтобы то, что мы делаем, было осмысленно при любом сценарии. При этом, естественно, дальше мы фокусируемся на том сценарии, в котором живем, уже разрабатывая конкретные проекты, конкретные действия, фокусируясь на чем-то, что больше соответствует ситуации.

У нас пять ключевых вещей. Первое — люди. Имеются в виду участвующие или будущие акторы изменений. Это эксперты, специалисты, исследователи, активисты, юристы, политики, дипломаты. В общем, это не *general audience*, а нечто более узкое. И нам представляется, что главное сейчас с точки зрения будущего — создание спроса и предложения. Спрос — это общественное мнение, то есть это уже, скорее, про следующую теорию, об информации. А предложение — это как раз люди, которые понимают, как устроена система политических репрессий и сложившаяся система властвования в целом в России и можно ли ее трансформировать. Потому что это очень непросто. Если завтра Алексей Навальный выйдет из тюрьмы и станет президентом, а Гуриев придет из Парижа в Белый дом и станет премьером, у них будут гигантские проблемы с кадрами. Нужны десятки и сотни тысяч таких людей, а их сейчас, может быть, даже и двух тысяч нет.

Второе — информация. Мы считаем: будет информация — все остальное приложится. Это и просвещение, и работа с общественным мнением, но прежде всего — максимально широкое распространение фактов и знания о том, что происходит с репрессиями и обществом.

Третье — правовая защита. Думаю, понятно, поэтому не буду вдаваться. Добавлю только, что мы по-прежнему считаем это очень важным, даже притом, что судебная система практически не работает. Важным в том числе и как метод солидарности и просто поддержки тех, кто протестует не только против войны.

Следующее — сообщество, тоже является очень важным. Я уже сказал, что у нас три своих сообщества. Но на самом деле мы работаем с

Мы считаем коммуникацию очень важным инструментом работы с западным общественным мнением

очень разными сообществами: и протестными, и экспертно-исследовательскими. Помогаем им, не только предоставляя наши данные и нашу информацию, но и делись с ними технологиями и так далее. Мы считаем, что без наличия большого количества таких сообществ никакая трансформация в будущем невозможна.

И последнее — адвокация. На этом я остановлюсь чуть детальнее. После начала войны мы стали еще больше сил и времени вкладывать в коммуникацию с ОБСЕ, ООН, Советом Европы и так далее. Это притом, что видимой пользы не видно. Если раньше ее было мало, но все-таки она была, то сейчас она отсутствует. Однако мы считаем коммуникацию очень важным инструментом работы с западным общественным мнением, чтобы Запад лучше понимал, насколько все, что происходит сейчас в России, связано с системным, долгим нарушением прав человека и насколько это непросто изменить. И, говоря не про теорию изменений, а про видение, мы убеждены, что любое, даже небольшое позитивное будущее возможно только в случае реинтеграции России в европейское сообщество. А для этого нужно, чтобы у текущих и будущих decision maker'ов было глубокое, серьезное экспертное понимание происходящего в России, понимание, «как это устроено». И мы много работаем над этим. И это дает кое-какие практические результаты. Например, мы не занимаемся лоббированием визового вопроса, но детально рассказываем всем decision maker'ам, как репрессируют, с помощью каких законов, в каких масштабах. И это влияет на то, какие решения потом принимаются.

Вот, собственно, и все. Дальше эта теория изменений соотносится с конкретными действиями, с тем, что мы делаем в перспективе 3–6 месяцев, и это уже переход к практике, о которой, если будут вопросы, я расскажу отдельно.

Дискуссия: вопросы и ответы

Игорь Исаев: То, что было Григорием сказано в конце, — очень важно. У меня как журналиста польского информационного издания вопрос. Практически каждый день как на работе в редакции, так и во время постоянных рабочих встреч с судьями, когда мы говорим о судебной системе в России, я слышу одну и ту же фразу: «Ну, в принципе, с ними там все понятно уже». И когда это «в принципе все понятно» слышишь на уровне судей и «это неинтересно» — в редакции, то невольно начинаешь думать о мифотворчестве.

В такой ситуации существующей мифомании по поводу России, когда «всем все понятно», есть ли смысл вообще говорить о правдивой информации, доносить ее?

Григорий Охотин: Есть. Кто не понял, тот поймет. Я бы не сказал, что есть большое отличие от того, как понимают ситуацию в России и не в России. В условиях войны очень сложно иметь дело с какой-либо информацией не сильно эмоционально или идеологически окрашенной, «не про войну» — это становится просто не особо интересно для большинства СМИ и читателей. Тем не менее отношение к ней достаточно разное в разных изданиях и в разных странах. Наша задача — поставлять информацию. А повлиять на то, хотят СМИ и аудитория ее использовать или не хотят, не в наших силах. Мы стараемся сделать эту информацию более внятной. Вместе с тем, с моей точки зрения, в тех условиях, которые в информационном пространстве создает война, эффективнее работать не с широкой аудиторией, а с меньшим кругом людей, которые работают с информацией профессионально: исследователи, эксперты, некоторые более аналитически настроенные журналисты, decision maker'ы и так далее.

Спрос на эту информацию гигантский. Мы не успеваем обрабатывать все запросы, которые к нам поступают. И это понимание формируется сейчас много у кого. Другое дело, что эти люди, в свою очередь, вряд ли будут писать какую-то колонку, которая не будет понята теперешней аудиторией: про то, как это выглядит на самом деле, что там происходит на самом деле. Да, есть проблема. Это вечная медийная проблема, что все медиа сфокусированы на чем-то очень узко. И мы выпадаем из фокуса. Сейчас мы не особенно в фокусе, как не в фокусе все то, что не касается протестов. Все, что происходит с протестами, — да, это в фокусе.

Мартына Квятковская: Я выпускница Школы 2011 года. Первый вопрос к Игорю. Ты сказал, что в Польше главные редакторы говорят «все понятно». А я, читая польские медиа, вижу, что в информации о России много чего не хватает, поэтому мне стало стыдно за это «все понятно». Что это означает для вас как для журналистов? Второе. Я сотрудничаю со многими польскими неправительственными организациями, в том

числе с теми, которые сейчас работают в польских школах с учителями, которые начинают замечать, что в наших школах есть ученики из Украины, Беларуси, России (хотя в Польше прежде всего замечают учеников из Украины). Как можно выйти на вас и как можно от вас получать информацию, чтобы я могла ее передавать группе тренеров, которые работают с учителями по всей Польше?

И еще. Когда вы, Григорий, говорили про четыре сценария, я отметила «ветер перемен», а потом показали график, где «ветра перемен» практически не было. И мне стало грустно.

И. И.: Мне кажется, что важно это погрузить в определенный контекст. В начале ноября в Польше проходил Съезд (бывших) народных депутатов России, одним из организаторов которого был экс-депутат Госдумы Илья Пономарев. И в связи с этим о польских СМИ, которые очень разные... Я работаю на портале Wirtualna Polska, который, с одной стороны, информационный, но, с другой стороны, это срез среднестатистического поляка. Это не интеллигентская *Gazeta Wyborcza*, это вот как раз там «все понятно». Понимаете? Но это портал, на котором мою статью читает больше людей, чем купят ежедневное издание *Gazeta Wyborcza*. Я говорю про этот уровень.

Так вот, когда был съезд Пономарева, то в Польше вышло исследование о том, как поляки вообще относятся к российской оппозиции. И там были цифры приблизительно такие же, как у Григория на графике про «ветер перемен», который на вас подействовал. Об этом «ветре перемен» многие здесь вообще предпочитают не думать. Вот *это* и значит, что «все понятно». У меня такое впечатление — я говорю о выпускающих редакторах, с которыми общаюсь, — что мы Россию вписали уже в какой-то сценарий, в котором ветра перемен не будет, что будет вечный путинизм. Вот в этом «все понятно». Хотя ничего не понятно, я согласен с вами.

М. К.: Спасибо большое! Я специально задала такой вопрос. Коллеги, нам нужен ваш голос, ваше присутствие в Польше.

Г. О.: Выйти на нас очень просто: сайт ovdinfo.org. Там есть соответствующие отделы с докладами и данными. В большинстве своем все аналитическое переводится на английский язык. После начала войны наиболее важные доклады по антивоенным преследованиям мы переводим на украинский язык, и они обычно доступны на трех языках. И там же есть имейлы, по которым можно связаться для дополнительных вопросов.

Что касается сценария «ветер перемен»... Сценарное планирование — это не то, что будет. Это чисто методологический инструмент, чтобы планировать свои действия на довольно короткую перспективу. Мы задаем вопрос, чтобы выявить предпочтения по этим сценариям. Мы задаем вопрос: «Как вы думаете, что будет в ближайшие 6–12 месяцев?» То есть это то, как человек видит из точки «сейчас» на довольно

короткую перспективу. А «ветер перемен» не проглядывается из точки «сейчас» так быстро — и слава богу, с моей точки зрения. Потому что мы не готовы к этому. Могут быть разные «ветры перемен». Могут быть такие перемены, которые никому здесь не понравятся. Если окно возможностей для перемен возникнет через год, то, может быть, мы как общество будем чуть больше к ним готовы. Хотелось бы избежать 1989–1991 годов, когда (как уже случалось в Германии) произошла демократия без демократов. Так что, по-моему, «консервативный путинизм», может быть, на ближайшее время и не худший сценарий. Есть хуже.

Саша (Минск): Как можно улучшить работу не только правозащитных организаций, но и вообще организаций, которые занимаются вопросами прав человека? Возможно ли вообще улучшить функционирование таких организаций? Получается, что двояко выглядит реагирование международных организаций на то, как

развиваются какие-то кризисные события с правами человека в зависимости от того, где одно государство нападает на другое или где кризис прав человека происходит в рамках какого-то одного государства. Особенно в 2020 году и после, когда мемом стало то, что пока в Беларуси проходили протесты, западные соседи смотрели и «выражали обеспокоенность». И сейчас мы наблюдаем то, что происходит в Иране, где десятки человек приговариваются к смертной казни, и мир тоже на это смотрит, а кто-то даже и не смотрит и делает вид, что этого не происходит. Тяжело на это смотреть и понимать, что помощи ждать неоткуда только потому, что нас репрессирует не другое государство, а наше собственное. И белорусы сталкиваются с похожей ситуацией, и нет возможности получить помощь.

Г. О.: Я правильно понял, что вы имеете в виду международные наднациональные организации? Очень хороший вопрос, на который у меня нет ответа. Есть надежда, что текущий кризис, война сделали очевидным, что текущий фреймворк защиты и продвижения прав человека, такой как ЕСПЧ, ОБСЕ, структуры ООН и так далее, не работает и что его нужно реформировать.

Как его реформировать, нет готового ответа. Его нет не только у меня, его нет ни у кого. Потому что проблема заключается в наличии национальных государств, суверенитетов и отсутствии нормального, внятного механизма вмешательства. Притом что на всех конвенциональных уровнях признана наднациональность вопросов прав человека, но реально действенных механизмов, кроме докладов, «обеспокоенности» и так далее, не выработано за все время после Второй мировой войны. Они есть внутри Европейского союза, и они связаны с деньгами.

*На всех конвенциональных
уровнях признана
наднациональность
вопросов прав человека,
но реально действенных
механизмов не выработано*

Потому что повлиять на нарушение прав человека в Венгрии, Польше сложно, но все-таки возможно: это связано с брюссельскими фондами, это некоторый торг. А повлиять за пределами общего пространства — на Беларусь, Россию, Афганистан и подобные — практически невозможно.

Это шанс, что ситуация изменится, если будет больше разговора не только про военные преступления, но и про соблюдение прав человека и про то, как это связано

Санкции тоже пока нигде не показали себя как реальный, эффективный инструмент именно этого действия на права человека. Но я надеюсь, что эта ситуация теперь очевидна большому числу национальных политиков и национальных дипломатов и так далее. И это

некоторый шанс, что ситуация изменится, если будет больше разговоров не только про собственно войну и военные преступления, но и про нижний уровень этого всего, а именно: про соблюдение прав человека и про то, как все это связано. Если это будет в повестке, то появятся и шансы на реформу этой всей махины. Как она может выглядеть — я бы вспомнил Минакова: об этом надо мечтать, надо сейчас пытаться увидеть, как бы это могло работать.

И. И.: Я хочу добавить, что механизм финансового воздействия на членов Европейского союза появился два года назад, и родился он очень трудно. И я не знаю, правильно ли он действует сейчас.

Ива (Литва): В марте на ОВД-Инфо вышел материал о проверках и допросах украинцев в России. Через несколько дней после этого аспирант МФТИ покончил с собой при непонятных обстоятельствах, но это, видимо, было связано. Вы мониторите ситуацию, что сейчас происходит с украинцами в России, в каком они положении, продолжаются ли эти проверки?

Г. О.: Честно скажу, не знаю. Думаю, что если бы что-то реально масштабное происходило, то мы бы про это писали. То есть мы пишем про какие-то отдельные кейсы, но, судя по тому, что я не знаю, нет такой гигантской тенденции. Но я боюсь ошибиться. Может быть, эти люди не знают про нас, может быть, до нас не доносится эта информация. Есть отдельные правозащитные организации, которые занимаются фильтрационными лагерями; информацию об украинцах, которых вывозили с той же самой Херсонщины, добыть очень сложно. Поэтому, может быть, мы чего-то не знаем. Но по ощущениям... мне известно некоторое количество людей, которые живут в России с украинскими паспортами, и я не слышал от них ничего такого специфического. Но я боюсь ошибиться: может быть мы просто не знаем. А может быть, я не знаю.

Колежанка (Украина): Мой вопрос связан с вашими слайдами. Меня удивила статистика: что выросло количество людей, которые работают с вами на территории России. Или я неправильно поняла?

Г. О.: Это цифры не тех, кто с нами работает. Это цифры опроса. Мы специально задавали вопрос «Где вы находитесь?», чтобы посмотреть, есть ли различия между теми, кто находится в России, и теми, кто находится вне России, по их видению ситуации. Это большинство находится в России, и в рамках статистической погрешности видение у них примерно одинаковое. А те, кто вне России, более депрессивны, они более негативно видят ситуацию и будущее.

Колежанка: Вы не могли бы больше рассказать о правозащитниках и адвокатах, которые с вами работают, об их настроении и готовности продолжать работу в этих условиях?

Г. О.: Настроение у всех тяжелое. Но все продолжают работать.

Д. Дженжера: Все знают, что кроме ОВД-Инфо еще есть «Агора», которая помогает. Но я слышал от сотрудников «Агоры»: «Почему все донатят ОВД-Инфо, а нам никто не донатит?» В чем секрет? У них лучше смм? И есть ли какая-то конкуренция, ощущаете ли вы ее между собой? Делитесь ли контактами и общей работой?

Г. О.: Мы очень последовательно выступаем против конкуренции, за солидарность. Мы некоммерческая организация. И проблем хватит на всех. Мне кажется, что у «Агоры» тоже все довольно неплохо с краудфандингом. Могу сказать за нас: у нас с этим дело обстоит хорошо, потому что мы давно этим занимаемся и уделяем этому много времени. И потому что мы воспринимаем наших частных доноров не как источник денег, а как сообщество, которое помогает нам разными способами. Мы постоянно коммуницируем с ними, очень транспарентно, рассказываем, что у нас происходит, на что мы потратили деньги и так далее. Это очень плотный контакт с сообществом, который в том числе превращается потом в донаты.

*Недавно в основном
усилиями ОВД-Инфо
была учреждена должность
спецдокладчика при Совете
по правам человека ООН*

Эдди Гарбин: Ты упомянул интеграцию России в Евросоюз, и это прозвучало как что-то само собой разумеющееся. Это действительно очевидно? И очевидно ли это для общей российской тенденции, что это лучший путь, или он какой-то более предпочтительный? Ты показывал статистику о том, как люди представляют будущее. Есть ли информация о том, каким бы им хотелось видеть будущее? Есть мнение, например, людей, которые не против войны, но они против мобилизации. Или они против войны, но не против того, чтобы Россия каким-то образом контролировала соседние государства... Мнения совершенно разные. Я не понимаю, в каком пропорциональном соотношении эти мнения присутствуют в российском обществе.

Тимофей Мартыненко (движение «Весна»): Недавно в основном усилиями ОВД-Инфо была учреждена должность специального докладчика при Совете по правам человека ООН, и вот это история про адвокацию. И мы много тут говорим про лоббизм и про адвокацию, в том числе интересов россиян. Я бы хотел послушать про эту историю успеха. Какие были подводные камни, какие сложности, как долго велась работа? Насколько сложно этого вообще было добиться? И спасибо за то, что этого все-таки добились!

Саша (Ставрополь, Москва, Варшава): Я бы хотел спросить по поводу Аллы Фроловой, сотрудницы ОВД-Инфо. Почему она ушла? Были ли конфликты, что вообще случилось?

Г. О.: Самый сложный вопрос у Тимофея. В том смысле, что это долгая история, но попробуем.

Но сначала — про Аллу. Никакого конфликта не было. По-моему, она ушла задолго до войны, где-то года полтора назад. В ОВД-Инфо очень много людей. Довольно много уходит, довольно много приходит. Кто-то — потому что выгорает. Кто-то — потому что переезжает. Причины совершенно разные. Ничего специфического не могу сказать, просто

*Мы все объединены единой
целью — чтобы не было
репрессий*

Аллу лучше знали, она давала больше интервью, поэтому, наверное, вы и спрашиваете. Но изнутри про это сказать нечего, кроме того, что классно было работать, а теперь классно не работать в том смысле,

что ничего не изменилось ни для нас, ни для Аллы, которая продолжает делать разную правозащитную работу где-то сама, где-то с кем-то еще.

По поводу вопроса Эдли. Я не знаю в деталях про российское общество, у нас нет своей социологической службы. На слайде — то, как видят будущее те, кого мы спрашиваем. А мы спрашиваем наших участников, волонтеров, юристов. Мы все объединены единой целью не борьбы с путинским режимом, не борьбы за рыночную экономику и либеральную демократию, а мы хотим, чтобы не было репрессий. Мы выбрали себе такую цель. Мы видим будущее, в котором гражданские права соблюдаются. И тогда пусть цветут сто цветов и будет лучше. Мы не знаем как. Мы надполитические. Мы не отдаем предпочтения «Весне», или ФБК, или кому-то еще. Мы бы хотели, чтобы все они могли иметь возможность работать в России, конкурировать друг с другом. Чтобы их за это не били, не убивали, не задерживали и так далее.

Касаясь темы европейского будущего: я не говорю про Европейский союз, я говорю про европейское сообщество. Опять-таки это наше представление, что добиться наших целей по соблюдению гражданских прав невозможно без реинтеграции в те самые плохо работающие институты, про которые говорила Саша: в ЕСПЧ, в Совет Европы и так далее. Как бы плохо это ни работало, все-таки оно хоть как-то работает.

Особенно тогда, когда ты не находишься в изоляции, под санкциями, есть какой-то переговорный процесс, какая-то заинтересованность друг в друге, оно хоть как-то работает. Конечно, это все надо реформировать, усиливать и так далее, но прежде всего надо туда вернуться. Это будет очень длинный путь. Никто туда с распростертыми объятиями через две недели после окончания войны (или самых важных похорон нашего поколения) не позовет. Это будет долгий политический, дипломатический путь тех, кто придет к власти в России. А наша задача — убедить всех этих будущих акторов, что это необходимо. Мы будем этим заниматься. Для меня очевидно, что или Россия с Европой, или ее нет. Такое банальное у меня видение.

Тимофей, мы были одними из многих, кто лоббировал создание института спецдокладчика. Цели у нас были простые: мы считали, что чем больше будет инструментов фиксации нарушения прав человека на официальном, легитимизированном уровне, тем лучше будет для этих будущих торгов и будущей разработки политики. Потому что одно дело — какое-то там ОВД-Инфо, или «Агора», или «Мемориал», а другое дело — когда это все фиксируется на институциональном, легитимизированном в международном сообществе уровне. Надо сказать, что это было легче, чем мы думали.

Но есть другая штука, которую мы пролоббировали. И там роль ОВД-Инфо была значительно больше, мы это во многом инициировали: это Московский механизм ОБСЕ. Это такой «мини-спецдокладчик», который обозрел все нарушения гражданских прав путинской России и на подступах к войне, и во время войны и так далее... (У нас же Chatham House — в том смысле, что то, что я говорю, нельзя никак использовать.)

Мы начали лоббировать Московский механизм еще в январе 2022 года (или еще раньше, в ноябре, не помню) на фоне иноагентской кампании, когда всех принялись иноагентить, когда ликвидировали «Мемориал». Мы стали лоббировать: «Происходит нечто, вы даже не понимаете что!» Говорить, что это может привести к ужасным последствиям и ОБСЕ надо этим заняться. Но мы были в этом неуспешны. Нам вне микрофона, неофициально говорили, что ОБСЕ — это последняя площадка диалога с Путиным и с учетом обостряющейся геополитической ситуации «они не хотят его злить». Нам говорили: «Это нереально. Вы не добьетесь, чтобы кто-то инициировал этот Московский механизм». Но мы посмеялись над ними. Я говорю: «Поговорим через пару месяцев!» Потом случилась война, и мы говорили через пару месяцев. Довольно быстро это завертелось, и, по-моему, 38 стран его, соответственно, инициировали. И все могут почитать соответствующий доклад. Там 120 страниц. По-моему, он есть и на русском языке, на английском есть точно. Это довольно качественный, интересный доклад. Сила этого доклада в том, что это официальный документ, который ложится на стол всем министерствам иностранных дел членов ОБСЕ. Это больше чем Совет Европы и так далее.

То есть сначала, когда это *реально* было бы полезно, это было очень сложно. А когда все стали только и искать какую-нибудь возможность еще как-нибудь уколоть: «Ну давайте через права человека еще уколем», стало чуть полегче. И то же самое со спецдокладчиком. Было, конечно, легко с usual suspects. А с... Швеция, Германия, Польша, Литва и так далее, голосов там не хватало. Но, конечно, хотя мы и много чего делали,

Вы и есть те люди в нашей стратегии, с которыми мы хотим говорить, и рассказывать, и помогать

но это лоббирование в основном все-таки заслуга национальных правительств, торговли этих стран между собой внутри ООН. Как они там убеждали, чтобы Казахстан, Армения голосовали не против, а воздержались — это уже их политика. Мы только лоббировали и предоставляли информацию. На самом деле это не тот уровень политики, на котором мы можем на что-то повлиять. Наша роль была в том, чтобы убе-

дить тех, кто и так был готов проголосовать за, что это осмысленно, что это нужно и нам, и им и объяснить, как это может работать. То есть это была такая, скорее, просветительская работа.

Надо сказать, что большинство МИДов и этих национальных правительств не очень знают, что такое ОБСЕ, что такое ООН, какие инструменты есть у них в руках. И им надо рассказывать: «Ребята, вы можете вот такой механизм [использовать], он придуман еще 20 лет назад». — «Интересно, никогда не слышал».

И. И.: Я очень рад, что в этот день, который посвящен rule of law, мы смогли поговорить об акторах и акторках изменений вместе с самими актерами и акторками. И из этой сессии также важно вынести то, что механизмы, институции, а также акторы и акторки находятся здесь, в нашем зале. Спасибо всем большое!

Г. О.: Когда я выражал вначале благодарность Школе за возможность выступить и говорил, что у нас есть общие пересекающиеся подходы, то я как раз и имел в виду возможность поговорить с вами. Потому что институции третьего поколения — это те институции, над которыми работаете вы. Вы и есть те люди, с которыми, следуя нашей стратегии, мы хотим говорить, которым хотим помогать и так далее. И если какое-то будущее есть, то оно зависит от вас и от того, чтобы вы сделали так, чтобы таких людей, как вы, было не 50 человек, как в этом зале, а хотя бы 500 тысяч.

Польша между центром и периферией*

Томаш Зарицкий,
профессор, директор
Института социальных
исследований
Варшавского
университета

Я очень рад снова быть в Школе, рад видеть всех в Варшаве, хотя понимаю, что находиться здесь вас вынуждают в какой-то степени печальные обстоятельства. Но все-таки хорошо, что мы можем продолжать общаться.

Тема «Польша между центром и периферией» довольно абстрактная, но, на мой взгляд, важная с исторической точки зрения. Я социолог и хочу поделиться с вами мыслями о месте, которое занимает Польша в Европе и мире.

Итак, где находится Польша? Об этом стоит, я убежден, рассуждать, чтобы лучше понимать наше местоположение. И не только Польша, но и другие страны региона. Обращая внимание на понятия, которыми мы мыслим.

Так вот, понятие периферии в Польше не очень популярное. Многие поляки не любят, когда о Польше говорят как о периферии. Я как раз делаю это время от времени, но в польском контексте это звучит провокационно. Поляки не любят, когда их называют «какой-то восточноевропейской страной», и считают, что Польша как минимум центральноевропейская страна, а может быть, даже часть Запада в широком понимании.

Поэтому вопрос о том, «где мы находимся на самом деле», постоянно появляется в наших политических, интеллектуальных спорах. И довольно часто они идут в таком ключе: если бы не они, «эти страшные либералы, которые продают Польшу», или «эти консерваторы, которые делают все эти ошибки», то Польша уже давно была бы в центре Европы и сидела бы за одним столом с самыми крупными западными игроками мира.

* Выступление на семинаре Школы в Варшаве 16 ноября 2022 г.

Но я думаю, на этот вопрос, что такое на самом деле «центр», а что — «периферия», можно отвечать по-разному. Есть разные подходы и разные дефиниции, но мне лично наиболее близка теория зависимости.

Эта теория или даже ряд теорий появились в 1960–1970 годы и развивались не только в Польше, но и в странах Латинской Америки и, конечно, на Западе. И происходило это на фоне проблемы стран так называемого второго мира, которые были ближе к Западу, но не были его частью. Они пытались проводить реформы и ускорить модернизацию, однако unsuccessfully. Особенно в 70-е годы, когда попадали в ловушку кредитного долга.

Центр — это место концентрации финансового капитала, а периферия, то есть конкретная страна, не в состоянии его аккумулировать

Из-за этих практических и политических проблем, из-за невозможности догнать западный мир по большинству индексов развития и

возникает названная теория. И одновременно один из ответов вопрос: почему это не получается у Польши и других стран, таких как Иран, Бразилия, Аргентина, Венгрия? Эта школа по своим истокам — часть левой мысли, а точнее, вариант марксизма, сторонники которого подчеркивают ключевую роль экономических процессов в современном мире, когда вся периферия и центр рассматриваются в первую очередь через призму экономической или финансовой зависимости. Центр — это место концентрации финансового капитала, а периферия, то есть конкретная страна, не в состоянии его аккумулировать, приумножать и поэтому постоянно нуждается в кредитах. И чем она более зависимая, тем более периферийная.

Интересно, что Иммануил Валлерстайн, один из отцов этой школы, автор одной из ее самых известных теоретических моделей, теории капиталистической мир-экономики, считал, что история Польши является ключевой для ее возникновения. Работая с несколькими польскими историками, он пришел к выводу, что XVII век — начало становления мировой экономической системы, в которую Польша вошла как первая периферия. И отмечу, что зерновые культуры, которые возделываются в современной Украине, являлись тогда главным источником экономических доходов Польско-Литовского государства. Насколько это был важный экономический ресурс, мы видим сейчас, когда происходят известные события, связанные с блокировкой зернового экспорта. А тогда этот поток зерна шел в Западную Европу в основном через польский порт Гданьск в Голландию. Польско-Литовское государство продавало это зерно голландцам, получало часто на это кредиты и даже авансы. И наши тогдашние олигархи, которых называли магнатами, покупали себе предметы роскоши и строили элитное жилье. Его мы до сих пор можем видеть в виде сохранившихся прекрасных дворцов в Варшаве. Часть из них осталась, часть — реконструирована после Второй мировой войны.

Но если мы посмотрим на историю этих дворцов и костелов в Варшаве, а также в Вильнюсе, то это дворцы тогдашних магнатов, построенные на деньги за проданное зерно.

И что интересно: даже после раздела Польши в конце XVIII века частично зерновые поля оставались в руках польских аристократов, шляхты, но постепенно эти земли стали скупать представители других сословий польской экономической элиты. И только 1917 год закончил историю контроля над этими ресурсами, когда после глубокого кризиса вместо прежней элиты появилась польская буржуазия. И она стала главной элитой.

Автор уже упомянутой теории капиталистической мир-экономики, объясняя отношения между периферией (в том числе польской) и центром, говорит, что центр этот находится в Западной Европе, почти неизменно в одном и том же регионе. Нижняя граница — это Северная Италия, где начиналось развитие капитализма и банковской системы, затем этот центр переместился в Голландию, и тогда же Польша была включена в европейскую экономическую систему. А когда в XIX веке голландцы потеряли центральную роль, центр переместился в Лондон. Сейчас он в Америке. Но в Европе он по-прежнему остается в том же регионе, что и раньше, — между Северной Италией и Южной Англией. Об этом свидетельствуют, в частности, показатели экономического и социального развития, а также концентрации капитала.

Однако все, что я сказал перед этим про зависимость между центром и периферией, начало терять свою привлекательность еще в конце 1970-х. А после 80-х школа мышления про долгосрочную зависимость стала вообще маргинальной, особенно в странах Центральной Европы. И, скорее всего, это связано с тем, что марксизм и любые марксистские подходы начали терять влияние.

Я думаю, ключевым здесь стал 1968 год, когда Советский Союз и вообще советский проект утратил свою политическую и символическую силу. До этого даже на Западе социалистический путь развития рассматривался как некая альтернатива капиталистической модели, хотя, возможно, и менее успешный, но все-таки конкурентоспособный. А 1968 год — это начало символического, а затем и экономического, и политического поражения советской модели. Любые марксистские подходы теряют свою привлекательность для ученых и интеллектуалов.

До 1968 года интеллектуальная, научная и политическая жизнь в Польше — это споры ортодоксов и ревизионистов внутри очень широко понимаемого марксизма. А затем все это уходит на волне разочарования от экономического поражения, причем — и это интересно — одновременно в Польше и Венгрии. Две эти страны, которые как бы все время немножко похожи, попадают в кредитную ловушку, в ловушку

Зависимость между центром и периферией начала терять свою привлекательность еще в конце 1970-х

Магдалена Абаканович (Magdalena Abakanowicz). Инсталляция. 2020

зависимости от западных кредитов. И начинается глубокий экономический кризис, когда ни Советский Союз, ни местные руководители не способны ничего с этим сделать. Наступает общее состояние глубочайшего разочарования во всем социалистическом, советском, марксистском. И Запад становится фактически единственным источником идей и экономических ресурсов.

Тогда не только в Польше, но в Польше особенно, начинается то, что я называю ретрадиционализацией — возвратом к традиционным культурным ценностям. В Польше — возрождение религиозности, прежде всего католического костела. Многие забыли, что в 60-е годы польская интеллигенция, образованный класс были секуляризированы. Я видел эти опросы.

Сошлюсь на опрос студентов, который проводился на протяжении нескольких десятков лет. В 60-х уровень секуляризации был очень высокий, а в 70-е неожиданно начинается рост религиозности, и к приезду папы Иоанна Павла II в Польшу в 1979 году он, что называется, зашкаливает, вся молодежь религиозная. Во всяком случае, все ходят в костелы. И так продолжается в течение 80-х годов. Только после 1989-го в Польше снова начинается процесс секуляризации.

Это волна возвращения к традиционным в широком смысле ценностям. Некоторые обращаются к еврейским традициям, некоторые — к дальневосточным (даже независимо от страны). В России тогда тоже шел этот процесс, в 70-е годы — волна возвращения к православию, но намного слабее, чем в Польше.

И в других странах в то время третьего мира: например, в значительной части стран Ближнего Востока, где в 60-е годы тоже были попытки догнать Запад и построить секуляризированное современное общество, но эти попытки проваливаются, и частично элиты тоже возвращаются к своим традиционным ценностям. Известны картины Афганистана тех лет, где девушки одеты, как в европейских странах, но в 80-х возвращается радикальный афганский традиционализм. И то же самое происходит в Иране, Ливане.

С моей точки зрения, это аргумент в пользу общей мировой тенденции развития общества, когда экономические процессы очень важны, но не они являются главным фактором.

А в Польше возврат к *традиционным* ценностям сопровождается одновременно важным политическим моментом: происходит альянс традиционной консервативной правой интеллигенции с левыми *либералами* — бывшими марксистами.

Часть этой либеральной интеллигенции была выдворена из польской государственной элиты в 1968 году после событий, вызванных антисемитской кампанией, утратила веру в любые левые идеи и стала искать новые источники вдохновения, прежде всего на Западе, который становится главным центром развития. И она же обращается

к традиционным ценностям. Здесь знаковая фигура Адам Михник — эксперт Школы — делает очень важную вещь: он пишет книгу *Kościół, lewica, dialog* («Польский диалог: церковь — левые»). Это программная книга 1977 года. В ней он предлагает диалог между консервативной и либеральной интеллигенцией, своей средой, которую можно определить как бывших марксистов и бывших левых, которые превращаются в либералов. И одновременно это предложение о возвращении к истокам, ценностям, к польской религиозности. Он не призывает всех стать католиками, но он призывает либералов, бывших марксистов к уважению костела. И это становится программной платформой, на которой создается «Солидарность» и происходит объединение польской элиты. Потом, как известно, в Польше произошла антикоммунистическая революция, и эти люди стали в 1989 году новой правящей элитой. В ее среде много конфликтов, но первые как минимум 15 лет общая платформа сохраняется в смысле идеи Польши как страны, ориентированной на Запад, но при этом ценившей свою историю и не отказавшейся от католического наследия.

Их оппоненты — бывшие коммунисты, которые в 1970–1980 годы защищали прагматический подход, что «все-таки мы часть советского блока, не надо провоцировать Москву». А оппозиция призвала бороться с этой ужасной коммунистической системой. Потом споры с бывшими коммунистами об интерпретации прошлого становятся символическими. И все это продолжается до 2004 года, когда Польша вступает в Евросоюз. И консенсус, построенный символически не только Михником (хотя именно его книга являлась самым важным программным документом этого консенсуса), завершается. И интеллигенция снова раскалывается. Происходит ее разделение на либеральную часть — еврооптимистов, с одной стороны, и консерваторов, апологетов евроскептицизма, с другой. При этом консерваторы «забирают с собой» программный пакет традиционных ценностей — католического костела и так далее. А либералы ориентируются на прогрессивные ценности Запада. И начинается конфликт, который продолжается в Польше и сегодня.

В завершение я бы сказал, что кроме политического измерения нашего большого спора существует и сохраняет свое значение его экономическая составляющая. И как раз вступление в Евросоюз (хотя это прежде всего политический момент) является очевидным свидетельством экономической зависимости Польши от стран Запада. И одновременно примером успешной трансформации, перехода к капитализму. Если смотреть на весь постсоветский блок, то реформы в Польше получились довольно неплохо. По многим показателям она самая успешная страна. Но и в этой новой конфигурации очевидно, что она остается экономически зависимой страной. Или, согласно теории зависимости и введенной терминологии Валлерстайна, Польша — *полупериферийная* страна.

У Иммануила Валлерстайна есть такая категория «полупериферия» — страна, которая в основном является периферией, но играет роль буферной зоны, получающей в период успешного развития значительную часть прибыли и положительных эффектов. Но в момент кризиса, особенно глобального, она становится не только геополитическим, но и экономическим буфером.

Большие мировые кризисы бьют по полупериферии намного сильнее, чем по центру. И в это время, если мы посмотрим на историю Польши, Венгрии и похожих стран, они теряют почти весь свой экономический капитал, и возвращается их зависимость от центра. Что, естественно, порождает политические споры о сохранении отношений с Западом — с центром — в условиях, когда экономика слаба и нужны кредиты. Однако однозначного ответа на вопрос о том, что делать с этой зависимостью, пока нет.

Поэтому, возвращаясь к началу своего выступления, я хочу сказать, что продолжающиеся наши споры и разговоры в Польше о том, где мы находимся, Польша — это центр или периферия, вовсе не случайны. Как и признание, что мы как минимум полупериферия. А что делать с этим положением и нашей зависимостью? Признавать ее или не признавать или работать в ключе взаимопонимания и сотрудничества с самыми крупными игроками западного мира? Предлагаю эти вопросы для обсуждения с вами.

Большие мировые кризисы бьют по полупериферии намного сильнее, чем по центру

Дискуссия: вопросы и ответы

Анастасия Гонтарева: Для нас в Школе это крайне важная тема. Мы часто говорим об империи, о том, что Россия тоже ищет себя. И эти имперские амбиции завели нас туда, куда завели. Польша, с совершенно иными примерами, тоже продолжает думать о значимых для нее вопросах и обсуждать их. Важно, как каждая страна отвечает на вызовы современного мира, насколько она является уже современным государством и обществом, чтобы отвечать на эти вызовы адекватно, а не просто призывать архаику для преодоления страхов и т.п.

Вопрос: Как бы вы охарактеризовали значение *регионального* развития, например, для такого города как Гданьск, какую роль там сыграет религия, молодежь? Мне кажется, это будет отличаться от того, что будет происходить в других регионах Польши. И второй вопрос — о месте Катыни в исторической памяти Польши. Существует ли она? Дмитрий Медведев во время своего президентства признал это открыто.

Томаш Зарицкий: По первому образованию я географ. Я много занимался электоральной и другой географией Польши. В общем, это прежде всего восток и запад Польши, это главная линия разделения. Восток Польши консервативен. Запад прогрессивен и либерален.

Молодежь вообще более либеральна, чем пожилые люди, и большинство городов более либеральны, чем остальная часть Польши. Но прежде всего это региональный фактор. Бывшая российская и австрийская части Польши — консервативные и все еще довольно религиозные. Это связано не только с культурным, но и с экономическим наследием. Там очень мелкие участки сельского хозяйства, крестьяне, которые живут в довольно традиционных общинах. А Западная Польша — это бывшие немецкие и прусские земли, это огромные земельные участки, бывшие колхозы. Это сейчас тоже очень важный аспект во всех наших спорах.

Катынь — это вопрос, по которому сейчас никаких споров нет

Западная часть Польши более либеральная, более еврооптимистическая, а восточная — наоборот. Некоторые связывают это с тем, что западная часть ближе к Западу и поэтому более прозападная. Но я думаю, что все сложнее.

Катынь — это вопрос, по которому сейчас никаких споров нет. Есть претензии к России. И насколько я помню, хоть Медведев и признал, но первым признал еще Горбачев, я говорю об ответственности за преступление в Катыни. И даже привез в Польшу значительную часть документов по Катынскому делу. С польской стороны вопрос остается, но на общественном уровне это не обсуждается.

Если уж и есть какая-то связь с Катынью, то это смоленская катастрофа, поскольку многие называют ее «второй Катынью». Это намного более болезненный вопрос. В этом смысле Катынь присутствует в современных спорах через смоленскую катастрофу.

Вопрос: Как относятся польские историки и интеллигенция к последнему разделу Речи Посполитой, как это происходило? И обсуждался ли вопрос о ее восстановлении?

И второй вопрос о трагедии польского народа, про Волынь. Как реагировало и реагирует сегодня после 24 февраля польское общество на расстрел поляков украинской повстанческой армией в Волинской области в августе 1943 года?

Т. З.: Что касается раздела Польши, то дискуссия среди польских историков по этому классическому вопросу шла всегда. Сейчас он менее актуален, но весь XIX век спорили, кто виноват. Было два варианта ответа.

Первый — польские элиты, эти олигархи, магнаты, которые занимались только собственными делами и наживались на продаже зерна, строили дворцы и костелы вместо того, чтобы модернизировать страну.

А приверженцы второго варианта обвиняли захватчиков: Российскую и Австрийскую империи и Пруссию. То есть считали, что если даже и были разного рода ошибки (прежде всего политические) с польской стороны, которые привели к разделу Польши, но это был тем не менее насильственный захват, и мы бы ничего не сделали. «Не надо себя обвинять. Мы поляки, и надо понимать, что это империи захватили Польшу».

И о восстановлении Польши. Об этом шел спор весь XIX век. О том, возможно или невозможно. Были известные восстания. А в конце XIX века существовавшие противоречия между тогдашними либералами и консерваторами, которые включились в политическую и экономическую жизнь Российской и Австрийской империй (и в меньшей степени Пруссии), не мешали поддерживать идею, что Польшу надо бы восстановить. И одновременно большинство либеральной интеллигенции ставило во главу угла вопрос о независимости Польши.

Волынь — это сложный вопрос. И, конечно, он остается и в принципе зависит от политической позиции. Националисты, к счастью, не сильны в Польше, но они есть, и для них это вопрос ключевой и нерешенный. Они постоянно говорят об этом.

А у либералов, занимающих более умеренную позицию, больше понимания, что это действительно серьезная проблема, но надо стараться решать ее с украинскими партнерами: вопросы исторических исследований, эксгумации и так далее.

Вопрос: Польша является инициатором ряда интеграционных проектов в регионе: «Восточное партнерство», Вишеградская четверка, «Междуморье», прометеизм (политический проект, представленный в свое время Пилсудским) и так далее. На ваш взгляд, является ли это попыткой вырваться из периферийности или переизобрести себя как некий центр? Какие перспективы у подобных инициатив?

Т. З.: Хороший вопрос, я согласен с вашей гипотезой, что это попытка ответа на центральный для польских элит вопрос периферийности.

А давайте не будем думать в рамках дихотомии Восток — Запад!

У нас все или про «отношение к Западу», или про «отношение к России», а все остальное как бы менее важно.

А на эти проекты — Вишеградский, «Междуморье» и т.д. — давайте посмотрим в другом ключе, и, может быть, если объединим усилия, то что-то получится?

Да, сейчас про союз с Украиной говорят не только поляки. Но я придерживаюсь экономической модели зависимости. И боюсь, что выше-названные идеи трудно осуществимы по экономическим причинам, поскольку ни одна из стран региона не имеет серьезных экономических ресурсов. Даже объединение миллионов граждан и пространства не позволит решить главную проблему: преодолеть то, что все эти страны зависят прежде всего от Запада, а часть — от России.

Вопрос: Я так понял, что вы больше экономический социолог, а у меня вопрос скорее исторический и социально-культурный. Есть мнение, что около 10 лет тому назад в польском обществе возникла дискуссия между потомками шляхты и обычными людьми. И вот эти «два мира» не совпали, не смогли вступить в диалог. И считается, что дискуссия сошла на нет. Но что-то и когда-то сказанное, как известно, не исчезает совсем.

Как вы считаете, возможно ли, что на поколенческий раскол между молодежью и религиозными консерваторами старшего поколения в наши дни продолжает оказывать влияние раскол потомков шляхты и обычных людей? Есть ли какая-то количественная оценка этих потомков? Сколько их в обществе сейчас?

Т. З.: Я бы не назвал себя экономическим социологом. То, что я обращаю внимание на экономику, — это провокационная попытка поспорить с самими экономистами, которые в последние годы стали очень культуроцентричными — в Польше особенно. Про теории, о которых я рассказываю, они говорят: «Это не так важно. Важно быть открытым, строить все на основе ценностей». И я как бы им напоминаю: «Помните, были и другие взгляды. И особенно экономисты не должны забывать об этом!» Так я просто пытаюсь включить экономический фактор в мышление социологов и социальных исследователей, которые иногда об этом забывают. А вопрос, который вы задали, мне близок, поскольку я занимался исследованием потомков нашей шляхты, аристократии.

Здесь, кстати, очень сложный вопрос: какое слово употреблять? Поскольку, с одной стороны, есть шляхта (или была шляхта), которая составляла более 10% в польско-литовской Речи Посполитой. А с другой стороны, внутри шляхты была иерархия и можно говорить об аристократах, хотя формально аристократии в Польше никогда не было. Были князья литовские, были олигархи и магнаты, но это уже экономическая элита. А потом, во второй половине XIX века, появляются еще землевладельцы, выходцы из шляхты. Но они, опять же, экономическая элита, поскольку покупают большие участки земли и входят в социальную жизнь традиционной элиты, которая называет себя шляхтой, или аристократией, или еще как-то, но в основном, повторяю, это экономическая элита, которая воспроизводит свою историческую идентичность для легитимизации.

И, как я уже говорил, после 1917 года они теряют значимую часть своих земель, поскольку новая власть их национализует. И в 1945 году все это завершается. Остаются лишь потомки богатых землевладельцев, включая и древние аристократические польские семьи. И после 1945-го значительная часть этих семей продолжает сохранять социальные связи. Они до сих пор общаются и даже женятся. Но я их считаю уже частью интеллигенции. Их фотографии иногда появляются в газетах, гламурных журналах, но все это игра.

А с другой стороны, есть потомки шляхты. Если широко считать, то одна треть поляков имеет какие-то шляхетские корни, поскольку этой шляхты было настолько много, что почти любой поляк может найти дальнего родственника.

Что же касается спора, о котором вы сказали, он совсем недавний. Это спор, который несколько лет назад начали левые интеллектуалы.

Они предложили задуматься о наследии крепостного права, неравенства, существовавшего до 1945 года. Они призывали: «Подумайте, вы потомки крестьян или шляхты?» Все-таки в Польше потомков крестьян больше, чем шляхты. Но для меня лично это скорее абстрактный, больше политический спор. Он не главный. Кроме узкой группы потомков самых богатых сословий древней аристократии, у которых просто фамилии такие, известные любому поляку — Радзивилл, Потоцкий — и у которых есть какая-то идентичность, и можно говорить, что это они.

Можно ассоциировать себя со шляхтой, если вы найдете каких-то предков. А можно — с крестьянами, поскольку почти у всех есть какие-то крестьянские корни. И то, что это абстрактный спор, не значит, что он неважный. Он, может быть, в современной Польше и важный, но я лично связываю его больше с той идентичностью, которая важнее для человека.

Вопрос: Разделение между либералами и условными консерваторами, о котором вы говорили, историческое и определяющее для развития польской политики. Как оно выглядит сейчас, когда есть угроза российской агрессии, которая в Польше воспринимается намного острее, чем в среде западных партнеров? Я слышала, что это стало консолидирующим фактором для политических сил и сотрудничества.

Т. З.: Да, это, как вы говорите, консолидирующий фактор. Я думаю, что эта угроза, которая вернулась, возвращает нас в историю, к коммунистическим временам, когда Москва считалась главным врагом и угрозой. И эта угроза объединяла людей. А сегодня война объединяет польские элиты. Последний год мы жили в очень эмоциональных условиях спора, часто агрессивного. И вдруг люди, которые еще вчера спорили и обвиняли друг друга в самых худших вещах, работают вместе, помогая Украине. Я это вижу и не удивляюсь.

Вопрос: Я не люблю исторические аналогии, но ваши слова мне напомнили следующий сюжет: во время Великой французской революции Николай Карамзин путешествовал по Европе — Франции, Швейцарии, Германии — и писал книгу «Письма русского путешественника». Когда читаешь эти письма сегодня, складывается впечатление, что России необходимо, по мнению Карамзина, приложить еще немного усилий, и она станет равной европейским странам. Однако проходит около 20–30 лет, и в том числе из-за событий в Польше он меняет свою точку зрения, которую можно выразить следующими словами: он считал, что Россия остается вечным учеником Европы.

А вы упомянули про мир-системный анализ, который основывается на экономических показателях, и у меня вопрос. В Польше среди польских интеллектуалов существует ли такой дискурс, что Польша была, есть и, возможно, будет оставаться «вечным учеником старой Западной Европы»?

Т. З.: В таком ключе, что «будет оставаться», вопрос не ставится. Но думаю, это аспект того, про что я говорил. Насколько мы будем «вечным учеником» или как долго должны быть. Об этом спор будет продолжаться. Можно сказать, что либералы больше принимают эту роль ученика, а консерваторы их пытаются критиковать, когда слышишь, что «вместо того, чтобы быть самими собой, уважать себя и обращаться к ценностям польской истории, они продолжают быть учеником». Но, с другой стороны, все понимают, что роль ученика неизбежна. И для меня она все-таки связана с местом, занимаемым Польшей. И то же самое, я думаю, для России. Экономическая зависимость и экономическое развитие — это не единственный, но очень важный фактор, который определяет способность самостоятельно и развиваться, и быть источником успешных идей.

На мой взгляд, периоды успешного экономического развития и Польши, и России все же были. Я имею в виду, например, конец XIX — начало XX века, когда Россия становится привлекательной страной и одновременно успешно развивается экономически. Или, скажем, 1960-е годы, когда и в Польше, и в России был момент динамичного интеллектуального развития, тоже связанный в какой-то степени с экономическим ростом.

Но для Польши это и первая Речь Посполитая, Польско-Литовское государство. Тогда было несколько польских интеллектуалов общеевропейского масштаба. А в периоды экономического кризиса они, как правило, исчезают и с ними исчезает или, точнее, уменьшается влияние страны на мир в интеллектуальном плане.

Я занимался историей польских социальных наук и заметил, что в 1960-е годы роль польских ученых, о которых я упоминал, и историков, которые помогали развивать мир-системный анализ, была намного заметнее, чем сейчас.

Можно ли защитить универсальные ценности от угрозы релятивизма и отрицания исторической правды? Или вместо правды у нас одни «повествования»? Можно ли сохранить базовые ценности в сложных реалиях, формирующих общественное сознание XXI века?

Когда переполнены тюрьмы

Я постараюсь ответить на эти вопросы.

В наши дни есть тенденция считать универсализм частным, а не универсальным понятием. Мой рассказ — это представление о себе как о «я» против «мы».

Но прежде я хотела бы сказать, что существует биржа идей, и прямо сейчас мы находимся на «медвежьем» рынке идей универсализма (замечу, что к русскому медведю сказанное не имеет отношения), причем сама по себе концепция универсализма не слишком популярна. Вообще говоря, с точки зрения истории думать об универсальных ценностях как о статичных абсурдно. Ценности меняются, трансформируются, адаптируются. Однако не сдаются. Почему? Приведу простой пример.

Теоретически, если бы права человека, демократия и равенство были абсолютно и только западными категориями, нигде в мире не было бы нужды в репрессиях. Решалось бы все просто: ты любишь масло, я люблю воду, давай поместим себя в две разные бутылки, и все. Но доказательством того, что универсальные права или универсальные ценности действительно универсальны, как раз служит то, что везде, где они оспариваются, начинаются репрессии, и тюрьмы переполнены.

Меня поразило тот факт, что с появлением и ростом движения иранских женщин понятия о жизни и свободе быстро переросли представления о хиджабе и о полиции нравов.

Когда в Китае начались выступления против ограничений, связанных с ковидом, всплыло слово «свобода». Не думаю, что это было просто требованием свободы от прохождения тестов три раза в неделю. А в африканских избирательных дискуссиях свобода — это всегда вопрос прав и демократии. Поэтому

*Диана Пинто,
историк, писательница*

не стоит принижаться, называя себя западниками и приговаривая: «Ах да, мы всего-навсего малая часть огромного мира».

Впрочем, не будем говорить о других странах. Может быть, важнее сейчас поговорить о разрушении универсальных ценностей изнутри, в нашем западном мире.

Когда я была студенткой (да и много позже), существовало такое понятие в философии прав человека, как «мертвые белые мужчины»*. Но

*Универсальные
права находятся в
живой диалектике с
развитием общества*

если я смуглая женщина, молодая и живая, мне незачем ассоциировать себя с ними. Проблема, однако, в том, что эти «мертвые белые мужчины» не были одними и теми же во все времена. Если вы посмотрите французскую Декларацию прав человека и гражданина, вы убедитесь, что в ней идет речь буквально о пра-

вах только мужчин. Мы можем сегодня говорить об Олимпии де Гуж** как о великой женщине, однако в ее времена не она двигала историю. Но вот с точки зрения всеобщих прав именно Франция и Французская революция освободили еврейское население, закрепив за ним юридическое равенство с остальными гражданами страны. Это плоды демократии. Хотя затем наступила пора имущественного ценза. Вам должно быть не только мужчиной, но и иметь определенный уровень богатства, иначе вы не имеете права голоса. Не говоря уже о женщинах; женщины во Франции получили право голоса только семьдесят с небольшим лет назад.

Получается, что именно женщины стоят у истоков понятия универсализма.

Затем идут чернокожие, потом колонии, потом появляется понятие коллективных прав.

Универсальные права действительно очень важны, потому что они расширяются, они движутся, они находятся в живой диалектике с развитием общества. У них есть окна, и вы добавляете свои окна, у них есть двери, и вы добавляете свои двери. Мы только начинаем открывать все эти окна, но ни одно из них не противоречит всеобщим правам: напротив, они, по-моему, только усиливают их и делают еще более значимыми. Нарративы же, и индивидуальные, и коллективные, очень важны, в них есть свое достоинство, к ним нужно прислушиваться, но и они могут быть включены в понятие универсализма.

А идея, что всеобщие права статичны или что они принадлежат и служат только маленькой белой корпорации, в корне неверна, и с ней мы должны бороться.

* Очевидно, имеется в виду известное понятие, деконструирующее систему четких иерархий и беспрекословный авторитет классиков, которые «такие белые, такие великие и такие мертвые, что их не принято критиковать никогда и ни за что».

** Олимпия де Гуж (1748–1793) — французская писательница и журналистка, политическая деятельница, феминистка, автор Декларации прав женщины и гражданки.

Продолжение после «конца истории»

*Сильви Кауфман,
журналистка, редактор
Le Monde*

Боюсь, у меня не будет ответа на все вопросы. Может быть, даже ни на один из них. Но с вашей помощью...

Я начну, если позволите, с одного эпизода. На прошлой неделе я была в Бухаресте на конференции и, выйдя из отеля, обнаружила, что нахожусь на площади Революции. Это вернуло меня на три десятилетия назад, когда я была молодым репортером, освещающим румынскую революцию. После падения Чаушеску революция была трудной и очень хаотичной, вовсе не бархатной революцией.

С тех пор я не раз возвращалась в Бухарест, но, стоя в тот день на площади, я подумала, что Румыния действительно прошла долгий путь за эти три десятилетия. Я пересекла площадь и зашла в маленькое кафе, чтобы встретиться со своим сыном, студентом программы Erasmus в Бухаресте. И подумала о том, что вот ведь я была здесь во время той страшной революции, а теперь мой сын, счастливый и довольный, студент Erasmus. Он настоящий гражданин Европы. Он француз. Учился в Амстердаме, в Берлине. Сейчас он проводит семестр в Центральной Европе, новой для него части Европы, и это новый для него опыт.

Неделей раньше в Румынии проходила конференция, посвященная войне в Украине. Румыния как прифронтовое государство немного похожа на Польшу. Это очень важный с точки зрения военной помощи Украине логистический узел, она соседствует с Молдовой, которой, очевидно, тоже угрожает война.

То, что происходит сейчас, вовсе не гром среди ясного неба. Если вдуматься, все началось уже три десятилетия назад. 4 июня 1989 года прошли выборы в Польше, которые стали началом краха коммунизма. Тогда победила «Солидарность», и тогда стало ясно, что король-то на самом деле голый.

И в тот же день на площади Тяньаньмэнь в Китае произошла ужасная бойня, которая положила конец той демократической весне. Так что говорить о линейности эволюции не приходится.

То, что происходит сейчас, вовсе не гром среди ясного неба

Мы часто и не без иронии цитируем выражение Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории». Но на самом деле Фукуяма никогда не говорил об окончательном и полном конце. Он писал: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив». И далее: «То, чему мы, вероятно, свидетели, не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет...»

Ну что ж, с тех пор появилась-таки новая жизнеспособная, систематизированная альтернатива западной модели — китайская модель. Однако Европейскому союзу понадобилось почти два десятилетия на то, чтобы идентифицировать ее в качестве системного соперника.

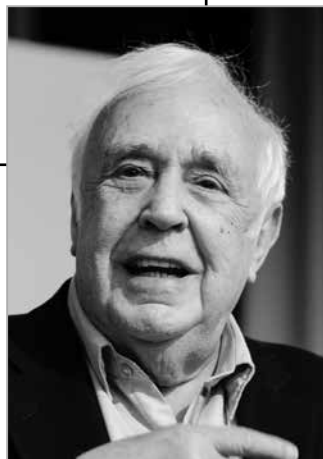
С момента окончания холодной войны мы наблюдаем два параллельных направления развития. В Европе успешно развивалась и сохраняется европейская взаимозависимость — единый рынок, Шенген, взаимосвязи в электроэнергетическом секторе.

Но параллельно есть, по-видимому, и отрицательная сторона взаимозависимости — то, к примеру, как мы годами выстраивали отношения с Россией с учетом поставок энергии, нефти и газа. Теперь мы избавляемся от этой зависимости, хотя и дорогой ценой.

Это вызывает к жизни здоровые, я полагаю, споры и переоценку ценностей. Мы подошли к тому моменту, когда тенденции, позитивные и негативные, эти параллельные тенденции, по сути, откровенно и самым жестоким образом сталкиваются в войне в Украине. И мы задаемся вопросом, хорошо ли быть в такой зависимости от нашего союзника, Соединенных Штатов, в области безопасности?

Здесь упомянули, что пару дней назад премьер-министр Финляндии сказала, что без США Европа ничего не значит. И правда, военная помощь США Украине превосходит все, что предоставляет Европа. Это нормально при нынешней администрации Джо Байдена, но когда вернется Трамп или кто-то из его друзей, все может сложиться по-другому. Вот об этом мы тоже должны серьезно подумать. Дело не в том, что мы взаимозависимы с Соединенными Штатами, Россией или Китаем. Ключ, вероятно, в стратегическом разнообразии и стратегической гибкости. Наша неспособность достичь стратегического разнообразия и гибкости лежит в основе проблемы, которую я и предлагаю обсудить.

Универсализм, взаимозависимость, деглобализация

*Роберт Скидельский,
член палаты лордов
Британии*

Спустя тридцать лет после падения коммунистических режимов мы столкнулись с двумя версиями «конца истории». Первая, которая в большей или меньшей степени совпадает со временем основания Московской школы политических исследований, была в классическом изложении сформулирована Фрэнсисом Фукуямой в его эссе «Конец истории?» опубликованном в 1989 году. Вкратце тезис Фукуямы состоял в том, что с крахом коммунизма исторические сюжеты подошли к концу. Не будет больше войн, так как не за что воевать. Ключевым пунктом рассуждений автора было крушение империи как формы правления и ее вытеснение суверенными национальными государствами. Как сказал Замятин в 1921 году, «это мои последние строки».

Конец истории, согласно Фукуяме, в отличие от теорий Карла Маркса, должен был повлечь за собой не коммунистическую, а буржуазную утопию, основанную на глобальной рыночной экономике, верховенстве права, а также взаимном уважении всех народов. Либеральная демократия воспринималась как самореализация мирового духа Гегеля, так как она вмещала в себя все человеческие устремления. Будучи основана в Европе, либеральная демократия должна была распространиться на остальной мир, повинувшись неостановимому импульсу занять все обитаемое пространство.

Сегодня, спустя 30 лет, перед человечеством маячит другой конец истории: полное физическое уничтожение. Библейское пророчество о конце света подразумевает Божью кару за человеческие грехи: «Вот, Господь опустошает землю и делает ее бесплодной... <...> Земля опустошена вконец и совершенно разграблена... <...> И земля осквернена под живущими на ней <...> за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей» (Исаия 24:1, 3, 5, 6). Подобная

*Сегодня, спустя 30 лет,
перед человечеством
замаячил другой конец
истории*

религиозная эсхатология приобретает научный авторитет. В недавней лекции историк Миша Гленни говорил о четырех всадниках современного апокалипсиса — распространении ядерного оружия, глобальном потеплении, пандемиях и так называемой сетевой зависимости (то есть

технологиях). Астроном Мартин Рис полагает, что вероятность выживания человечества до конца столетия не превышает 50%.

Так что именно повлекло за собой столь коренной поворот в наших ожиданиях? За оставшиеся пять минут я могу лишь указать на при-

чины, которые представляются мне наиболее важными.

Во-первых, самой идее универсализма присущ некий изъян. Следует помнить о давнем разделении между культурой и цивилизацией. Цивилизация универсальна, культура имеет частный характер, и нет веских причин, по которым цивилизация возобладает над культурой до того, как та или иная культура уничтожит цивилизацию.

Фукуяма как наследник философии Просвещения считал, что Запад пробудился от темных времен, а остальному миру не остается ничего, как его догонять. Однако Китайская империя существовала без Просвещения в течение тысячелетий. Уж конечно, это Запад должен догонять Китай! Очевидно, сегодня в этом состоит мировоззрение председателя Си. Такой взгляд на вещи должен помочь нам понять, почему для значительной части мира философия Просвещения остается предметом европейского экспорта, который навязан и подлежит отмене.

Исключительно интересный вопрос, который недостаточно обсуждают, состоит в том, почему ни одна неевропейская цивилизация — и не только Россия — не пришла в развитии своих воззрений к тому, что мы на Западе именуем Просвещением.

Во-вторых, я бы хотел упомянуть фиаско неолиберальной экономики. Последнее объясняет происходящую сегодня деглобализацию. Фукуяма проглотил рекламный клич классической экономики, в соответствии с которым рынок выступает оптимальной системой равновесия, а глобальный свободный рынок несет пользу каждому человеку в каждый момент времени. Считалось, что крушение коммунистических режимов приведет к установлению свободного рынка во всем мире и тем самым устранил экономическое соперничество как причину войны. Финансовый крах 2008–2009 годов потряс основы этой концепции. Шумпетер оказался ближе к истине: рынок — это система творческого разрушения, причем глобальная финансовая система выступает проводником как созидания, так и разрушения.

Сегодня существенно меньше надежды на то, что основанный на конкуренции капитализм приведет нас в светлое будущее. В действительности глобализация сворачивается, по мере того как ожесточается конкурентная борьба государств. Лайонел Роббинс осознал этот

феномен почти сто лет назад: свободный рынок не может быть самодостаточной основой для мира и безопасности. Для того чтобы он стал безопасным полем для торговли и взаимодействия между народами, необходимы надежные политические основы.

В-третьих, оптимистический взгляд на вещи оставил в стороне разрушительный потенциал технологий. Вслед за окончанием холодной войны закончилась, как считалось, гонка вооружений. Ключевым свидетельством в пользу обратного стали четыре скоординированных террористических акта смертников «Аль-Каиды», совершенных против США 11 сентября 2001 г. На фоне развития «боевого» измерения технологий стало очевидно, что последняя глава истории далека от завершения.

В-четвертых, следует упомянуть тезис об однополярном мире. Здесь Соединенные Штаты выступают как образец для подражания и гарант политического равновесия, сочетающий так называемую мягкую и жесткую разновидности силы. В 1990 году ключевой предпосылкой выступал тезис, что лидерство США в свободном мире будет без усилий экстраполировано на всю планету. Если бы это произошло, не пришлось бы думать о политической структуре государств мира. Однако призывы к реформированию ООН до сих пор звучат впустую.

Таковы, на мой взгляд, ошибки мышления, которые неизбежно проявились с течением времени.

В-пятых, следует назвать тяжелые политические ошибки, самая важная из которых — оскорбительная политика в отношении России. Резкое неприятие этого внутри России стало важным фактором роста путинизма. Остается открытым вопрос о том, возможно ли было с легкостью ввести только что избавившуюся от оков коммунистической идеологии Россию в семью либеральных демократий, как того желал Горбачев. Так или иначе, но грубость в отношении России, в особенности со стороны администрации Клинтона, исключила такую возможность в обозримой перспективе. Путинская доктрина многополярности, вскоре воспринятая Китаем и другими, была ответом на американское утверждение униполярного мира.

От мечты 1990 года осталось лишь хрупкое строение Европейского союза. Может ли идея добровольной империи с ее ключевым принципом субсидиарности вырасти в благотворную форму взаимозависимости, способную спасти человечество от Армагеддона? Думаю, мы обязаны уцепиться за эту возможность, хотя, боюсь, нам придется пережить еще немало чрезвычайных ситуаций, прежде чем человечество выбросит за борт идею неограниченного национального суверенитета.

Сегодня существенно меньше надежды на то, что основанный на конкуренции капитализм приведет нас в светлое будущее

Перевод с английского Марка Дадяна

*Екатерина Шульман,
российский политолог
и публицист*

О российских ценностях

Спасибо за возможность выступать перед этой замечательной аудиторией. Спасибо за возможность видеть многих из вас. Я счастлива видеть Юрия Петровича и Елену Михайловну. Как прекрасно, что у нас есть такая возможность!

По поводу нашей темы. О чем мне хотелось бы поговорить и на что хотелось бы обратить внимание как человеку, занимающемуся социальными науками, науками об обществе, и как человеку, изучающему большое количество российских нормотворческих документов.

Несколько раз в ходе нашего разговора мы с вами упоминали понятие ценностей — универсальных ценностей, вечных ценностей, общечеловеческих ценностей. Не упомянуты были ценности национальные и традиционные, но о них мы много слышим в других местах.

Существует проблема с этим набором понятий.

Существуют ценности, как они понимаются в науке — в любых науках, которые изучают общество и поведение людей в обществе.

Существует Рональд Инглхарт и его концепция меняющихся ценностей.

Существуют периодические всемирные исследования ценностей, которые показывают нам движение различных социумов между ценностями традиционными, в том смысле, в каком они понимаются в этом контексте, и ценностями секулярными, рациональными. А также движение от ценностей выживания, безопасности, самосохранения к ценностям прогресса, развития, самовыражения.

И существует дискурс о ценностях в политическом пространстве, а также в законодательстве, поскольку на них основываются законодательные нормы.

Так вот, режимы, подобные российскому, перехватывают это понятие ценностей, интерпретируя его в совершенно ином смысле, по сравнению с тем, как оно понимается наукой.

В начале нашего разговора было сказано, что *ценности* — это то, что определяет наше поведение. Соответственно, *ценности социума* — это то, что влияет на то и определяет то, как люди себя ведут внутри него. Дискурс традиционных ценностей в России крайне популярен на официальном уровне, он начался несколько лет назад и на данный момент является доминирующим.

Я сомневаюсь, что многие из здесь присутствующих читали стратегические документы, выпускаемые российским Советом безопасности, или Указ президента о государственной политике по защите традиционных ценностей. Я это все читала, so you don't have to (чтобы вам не пришлось). Надо сказать, что хотя это все напоминает некоторый набор пустых бюрократических слов, за этим стоят определенные, скажем так, понятия. И что еще важнее — за этим стоит традиционная интенция.

Смотрите, что происходит. В социальных науках ценности — это то, что, как я сказала, во-первых, определяет поведение, а во-вторых, меняется. Ценности трансформируются. Общества меняются. Главная рабочая концепция Инглхарта состоит в том, что по мере прогресса и развития, по мере повышения уровня благосостояния в том или ином обществе ценности его граждан смещаются *выше* по одной оси — то есть ближе к ценностям секулярным, рациональным, индивидуалистическим, и *вправо* по другой оси — ближе к ценностям самовыражения и прогресса. Когда мы слушаем то, что говорят официальные лица в России, или читаем то, что они пишут или подписывают, то мы видим понятие традиционных ценностей в смысле *перманентных*. Они «традиционные», опять же, не в том смысле, в каком их понимает Инглхарт и Вельцель. То есть ценности коллективизма, связанности, почтения к авторитету и большего уважения к религии, чем к науке. В российском официальном дискурсе ценности являются «традиционными», потому что предполагается, что они наследованы из прошлого и не меняются в будущем. Для чего это делается?

Это делается для оправдания «национальной уникальности», «исключительности», которая *неизменна*. И не просто неизменна, что называется, *сейчас*, а на нее *нельзя влиять*, потому что это нарушение некоего базового суверенитета вот этой вот конструируемой на ходу политической нации.

Чтобы это звучало убедительно, разумеется, рассказывается, что «это исходит из глубины веков», что «так было всегда» и, соответственно, «так всегда и будет», как поется в нашем российском гимне:

*Ценности социума —
это то, что влияет на то
и определяет то, как люди
себя ведут внутри него*

«Так было, так есть и так будет всегда!» Понятно, что любая власть, особенно не базирующаяся на народном согласии, вынуждена искать себе альтернативную легитимность. Лучше всего искать ее в воображаемом прошлом.

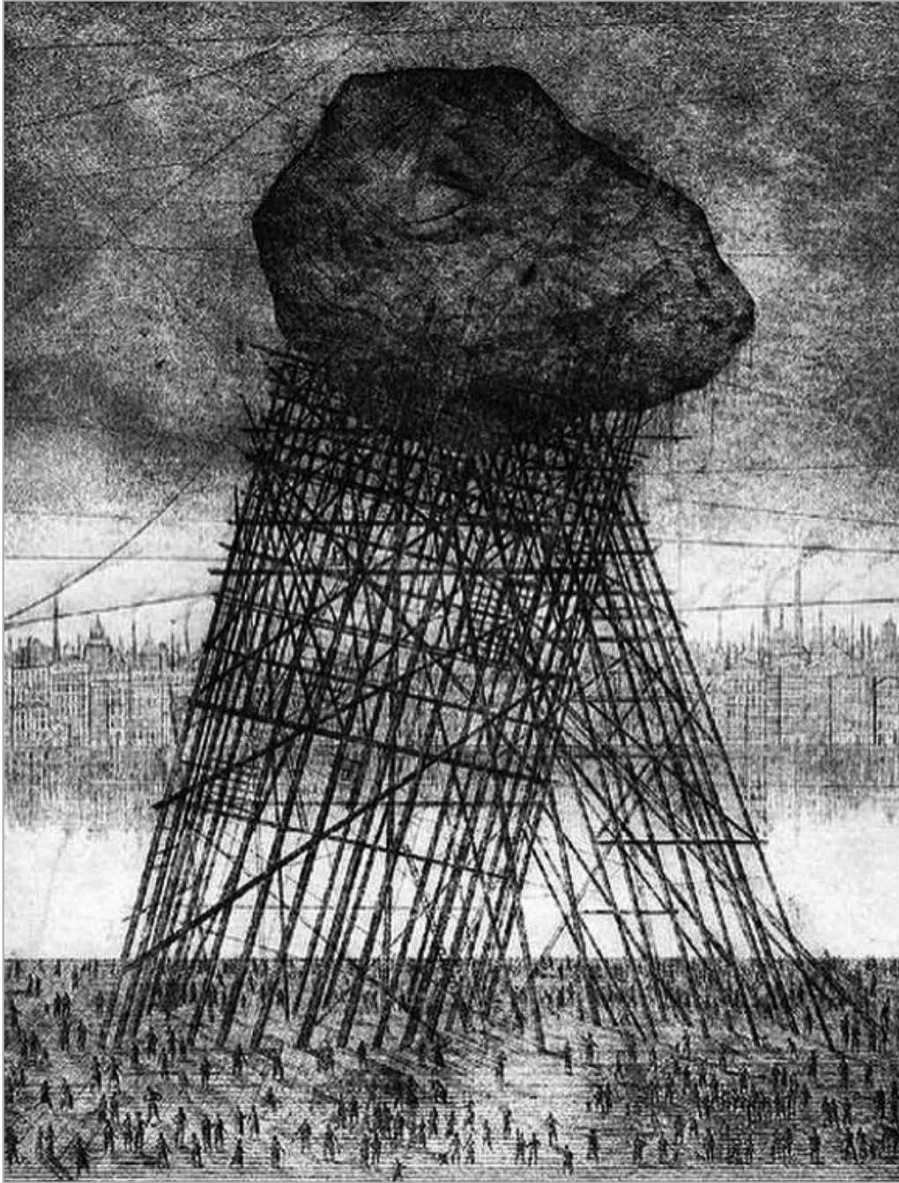
Что здесь волнует меня как политолога? Меня волнует, что такого рода режимы очень хорошо умеют присваивать себе те научные концепции, которые до них были вполне респектабельными и научно перспективными. Я опасаясь, что еще, может быть, через 5–10 лет мы с вами будем бояться произносить на публике слово «ценности», потому что это будет звучать как «евгеника» или «расовая теория» звучали после 20-х или 30-х годов. Я напомним, что когда-то это тоже были прекрасные научные направления, которые не имели целью оправдывать массовые истребления людей по этническому признаку. Речь шла совсем не об этом! Но кому сейчас это расскажешь?

Вот в этом смысле понятие ценностей как чего-то неизменного, имманентно присущего той или иной нации и, соответственно, подлежащего всемерной защите — это, конечно, инструмент авторитарного властвования.

Как сделать так, чтобы, во-первых, высвободить эту ценную научную истину из грязных лап того или иного авторитаризма — я не могу сказать. У меня нет на этот счет никакого рецепта. Но я вижу, как российские официальные лица, например, бедный наш Дмитрий Анатольевич Медведев, телеграм-блогер, говорят что-то вроде: «Ваш западный порядок, основанный на *правилах*, — это просто правила, устанавливаемые сильными. Вы их установили в своих интересах, и вы их меняете по своим потребностям». Он более откровенен, чем многие, поэтому стоит время от времени его читать.

Почему происходит этот бунт против порядка, основанного на правилах? А правила, понятное дело, основаны на ценностях. Потому что эти люди чувствуют (или воображают, что они чувствуют) или по крайней мере декларируют себя в слабой позиции, слабыми в мире правил, установленных другими сильными. Мы видим здесь апроприацию еще одного дискурса, еще одного целого набора концепций, а именно дискурса и концепции постколониализма. Насколько эта попытка будет успешной — мы посмотрим. Но это очень видно, когда агрессивный политический режим позиционирует себя как жертву — и не просто как жертву, а как жертву почти колониального угнетения. Это говорится, в общем, открыто: «Нас обижают большие, мощные державы, навязывают нам чуждые ценности». Если мы сделаем поиск по частоте употребления, то вот это выражение «чуждые ценности» будет почти так же распространено, как выражение «традиционные ценности».

Еще раз повторю: понятно, зачем это нужно. Это все, так сказать, элементы, как сейчас принято выражаться, информационной войны. Что с

Александр Бродский и Илья Уткин. Монумент 2000 года. 1990

этим делать — мне до конца не ясно. Конечно, такого рода употребления компрометируют целый набор понятий, употребляемых социальными науками.

Задача просвещения, видимо, в том, чтобы как-то остановить эту компрометацию. Но задача тех, кто занят политическим действием, а не научным исследованием, в том, чтобы знать, что такое происходит, и думать о том, что в публичном пространстве можно этому противопоставить.

*Нил Муйжнникс,
директор регионального
европейского бюро
правозащитной организации
Amnesty International*

Как защитить принцип универсальных прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации, от обвинений в том, что они, эти права, «западное изобретение», не подходящее другим сообществам и культурам?

«...мы знаем, что происходит, мы беспокоимся о вас»

Э то большая честь – делить сцену со столь именитыми коллегами.

Я думаю, нет резкого разделения между востоком и западом, югом и севером, между сторонниками авторитарной власти разных мастей и демократами. Если вы почитаете заявления поляков и венгров по поводу Совета Европы или их критику отношения Европейского союза к правам человека, вы обнаружите, что они очень похожи на то, что власти Китая говорят о Синьцзяне. Речь фактически идет о политизированных нападках, о предвзятости, о невнимании к национальным контекстам. В основном это просто отговорки. Причем их же используют те, кто утверждает, что права человека — это западное изобретение.

Да, история прав человека, которую мы знаем лучше всего, — это западная история: мы ссылаемся на европейских философов, на общественный договор, на французскую Декларацию прав человека и гражданина, Американскую декларацию независимости. Но есть и более старая история, та, что фокусируется на таких ценностях, как разум, справедливость, достоинство. Они присутствуют во многих культурах мира. Питер Ллойд, работавший в Совете Европы, написал очень интересную книгу о малоизвестных выразителях идеи прав человека. В ней он пишет, что разум, справедливость и достоинство как безусловные ценности присутствуют уже у Конфуция, у китайского философа Мэн-цзы, в золотой век ислама у Авиценны, у арабского ученого Аверроэса, у арабского историка, философа, общественного деятеля Ибн Хальдуна, в Испании XVI века, у гуманистов и философов лас Касаса и де Витория.

То есть предшественников современного понятия прав человека можно найти в разные времена и в разных частях мира. Нынешняя система защиты прав человека была выстроена после Второй мировой войны, когда США и СССР доминировали, а остальной мир был колонизирован или отодвинут на периферию. Однако за последние 70 лет понимание прав человека и то, как права интерпретируются, сильно изменилось. Например, в сфере социальных и экономических прав. Думаю, все, кого я знаю в Европе и кто занимается правами человека, согласятся, что раньше мы не уделяли должного внимания социальным, экономическим, культурным правам. Хотя именно они важны для многих людей. И теперь мы знаем, что если нет свободы слова, процветает коррупция; если нет свободы слова и других демократических свобод, возрастает вероятность военной мобилизации и так далее. Экологические проблемы до сравнительно недавнего времени тоже не относили к области прав человека. Но теперь, если вы не говорите об экологических проблемах и изменении климата, молодое поколение не станет вас слушать. Взаимозависимость экологических прав и прав человека, я думаю, сейчас понятна всем.

Но есть области, в которых мы не приходим к консенсусу. Например, проблема, вызывающая разногласия во всем мире — права сексуальных меньшинств. Поляризация мнений по этому поводу наблюдается даже в Европе. Сербия и Турция запрещают гей-парады, Азербайджан и Россия преследуют представителей ЛГБТК+.

Я бы сказал, что расхождения между Западом и остальным миром все же меньше, чем между крупными государствами и малыми и средними странами. Большие страны, будь то Китай, США или Россия, не любят подвергаться постороннему анализу и в большинстве случаев могут устраниться от него. У малых же и средних стран такого выбора часто нет. Что должно быть сделано? Чтобы добиться изменения позиции Венгрии и Польши по отношению к мигрантам, ЕС выдвигал условия, даже пытался использовать финансовые рычаги. Но, согласитесь, не очень убедительно выступать с проповедями о правах человека, когда на вашей границе избивают мигрантов. Европа тем не менее остается самой эффективной региональной системой защиты прав человека. Межамериканская система слабая. Африканская тоже. Азиатской системы не существует.

Думаю, что в Совете Европы ставят себе в заслугу исключение России. Но как быть с Турцией? Предстоит большой саммит, и я продолжаю говорить всем, кто хочет слушать, что его следует посвятить Турции.

*Предшественников
современного понятия
прав человека можно
найти в разные
времена и в разных
частях мира*

*Я бы сказал, что
расхождения между
Западом и остальным
миром все же меньше,
чем между крупными
государствами и
малыми и средними
странами*

Потому что считать, что мы продвигаемся в области прав человека, и в то же время разрешать этой крупной стране, которая почти с самого начала представлена в Совете Европы, игнорировать важные обязательства в области прав человека, держать людей в тюрьмах – нельзя.

Стоит, по-моему, задуматься и о своего рода ретроспективном упражнении, анализе того, что произошло с Россией. Как Совет Европы отреагировал на очень серьезный откат, который произошел в этой стране? Почему не было адекватного ответа? Почему Европейскому суду по правам человека потребовалось десять-одиннадцать лет, чтобы вынести решение по закону об иностранных агентах? А в каких еще странах Европы действуют законы об иностранных агентах? Почему мы обманывали себя тем, что в России существуют свободные СМИ уже после того, как все телевидение было захвачено Кремлем? Мы на это говорили, что есть же «Эхо Москвы», есть «Дождь», есть «Медуза». Но мы обманывали себя — независимого телевидения не было уже двадцать лет. В каких еще странах Европы нет независимого национального телевидения? В Италии, Венгрии, Польше. Разве нас не должно беспокоить промывание мозгов населения страны или ее отказ от сотрудничества с международными организациями? Когда я был уполномоченным по правам человека и после поездки в Крым в 2014 году написал резкий репортаж, Россия стала единственной страной, отказавшей мне во въезде.

Нам еще многое предстоит сделать, чтобы отстоять ценности демократии.

Вопрос, который я считаю в корне неверным, звучит так: «Что лучше — оставить страну в ЕС или забыть о ней?» Я говорю: не в этом дело, вопрос в том, есть ли у граждан этой страны какая-то польза от членства в организации? Какая польза от членства в Совете Европы, если, к примеру, Азербайджан игнорирует решения Европейского суда по правам человека, если наказывает адвокатов, возбуждающих неудобные кому-то дела, если предъявляет все новые обвинения? Какой в этом смысл?

А разговоры о России?.. Российское гражданское общество извлекало хоть какую-то пользу от членства в Совете Европы? Я бы сказал — чем дальше, тем меньше. Россия проигнорировала многие важные решения Европейского суда по правам человека, но кто-то получил денежные компенсации, и это была единственная справедливость, на которую они могли рассчитывать. Таким образом, польза для жителей России от членства страны в Совете Европы крайне мала, членство не повысило иммунитет российского общества против диктатуры, не помешало ее установлению.

Вопрос: что может сделать какая-либо региональная система защиты прав человека?

Конечно, есть у нас и истории успеха, но успех обычно приходит не сразу. Он приходит спустя долгое время, после многих лет работы.

Иногда, впрочем, были незамедлительные успехи. Я помню, как ездил в Украину во время Майдана, ходил в изоляторы к людям, которым полицейские проломили череп или выбили зубы. Я посетил много таких людей. Смысл был уже в том, чтобы дать сигнал: мы видели и знаем, что происходит, мы беспокоимся о вас. И помню, как спустя два года встретил некоторых из них, и они говорили, что после нашего визита условия содержания улучшились.

Есть и другие случаи. Я ездил в Нидерланды. И там, в аэропорту Схипхол, обнаружил интересную часть, где содержались мигранты. Я помню, как зашел туда и увидел сирийских детей. Я спросил у министра миграции: «Вы задерживаете детей на своих сухопутных границах, когда они прибывают?» Он ответил: «Нет, мы этого никогда не делаем». — «А почему вы делаете это в аэропорту?» — спросил я. Больше они там детей не держали.

Моя работа заключалась в том, чтобы усилить голоса людей, призывающих к переменам, будь то парламентарии, министры, или голос гражданского общества, с тем чтобы привлечь внимание к проблемам, которые игнорировались.

Вспоминаю одну приятную и одновременно разочаровывающую историю в Италии. Посреди Рима есть сквоты, нелегально занятые помещения, в которых живут сотни мигрантов, а иногда и беженцы с документами. И есть заброшенное здание университета, в котором жили 250 мигрантов и беженцев. Я был в нем. Два туалета на 250 человек, коммунальных услуг нет, только одна некоммерческая фирма, которая им помогает. Почему об этом никто не знает? Это же в центре Рима, в одном из самых богатых городов Европы! Эти люди не хотели никаких обещаний с моей стороны, но я сказал: «Я не могу обещать вам, что ваша ситуация изменится, но могу обещать, что привлеку к ней внимание». Потом я дал большое интервью Financial Times, журналисты пошли туда и увидели все это. Они не могли поверить своим глазам. Думаю, что этот сквот все еще существует, но, по крайней мере, люди не могут отрицать само наличие проблемы. Вообще первый шаг к решению проблемы — информирование людей о ее существовании. Иногда это лучшее, что вы можете сделать.

Так что победы у нас были, пусть их было не так уж много, но мы боролись. И я всегда говорил своей команде: «Черт возьми, мы в привилегированном положении. Мы живем в красивом городе Страсбурге. У нас хорошие зарплаты. Мы не подвергаемся опасности, а есть множество людей, которые находятся в группе риска. И наша обязанность — быть настойчивыми и использовать каждый инструмент в нашем распоряжении, чтобы помочь им». И еще я говорил: «Мы должны праздновать победы. Каждое изменение ситуации к лучшему — это жемчужина. Храните эти истории, эти драгоценности в маленькой шкатулке. А когда вам плохо, откройте шкатулку и посмотрите на драгоценности. Они помогут вам двигаться дальше».

*Сергей Николаевич,
журналист*

На форуме в Берлине присутствовал известный журналист Сергей Николаевич. Публикуем часть его текста, написанного о форуме.

Время просвещения

Форум в Берлине в декабре 2022 года, формально приуроченный к 30-летию создания Школы, был посвящен самым болевым и острым вопросам: война в Украине, отмена русской культуры, кризис европейских ценностей, судьба независимых СМИ в изгнании... Кажется, чтобы проговорить некоторые из этих тем, не хватило бы и недели, но организаторы форума сумели уложиться в два дня.

Берлинский маршрут

Восточный Берлин в какой-то момент обязательно напомнит вам Ленинский проспект в Москве. Те же просторы, те же продуваемые всеми ветрами трассы, устремленные в никуда. Понятно, что за тридцать лет после падения Берлинской стены здесь много чего изменилось, однако какой-то еле различимый гэдэровский дух все равно остался. Заметный, наверное, только тем, кто жил в СССР.

Маршрут нашего автобуса, следовавшего от Александерплац до Центра Генриха Бёлля, проходил мимо здания «Фридрихштадтпаласта», самого знаменитого кабаре в Восточной Европе. Помню, что отдельные концертные номера из его программ показывали по советскому ТВ глубокой ночью как апогей чего-то абсолютно роскошного, буржуазного и недоступного простым гражданам.

В декабре 2022 года ни праздничных огней, ни каких-то очевидных признаков жизни там не наблюдалось. И вообще с освещением в Берлине, как мне показалось, не очень. Экономия и еще раз экономия. *Sparen und wieder sparen!*

И Центр Генриха Бёлля тоже не поражает воображение. Все очень функционально, просто, строго. На фоне серой офисной гаммы выделялись только три

стенда с цветными фотографиями экспертов Школы разных лет. Что-то вроде настенного фотоальбома, который можно рассматривать бесконечно, мысленно пролистывая разные памятные страницы школьной истории. Как потом призналась Лена, отбирали фото с особым умыслом, чтобы никому не навредить. Ведь многие эксперты и спикеры остаются по-прежнему в России. Зачем им лишние проблемы?

И тем не менее русских было много. Большинство участников переехало в Европу после 24 февраля. И Школа для них стала чем-то вроде Ноева ковчега, где можно спастись, укрыться, пересидеть потоп. Тут уютно, тепло, дают бесплатный кофе, просвещенные иностранцы рассказывают о либеральном мироустройстве, о гражданских правах и демократических ценностях. И, конечно, все говорят о войне в Украине, от исхода которой во многом зависит судьба современной демократии, а значит, в каком-то смысле и участь всех присутствующих.

Кто-то настроен пессимистично. Ничего позитивного от России ждать не приходится. Речь может идти только о сдерживании, удержании ее от еще более масштабной войны. Другие высказываются более примирительно, мол, Путин — это далеко не вся Россия. Не стоит недооценивать процесс культурной модернизации, происходивший там в последние 20 лет. Нельзя сбрасывать со счетов и тысячи прогрессивно мыслящих людей, имеющих какой-никакой политический опыт и готовых им воспользоваться, как только появится хоть какая-то возможность — в случае, если Россия войну проиграл.

«Но когда же, когда?» — задыхался от нетерпения зал, поднимая вверх лес вопрошающих рук.

«Долго ли еще?» — волновались присутствующие, задавая всезнающим гуру свой главный вопрос.

«Кроме высоких материй нам в Школе всегда было важно, — говорила Лена в своем вступительном слове, — чтобы во время семинаров их участники почувствовали, что дискуссия — это совершенно особое поле взаимодействия. Самое важное здесь — не то, как я *выиграл*, а то, что я *понял*. И для наших семинаров этот переход от знания к пониманию — главная цель. Поэтому если кто-то недополучает знания, но получает заряд мысли, погружается в дискуссию, мы считаем, что семинар удался».

Тогда на форуме, посвященном 30-летию Школы, бесспорно, работал выбор самого места. Берлин, его камни, хранящие память о главной трагедии XX века, не просто еще одна локация, а молчаливый свидетель всех дискуссий и споров. В зале, где проходили доклады и выступления, не было окон. И тем не менее зимний, графичный, сумрачный город все время напоминал о себе и о том, что ему пришлось пережить всего каких-то семьдесят пять лет назад. И подняться из руин, и принять на

Дискуссия — это совершенно особое поле взаимодействия. Самое важное здесь — не то, как я выиграл, а то, что я понял

себя вину за все злодеяния и преступления нацизма, и радикально перестроиться, избавившись от имперских орлов и комплексов. На это ушли годы и жизнь нескольких поколений. Тем не менее немцам это удалось. Значит, шанс есть и у нас.

Групповой портрет с Генрихом Бёллем

Возьмем, к примеру, эпохальную фигуру писателя и мыслителя Генриха Бёлля. Он тоже неспроста оказался вписан в групповой портрет с выпускниками Школы. И не только потому, что принимающий их центр назван в его честь. Имя Бёлля как пароль в мир западного понимания свободы и гуманистических ценностей. Символично, что именно Бёлль был первым из тех западных интеллектуалов, кто приветствовал Александра Солженицына, изгнанного из Советского Союза в 1974 году.

Давать прибежище, протягивать руку помощи, принимать деятельное участие в судьбе другого — это тоже в традиции Школы, полностью разделяющей программные установки Центра Генриха Бёлля. Да и в самом выборе тем для дискуссий и выступлений чувствовалась умелая и умная режиссура программного координатора Инны Березкиной. Ведь мало придумать интересную тему, ее надо суметь подать, найти правильного модератора, выстроить всю драматургию.

В некоторых случаях это получилось совершенно блестяще, как, например, во второй день, который начался с трагической оды запрещенному «Мемориалу», а закончился «Голосами Школы», озвучившими свидетельские показания буквально с места военных событий. Тут и судьбы беженцев, и история массового исхода в феврале — марте 2022 года, и идиллическая модель совместного проживания украинских и российских беженцев в одном доме где-то в далекой Черногории — все эти свидетельства еще ждут своего исторического и художественного осмысления.

Но главное, конечно, это люди, которых Лене и Юре по-прежнему удается собирать на свои форумы и семинары. Среди них были те, кто стоял у истоков Школы, кто активно участвовал в ее становлении.

Как, например, француженка Сильви Кауфман, редакционный директор *Le Monde*. На ее глазах и при ее непосредственном участии происходили все главные события, переменявшие судьбу Европы за последние тридцать пять лет. Именно столько лет Сильви ведет свои репортажи из разных горячих точек и пишет для *Le Monde*. Она видела падение режима Чаушеску, она помнит, как победила «Солидарность» в Польше. Совсем недавно она вернулась из Молдовы и знает, в каком напряжении и страхе перед российской агрессией там все пребывают. Всегда интересно взглянуть на события глазами человека, которому известны истоки, финалы и то, что бывает после конца. И в этом смысле у Сильви как у истинной француженки очень рациональный и ясный подход. Она видит историю в движении и верит в победу разума над

хаосом. Верит в тайную взаимосвязь событий, как негативных, так и позитивных, способных вывести нашу цивилизацию из кризиса.

Среди участников конференции был и Доминик Моизи, один из тех, кто имел непосредственное отношение к рождению Школы, начиная с визита мадам Лалюмьер к Лене и Юре на Кутузовский в 1991 году. Вместе со своей женой, историком Дианой Пинто, они являют собой образцовую семейную пару европейских интеллектуалов, прямых наследников западной традиции, когда брак или любовный союз становился, кроме всего прочего, еще и совместной дорогой к просвещению. Таких пар немного, но они были и есть. Тут можно вспомнить Жан-Поля Сартра и Симону де Бовуар, Жака Деррида и Маргерит Окутюрье...

С неизменной улыбкой Доминик Моизи будет развивать теорию, которую изложил в своей давней работе «Геополитика эмоций». Это книга о том, как эмоции страха, унижения или надежды способны изменить мир и ход истории. Когда-то, вглядываясь в карту мира, Моизи находил больше надежды в Азии, больше унижения и подавления в арабско-мусульманском мире, больше страха в странах Запада. Эмоции как холестерин: они могут быть полезными, но могут быть вредными и опасными. В 2022 году эмоции в мире достигли своего апогея, и спровоцированы они не только агрессией России против Украины, но и негативными последствиями глобализации.

«Я говорю своим ученикам, что мне 76 лет и я никогда не знал такой страшной ситуации с тех пор, как родился. В 1962 году у Кеннеди и Хрущева еще в подсознании жили образы Хиросимы и Нагасаки. Теперь это уже не так, особенно у Путина».

И тем не менее эти два дня в Берлине, проведенные на семинаре Школы, дали Доминику Моизи ни с чем не сравнимое ощущение энергии и оптимизма. Почему? Наверное, дело в стойкости, предельной стойкости того самого универсализма, который исповедуют Школа и ее создатели.

«Я просто хочу, Лена и Юра, поблагодарить вас не только за то, что вы сделали, но в основном за то, кто вы есть».

Люди и судьбы

Большая судьба — всегда источник вдохновения и пример для подражания. Тем более когда эти примеры не надо искать где-то в Google. На форуме в Берлине они располагались прямо в непосредственной близости. С ними можно было перекинуться парой слов, пообщаться за ланчем или ужином. И тем не менее даже пяти минут откровенного разговора было достаточно, чтобы понять, какая перед тобой необыкновенная личность или какая невероятная жизнь.

Таким открытием лично для меня стала гречанка Деспина Сирри, основательница Гражданской школы политических исследований в Греции. Невозможно представить себе человека, более одаренного талантом слышать чужую боль и мгновенно откликаться на нее словом,

делом, просто каким-то немедленным живым, теплым движением души навстречу. Недаром с началом войны в Украине Деспина добровольно взяла на себя трудное бремя помощи беженцам. А ее выступление на форуме было посвящено тому, как сделать эту помощь более эффективной и действенной. При этом никаких громких обвинений, грозных призывов и пророчеств. Только доброта, сострадание, забота. Когда ты ощущаешь чужую боль как свою собственную, то приходят самые убедительные и правдивые слова.

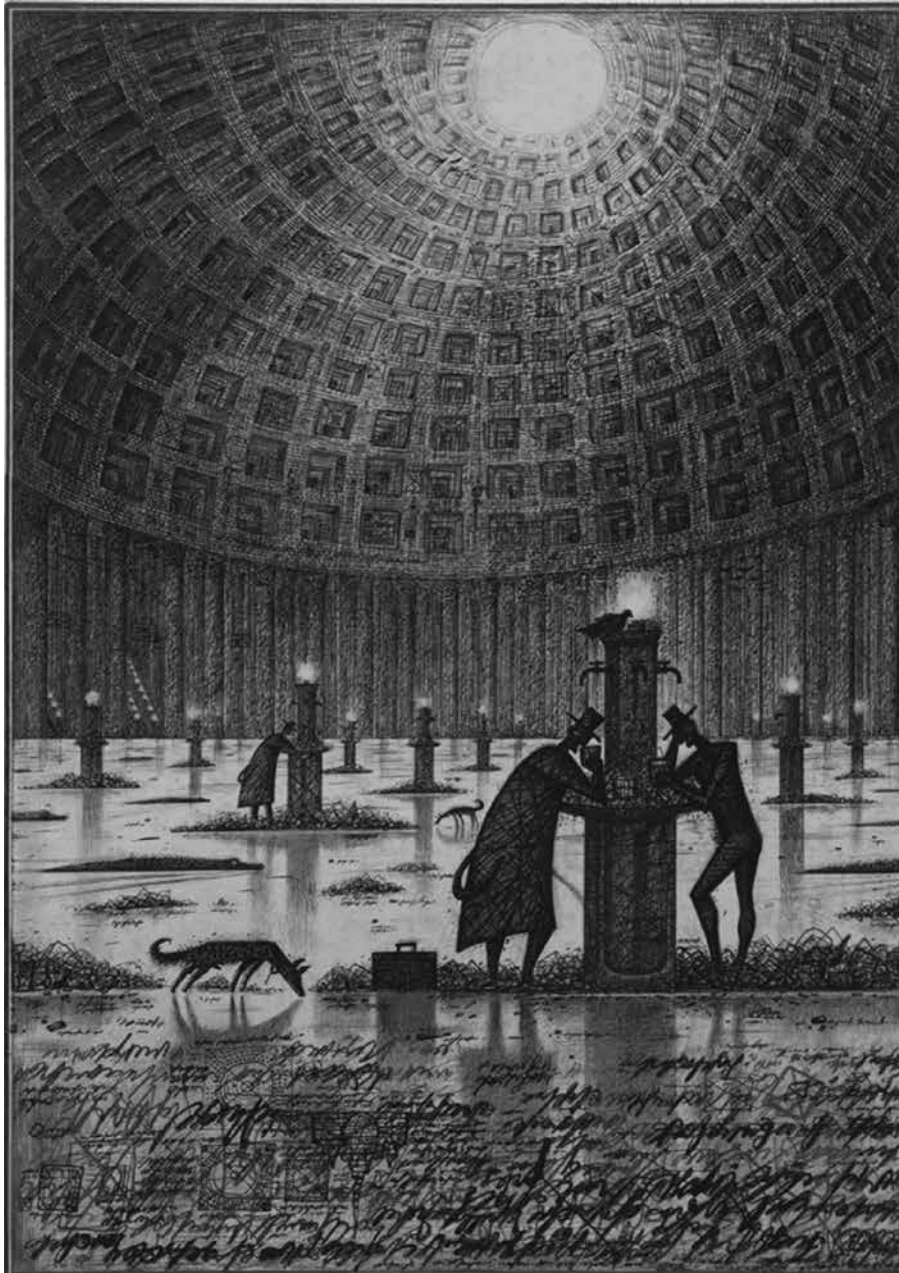
Уже сильно позже, когда мы разговорились с Деспиной в машине на пути в аэропорт, я вспомнил Марию Каллас и то, что именно она, как никто из великих оперных див XX века, была одарена чувством трагедии. Реакция Деспины была мгновенной: «По рождению Мария эмигрантка. С самого начала она ощущала себя человеком без родины. Это сознание меняет все: твой характер, психику, восприятие жизни и мира вокруг. Трагедию нельзя сыграть или спеть, как в случае с Каллас, она должна жить в твоей душе».

А я подумал: сколько написано книг и трактатов о Марии Каллас, но никто не смог сформулировать так точно главную тайну ее жизни и творчества.

Вообще неожиданных пересечений судеб, историй, каких-то невероятных биографий на форуме было немало. Все два дня рядом со мной в первых рядах просидел элегантный господин, бывший посол Германии в Польше Арндт Фрейтаг фон Лорингхофен. Про него известно, что его аристократическая родословная восходит к XII веку, а его отец был личным адъютантом Гитлера. Фактически он был последний, кто видел фюрера живым 29 апреля 1945 года. Но есть и другая примечательная подробность в истории этой семьи. Родной дядя Арндта, полковник Вессель Фрейтаг фон Лорингхофен, был одним из главных участников заговора военных против Гитлера в 1944 году. Тогда покушение не удалось, и полковник покончил с собой, чтобы избежать ареста и пыток в гестапо. Эту трагическую историю поведал мне за ужином сам г-н Арндт Фрейтаг фон Лорингхофен. Для наглядности своего рассказа про покушение он продемонстрировал буквально на своих аристократических длинных пальцах, как от взрывной волны стол, за которым проходило совещание в охотничьем домике, перевернулся и, закрыв собой, спас Гитлера от неминуемой смерти.

Мы оба тяжело вздохнули. И каждый про себя подумал, что если бы не этот треклятый стол, то война точно закончилась бы на год раньше. И не было бы еще миллионов жертв.

Увы, история не знает сослагательного наклонения. Мы имеем то, что имеем. И правителей, которых не выбирали, и прошлое, которое нельзя изменить, и настоящее, в котором так мало надежды на мир и благоденствие.

Александр Бродский. Место всеобщего процветания. 1998

Памятники гражданской свободе

И тем не менее надежда все равно есть. С новой силой она прорвалась в дискуссии «Журналистика против тирании», где самым ярким спикером стал главный редактор медиаплатформы Republic Дмитрий Колезев. Сам он родом из Екатеринбурга. В марте вынужден был покинуть Россию и вскоре был объявлен иностранным агентом. Сейчас живет в Вильнюсе.

Уже после форума я попросил Диму сформулировать, как он понимает и трактует понятие «гражданин». Кто для него самого является примером такого гражданина? И каково значение красной книжечки с двуглавым орлом, когда люди бегут из страны, получают другие паспорта, отказываются от гражданства, а вскоре, возможно, будут лишаться его принудительно?

В качестве ответа Дмитрий прислал мне целый развернутый трактат. Вот цитата из него: «Античный взгляд на гражданство и гражданскую добродетель заставляет нас думать о гражданах как о людях, заботящихся о благе своего государства. Но сегодня забота о благе Российской Федерации, под чьими знаменами бомбят украинские города, точно не кажется добродетелью... О чем благе должен заботиться российский или белорусский гражданин? Страны? Очевидно, да. Нелегитимной власти? Явно нет. Государства? Тут сложнее. Предположу, что точно не того государства, которое существует сейчас. Словарное определение говорит нам, что гражданство — это устойчивая политико-правовая связь человека с государством. Однако это право в России и Беларуси растоптано, а политическое участие граждан в жизни государств сведено почти к абсолютному нулю. Граждане превратились в лучшем случае в подданных, а то и в рабов. В этом смысле разговор о гражданстве в классическом понимании, видимо, становится неактуальным до тех пор, пока в России и Беларуси не будут созданы демократические режимы и восстановлены конституционные права и свободы.

Но это не мешает каждому любить свою родину и желать ей добра безотносительно своего правового статуса. И поэтому среди примеров добродетельных граждан я приведу как раз тех, кого в свое время лишили советского гражданства, — Ивана Бунина, Иосифа Бродского, Александра Солженицына, Мстислава Ростроповича, Галину Вишневскую».

Символично, что всем людям из списка Дмитрия Колезева на родине поставлены памятники. Им поклоняются, ими восхищаются, их творческое наследие на родине хранят и изучают. В их честь названы улицы и площади. Все они — часть большого мифа о России, о стране, где все абсурдно, непредсказуемо, нелогично. Про которую никто толком не знает, где она начинается и заканчивается. Где поражение может быть объявлено громкой победой, а изгнание обернуться триумфальным возвращением.

Ну кто мог представить в 1974 году, когда Александра Солженицына выслали из СССР, что он вернется, да еще таким победителем. Или в далеком 1984-м, когда уже похоронили Андропова, но еще не умер Черненко, кто бы решился предсказать, что власти кремлевской геронтократии осталось максимум полгода. А ведь тогда советские диссиденты ощущали себя пораженцами, у которых нет будущего.

Но уже в 1985 году ситуация изменилась.

Быть современным человеком

Это правда, что в России надо жить долго. Тем более когда тебя вынуждают ее покинуть. И ты оказываешься в изгнании. На неопределенный срок и с неопределенными перспективами.

Лена Немировская и Юрий Сенокосов познали эту банальную истину на собственном опыте. Как, впрочем, и то, что никогда не надо отчаиваться, нельзя опускать руки. Проигрывает тот, кто первым выходит из игры.

«Зачем нам сегодня необходимо просвещение, а не только образование? — спрашивает Юра. — Разве недостаточно уже, например, образованных профессионалов-айтишников для поиска решения экономических, политических, религиозных и т.д. проблем?» И тут же сам себе отвечает: «Нет, недостаточно... И даже интернет не поможет. Он лишь помогает наращивать знание (механическое). Но механически так называемые гуманитарные, жизненные цели не решаются даже за круглыми столами переговоров. Потому что понимаешь в какой-то момент, что твой свет ума только твой, а как его передать другому — загадка. Но она тем не менее решаема в публичном пространстве мира, а не войны. Зло и добро абсолютны. Но и мораль абсолютна, а вот наше отношение к морали может быть относительным. Если ты этого не понимаешь, то на дорогу свободы не выбраться. Европейцам это удалось, конвертируя религиозные заповеди в мораль, а затем мораль в нормы права. Но это был долгий путь».

В Берлине кто-то из журналистов в очередной раз спросил, не жалеют ли они об этих тридцати годах, не разочарованы ли их итогами? И Лена ответила, как умеет только она, раздумчиво, медленно и веско: «Нет, мы с Юрой не разочарованы и не очарованы. Мы просто понимаем, что всем нам предстоит постоянная, тяжелая, систематическая работа быть современным человеком. Сегодня, находясь здесь, я не имею права ничего говорить о России, но знаю, что если лучшие люди моей страны не захотят ее осовременить в подлинном смысле этого слова, она не выдержит испытания временем. И теперь это понимают, кажется, все».

Январь 2023 года

*Перед лицом катастрофы.
Сборник статей*

«Мы как участники и свидетели истории не имеем права забыть о жертвах катастрофы, творимой на наших глазах в Украине», — пишет доктор философских наук, профессор Николай Плотников в предисловии к сборнику статей, который был издан в Берлине на русском языке.

*Предисловие**

Ангел истории, которого изображает Вальтер Беньямин в своих знаменитых тезисах «О понятии истории», замер с раскрытым ртом и расплавленными крыльями. Он не может оторвать взгляд от свершающейся на его глазах всемирной трагедии. «Там, где нам видны лишь цепочки отдельных событий, — пишет Беньямин, — Он видит одну сплошную катастрофу, непрерывно громоздящую груды развалин и швыряющую их ему под ноги».

Нам не дано узнать, что видит ангел истории сейчас и как катастрофа открывается его взору. Нам виден тот непрерывный поток страданий, разрушений и смерти, который приносит с собой агрессивная война, развязанная правительством России 24 февраля 2022 года против государства и народа Украины. Нам видна нескончаемая цепь преступлений армии агрессора. Мы становимся свидетелями того, как война лишает крова и тепла миллионы мирных жителей, заставляя их покинуть родные места. Как она разрушает жизненный проект двух постсоветских поколений и лишает их будущего. Как она разрывает ткань человеческих связей, разоряя семьи, разбивая сообщества, сея вражду между народами.

Мы сами стараемся найти связь в этом хаосе событий и увидеть контуры случившейся катастрофы. Как она стала возможной? Кто ее виновники? Каковы будут ее последствия? И главное — что это за катастрофа? Как ее назвать? Какие найти слова, чтобы

* *Перед лицом катастрофы. Сборник статей под редакцией и с предисловием Н. Плотникова. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2023. 175 с.*

выразить ее смысл? Прежние понятия кажутся совершенно неуместными, все диагнозы и прогнозы не подтвердились.

Чтобы снова наполнить смыслом понятия, следует подвергнуть их радикальной критике и отбросить все то, что отчетливо обнаружило свою интеллектуальную несостоятельность. Нужно демонтировать все исторические, политические и философские мифы — «традиционных ценностей», «неограниченного суверенитета», «самобытности», «русской цивилизации», «империи», «Великой России» — и еще десятки больших и малых мифов национального превосходства, ставших дискурсивным оправданием российской военной агрессии и породивших то сознание имперского высокомерия, что становится на наших глазах причиной ее неизбежного поражения.

*Чтобы состояться,
работа критики
должна быть
публично
артикулируемой*

На пути этой работы над критикой понятий стоят, однако, не только горы дискурсивного хлама, питавшего все постсоветские десятилетия имперскую «хюбрис» российского интеллектуального и политического класса, которая, словно по классическому сюжету античной трагедии, пробуждает теперь силы возмездия. Работе критики препятствуют еще и запреты на публичное употребление понятий. В российском публичном пространстве запрещено называть вещи своими именами — войну войной, агрессию агрессией, преступление преступлением, а те, кто осмеливается называть, стигматизируются ярлыком «иностранный агент» или подвергаются прямым репрессиям. И эта невозможность свободного слова в России вовсе не внешняя языковая преграда, тренирующая, как в прежние времена царской и советской цензуры, умение использовать эзопов язык между теми, кто «все понимает». Она блокирует саму способность отчетливо мыслить эти публично не называемые феномены и способствует их вытеснению на периферию сознания. Интеллектуальная деятельность в России лишается самого главного своего основания — возможности свободного обмена мнениями в ходе коммуникации без принуждения и насилия — и заменяется аккламационной публичностью, способной лишь возносить хвалу тирану и творимой им агрессии.

Но чтобы состояться, работа критики должна быть публично артикулируемой. А если сейчас в России свободное высказывание невозможно, то нужно создавать новое дискурсивное пространство свободы солидарным усилием в любой точке мира, где публичная и опубликованная на русском языке интеллектуальная позиция могла бы состояться без оглядки на цензуру и самоцензуру.

Такое солидарное усилие проявили авторы настоящего сборника, откликнувшись на предложение сформулировать общее понимание происходящей катастрофы. Авторы находятся сейчас в России, Украине, странах Европы и Америки — в пространствах, разделенных границами,

которые становятся все более непроницаемыми. Но поверх этих границ нас объединяет сознание необходимости проделать тот критический анализ основных понятий, без которого невозможно точно выразить смысл происходящего, очертить контуры случившейся катастрофы и найти новые способы речи о нас самих, о нашем языке и мышлении, о нашей культуре и истории, а тем самым и заложить основы для нового пространства свободного публичного дискурса.

В истории российской общественной мысли опыт такого солидарного выражения критическими интеллектуалами своей публичной позиции

*Авторы настоящего сборника
объединились, чтобы
выразить философский
и исторический смысл
происходящей катастрофы*

в рамках бесцензурного сборника статей, откликающегося на крупные исторические перевороты и заявляющего некоторые важные аспекты понимания современности, далеко не нов. В революциях и катастрофах XX века возникла целая традиция таких интеллектуальных манифестов — идеалистов и марксистов,

либералов и социалистов, эмигрантов и диссидентов. «Проблемы идеализма» и «Свободная совесть», «Вехи» и «Интеллигенция в России», «Из глубины» и «Царство антихриста», «Из-под глыб», «Самосознание» и другие сборники сформировали парадигму философского высказывания, являющегося одновременно концептуальным анализом современности и публичным действием интеллектуалов, своим критическим словом заявляющих гражданскую позицию в ситуации нарастающей или уже всеподавляющей несвободы.

В этом сознании исторической преемственности авторы настоящего сборника — представители трех поколений российской гуманитарной культуры — объединились, чтобы выразить философский и исторический смысл происходящей катастрофы. При всех различиях в подходах и обсуждаемых темах авторы сходятся в формулировке общего понимания катастрофы, причину которой можно обозначить как ментальный изоляционизм, господствующий в сознании российского политического класса и поддерживающего его общества. «Изоляционизм» — не только как установка сознания, выражающаяся в социальном солипсизме и тотальной фиксации на себе, но и как общественный дискурс и социальная практика игнорирования и исключения Другого. Авторы развивают это общее понимание в трех измерениях — как этической, социальной и антропологической катастрофы. Связующим звеном трех разделов сборника, посвященных рассмотрению этих трех измерений, как раз и является анализ изоляционистского комплекса, представляющего собой смесь сознания превосходства, переживания фантомной обиды и демонстрации самобытности. Составные части этого комплекса сформировали и продолжают питать тот всепроникающий ресентимент, который стал определяющим мотивом российской военной агрессии.

Джузеппе Ликари (Giuseppe Licari). Инсталляция *Nitius*. 2015

Как его описали уже классические аналитики ресентимента — Ницше, Шелер и Сартр, этот феномен тоже включает в себе не только аффект обиды и целый спектр психических состояний ненависти и враждебности, но также и социальный габитус, т.е. набор ценностных и нормативных установок, техники власти и управления сознанием, матрицу политического поведения, а также особый тип насилия, практикуемый носителем ресентимента в отношении окружающих. Связь всех разнородных социальных практик и техник держится на господстве прошлого над настоящим, которое блокирует сознание реальности и конструирует собственный мир, сотканный из ностальгических мифов, фобий, вражды, жажды мести и чувства несправедливости. «Человек

ресентимента», как называет его Ницше, существует в другом времени и пространстве, разрушая всякую реальность, которая сопротивляется его фантомному образу прошлой обиды.

В этическом отношении изоляционизм измышляет собственную мораль — мораль ресентимента, для которой характерно полное отсутствие этической субъектности. Всякое сознание собственной вины и ответственности блокируется, а вместо него все зло экстерииоризируется в образе внешнего врага, который демонизируется и предстает в образе главного субъекта действия. «Злому» врагу противопоставляется в качестве антипода зеркальный образ «доброго» себя, лишенного всякой способности к этической саморефлексии. В этом образе «доброго себя» все этические категории натурализуются и национализируются: все эти «традиционные ценности», «наша правда», «исконное русское чувство справедливости» преподносятся как естественно или даже генетически данные свойства русского народа или «русской цивилизации», не требующие никакого индивидуального этического усилия, но при этом гарантирующие моральный иммунитет всего народа против зла, присущего лишь «врагу». На этом сознании коллективной невинности и доброты основано также и чувство собственного морального превосходства над другими, выражающееся в полном отказе подчиниться универсальным законам и правилам, но сопровождаемом непрерывными причитаниями по поводу господства «двойных стандартов». Изоляционизм оказывается, таким образом, лишь скрытой формой воли к власти и стремления к господству над другими.

В этом пункте этический смысл переживаемой катастрофы соединяется со смыслом социологическим. Изоляционизм, ставший причиной и формой легитимации российской военной агрессии, находит свое социальное и политическое воплощение в созданной под шум разговоров о «суверенитете» и «суверенной демократии» системе власти, которая недоступна никакому контролю и критике со стороны общества. Это замкнутая на себе власть, не регулируемая ни изнутри, ни извне никакими общезначимыми нормативными рамками, будь то парламентско-политическими, правовыми, моральными, экономическими или религиозными. Ни один из этих нормативных порядков в российском обществе не обладает реальной независимостью от системы власти и поэтому не оказывает на нее никакого ограничивающего влияния. Этой системе противостоит лишь масса атомизированных индивидов, все попытки которых сформировать базовые структуры гражданской солидарности пресекаются на корню. Консолидация населения вокруг власти достигается за счет перманентного медийного конструирования образа внешнего экзистенциального врага, борьба с которым оправдывает устранение всякой политической конкуренции и любых форм демократического плюрализма. При этом образы прошлых побед и былого величия, украденных и оскорбленных внешними врагами, становятся

Александр Бродский. Без названия. 2013

основным топливом для поддержания энергии изоляционистского ressentимента. С другой стороны, эта консолидация достигается за счет персонализации власти в лице национального лидера и «отца нации», которому адресуются все чаяния справедливости со стороны населения, подавляемого самой этой системой власти.

Эта по существу тираническая модель правления имеет свой pendant в политэкономическом поведении российского империализма. Не выдержав конкуренции глобального капитализма, он возвращается к захватническим практикам ранней колониальной эпохи, разграбляя и эксплуатируя захватываемые военным путем территории под фанфары адептов «геополитики». Воля к экспансии и захвату колоний при этом вовсе не противоречит, а, даже наоборот, фундирована в ментальном изоляционизме, одним из типичных проявлений которого является метафизика специфически «русского пространства», якобы не имеющего никаких фиксированных границ. Однако отсутствие предела и определенности является, согласно учениям классической метафизики и классического психоанализа, характеристиками ничто или смерти, которая не знает различий и границ.

Здесь нам открывается антропологическое измерение той катастрофы, в которую ввергает российский тиранический режим Украину, саму Россию и весь мир, затронутый близкими и дальними последствиями войны. Господство ментального изоляционизма приводит власть и общество к последовательному отказу от всех универсальных норм и гуманистических ценностей. Отстаивание «общечеловеческих ценностей»

становится в лучшем случае предметом публичных насмешек и издевательств, а в худшем — причиной уголовных преследований.

Изоляционистскими становятся сами философские категории, которые задействуются лишь для того, чтобы оправдать миф о цивилиза-

Мы как участники и свидетели истории не имеем права забыть о жертвах катастрофы, творимой на наших глазах в Украине

ционной исключительности России. При этом наличные культурные различия, всегда имеющие исторически изменчивый характер, возгоняются до метафизических высот в мифе о самобытной русской цивилизации, а по существу натурализируются в виде некоего вечно-го культурно-генетического кода русских. Дугинская «метафизика русской вещи» — лишь

конечный продукт интеллектуального распада, начавшегося десятилетия назад болезненными поисками «самобытной русской философии».

Этот демонстративный отказ от универсализма в философии охотно заимствует многие аргументы из западной культур-критики и теорий постколониализма, изображая идею прав человека и индивидуальной свободы инструментом колониальной экспансии Запада. Разговоры о неприменимости универсальных гуманистических принципов к оценке политической и социальной ситуации в России или Евразии в силу «культурной специфики» последней де-факто роднят их с дискурсами авторитарных диктатур на всех континентах, использующих тезисы культурного релятивизма и партикуляризма для иммунизации собственной позиции от аргументов внутренней и внешней политики.

Поэтому выход из катастрофы и преодоление ее последствий возможны только на пути осознания принципиальной несостоятельности интеллектуального изоляционизма, его последовательной критики и демонтажа. Нужно новое Просвещение для России, заново открывающее смысл и ценность универсализма в мысли, политике, публичной сфере и обществе, но такое Просвещение, которое несет в себе рефлексию по поводу своего прежнего поражения в интеллектуальной и культурной истории России.

Ветер прогресса уносит беньяминовского ангела истории в будущее, оставляя в прошлом жертвы исторических катастроф. Но мы как участники и свидетели истории не имеем права забыть о жертвах катастрофы, творимой на наших глазах в Украине. Наша собственная моральная субъектность будет отныне всегда определена сознанием этих жертв и обязанностью помнить о них. Без этого сознания и без этой обязанности не может быть никакого будущего.

Бохум, 1 декабря 2022 г.

Советский национализм уничтожил страну, но он же странным образом не дал разгореться всеобщей гражданской войне на ее территории.

Отложенная гражданская*

*Кирилл Кобрин,
историк, писатель*

Входящем 2022 году Советский Союз умер второй раз. Вторжение России в Украину, полувойна между Таджикистаном и Киргизией, новый этап карабахского конфликта, экзистенциальный для самих участников, плюс еще относительно негорячие войны российского и белорусского режимов против собственного населения.

Все это (и кое-что не названное здесь) за несколько месяцев закрыло эпоху, которая, казалось, установилась на территории бывшего СССР надолго, чуть ли не навсегда, — постсоветскую эпоху с соответствующим типом общественного сознания, политического и культурного мышления, социальными практиками и привычками.

Постсоветское, эта посмертная инкарнация СССР, которая жила на сознательном/подсознательном убеждении значительной части населения бывшего СССР, что «мы» (хоть и символически, но все же) живем именно в Советском Союзе, пусть и бывшем, кончается на наших глазах.

В начале войны в Украине и агрессор, и жертва агрессии во многом разделяли набор символических отсылок к советской истории, прежде всего к истории Великой Отечественной войны. И те и другие использовали маркер «новый Сталинград» для обозначения стойкости своей обороны или поминали Курскую дугу, когда речь шла о боях, в которых с обеих сторон были задействованы танки в больших количествах. Летом 2022 года это (явно постсоветское по своей природе) символическое поле стало рассыпаться, пока к зиме не исчезло вовсе. Разве что стороны по-прежнему используют для обозначения друг друга производные от слов «нацисты» и «фашисты».

* www.opendemocracy.net/ru/otlozhennaya-grazhdanskaya/ (30 декабря 2022 г.)

Российская и украинская военные риторики окончательно разошлись. Если говорить о первой из них, то это свидетельствует о полном крахе попыток РФ объединить в одном пропагандистском пространстве население России и хотя бы часть населения Украины.

Российская пропаганда махнула рукой теперь уже на все население Украины и не пытается убедить его, что оно — это часть «мы» с общим советским прошлым, героями этого прошлого. Враг теперь не «украинские националисты», не «бандеровцы», а все украинцы. Оттого российская пропаганда работает сейчас только для своих.

Но и здесь символическое советское поле постепенно сужается — героев и героические топонимы Великой Отечественной постепенно вытесняют исторические зомби из предыдущих эпох. Владимир Красное Солнышко, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр Великий и тому подобные заселяют российскую военную пропаганду, которая все больше напоминает переписанный Владимиром Сорокиным учебник русской истории Дмитрия Иловайского для дореволюционных гимназий.

Не взрыв, но всхлип

«Вот как кончится мир. Не взрыв, но всхлип» — эта концовка из «Полых людей» Томаса Элиота крутилась в голове не только у меня в 1991-м. Сначала неуклюжие попытки преобразовать СССР в Союз Суверенных Государств, референдум о сохранении Союза, потом ремикс Союзного договора, раздавленный августовскими танками путчистов, наконец, мгновенный беловежский мат больной стране. Все это произошло бы-

*Советский
интернационализм
куда-то исчез без следа*

стро и почти бескровно — почти, конечно, если сравнивать с тем, сколько крови могло пролиться, по всеобщему убеждению, если бы дело дошло до войны всех со всеми.

Собственно, к 1991 году кровопролитие длилось уже несколько лет, и немалое, но происходило все это не в центре СССР — и если не на географических окраинах, то уж точно на окраинах мейнстримной перестроечной дискуссии о судьбах созданного большевиками государства.

Ошибка союзной власти было то, что, начав перестройку, она напирала на вопросы политической структуры и экономической трансформации. Горбачев и его соратники не заметили очевидного — кризис СССР разразился не столько в результате экономического или социального упадка, вялотекущего, но ускоренного нелепым курсом ЦК на «ускорение», принятым в апреле 1985 года. Нет, катастрофа советского режима была обусловлена национальными конфликтами внутри страны, в ходе которых — неслыханное для послевоенного СССР дело! — лилась кровь. Нагорный Карабах. Резня в Оше. Погромы в Туве. И далее по списку.

Таус Махачева. Пространство торжества. 2009

С самого начала удивительным был не только факт, что на территории СССР идет гражданская война, чего большая часть этой страны не знала уже лет 60, но и то, что конфликты эти были обусловлены чистейшим этническим национализмом, без всякого отношения к коммунистической идеологии, которая вроде бы и определяла единство СССР в его противостоянии Западу.

Проснулся сантимент, характерный для баснословных времен петлюровцев и дашнаков, причем проснулся в том виде, в котором победа красных в Гражданской войне и создание СССР его вроде навсегда погребли.

В конце 1980-х возникло ощущение, что в 1922 году этнический национализм не «погребли», а «заморозили». Этому способствовал и потешный вид воскресшего русского национализма — кресты, бороды, хоругви, заклинания про жидомасонский заговор. Союзная власть все это недооценила, не поняв главного — национализм, который действительно представлял смертельную угрозу для СССР (и в конце концов его прикончил), был не явлением, проснувшимся вопреки советскому, а как раз порождением советского периода. Это был советский национализм, а его этнические крайности только сбивали с толку. В итоге именно советский национализм уничтожил страну, но он же странным образом не дал разгореться всеобщей гражданской войне на ее территории.

От союза временного к нерушимому

В декабре 1922 года советское руководство создавало неслыханное доселе коммунистическое государство, используя уже хорошо известный инструмент федерализма. Не буду здесь углубляться в историю дискуссий о федерализме и автономизации начала 1920-х — о них написано очень много, как и об истории ленинского лозунга о праве наций на самоопределение. Но одно следует непременно подчеркнуть: стремительное изменение позиции Ленина по вопросу о федерализации, которой он противостоял вплоть до 1921 года, а также его настойчивость в проталкивании именно федеративного устройства будущего советского государства говорят о том, что он и некоторые его соратники видели именно в национальном вопросе главный рычаг социалистического строительства — и основную помеху ему — при определенном стечении обстоятельств.

Не веди большевики удивительно ловкую национальную политику в годы Гражданской войны — в противовес нелепому курсу белых вождей, — они бы не победили (тут можно вспомнить о роли эстонцев и других народов Балтии в неудачах армии Юденича, а также историю отношений Деникина с украинским национальным движением). Максимальный учет интересов различных народов — кроме, конечно, бывшего титульного народа Российской империи — виделся большевикам как абсолютно необходимый для устойчивого существования государства Советов. По крайней мере, до того времени, когда произойдет мировая революция и нужда в такого рода государстве исчезнет.

СССР создавался как вынужденный, временный и открытый для желающих добровольно присоединиться. Через пятнадцать лет, во второй половине 1930-х, после чисток «национальных кадров» и национальной интеллигенции, он уже мыслился как вечный «Союз нерушимый», гранитная скала коммунизма среди мутных вод капиталистической реакции. Не открытый для добровольцев, а насильственно открываемый для тех народов и территорий, которые удалось силой или вероломством урвать.

Закрытость СССР, его внутренняя стабильность при всех перипетиях национальной политики центра, всеобщий для всех республик характер изменений в рамках так называемого «ленинского плана строительства социализма в отдельно взятой стране» — все это привело к формированию национальных советских элит союзных республик (особенно после Сталина, когда кончились масштабные чистки). А они со временем подладили соответствующие государственные и партийные структуры под себя. Да и процесс нацистроительства во многих союзных республиках хоть и начался до 1917 года, но получил совсем новый импульс, рамки и возможности, став процессом советского нацистроительства.

К семидесятилетию Октябрьской революции СССР представлял собой комбинацию республик, которые контролировались сильными,

осознавшими свои интересы умеренно-националистическими элитами. Союзный центр при этом слабел, теряя почву под ногами: вместо безоговорочного подчинения себе периферии он все больше и больше полагался на консенсус между союзными республиками — и между ними и собой.

Прагматический консенсус был важен, идеологический — важен тоже, но все меньше и меньше по мере упадка коммунистической идеологии советского извода. Скорость и относительная легкость распада СССР объясняется тем, что союзный центр исчерпал набор практических выгод, которые он мог предложить советским нацэлитам. И последние отклонялись почти по-английски, не прощаясь, прихватив с собой свои республики вместе с их госаппаратом, силовыми структурами и всем прочим.

Легкость распада СССР объясняется тем, что союзный центр исчерпал набор практических выгод, которые он мог предложить советским нацэлитам

Война, которой не случилось

Советский Союз исчез быстро, подобно Российской империи в 1917-м. Он оказался никому не нужен именно практически, а не в качестве символической ценности. Поэтому тогда никакой всеобщей гражданской войны в связи с его распадом не произошло — воевать между собой нацреспублики не особенно хотели (за некоторым, но важным исключением). А с союзным центром воевать и вовсе было излишним. События августовского путча это продемонстрировали. Спецслужбы, бюрократия, армия — в Москве все это благополучно переметнулось от СССР к РСФСР.

Но это не значит, что гражданская война не присутствовала в политической повестке. Она там была, но в качестве неприемлемой потенциальности. Более того, в общественном сознании гражданская война занимала важное место как постоянный горизонт ожидания самого страшного, даже, может быть, неизбежного. Любопытно, что начиная с середины восьмидесятых тема войны начинает проникать в тексты песен андеграундных рок-групп: «Аквариум» пел о «теме для новой войны», «ДДТ» — о «предчувствии гражданской войны», «Кино» — о том, что «между землей и небом — война»; подобных примеров немало.

С одной стороны, это можно объяснить продолжающейся афганской войной, плюс Карабах. Но было в этом и совсем другое, почти всеобщее ожидание какого-то глобального потрясения, страшного братоубийственного кровопролития — ведь если Советы начались с такого, то и кончиться они должны как минимум чем-то подобным. Наличие в стране ядерного оружия оптимизма не добавляло.

На социально-экономическом уровне гражданская война казалась неизбежной вследствие тотальной хозяйственной деградации, резкого падения уровня жизни и распада функций социального государства, то есть того единственного, что делало советский строй привлекательным и привычно удобным.

Что касается политического поля, то в перестройку оно представлялось столь неинтеллектуальным, неотрефлексированным, хаотичным, что здесь могло произойти что угодно. И происходило, но пока нечисто: те же самые всплески крайних проявлений этнического национа-

Срабатывала подушка безопасности – убежденность постсоветского человека, что люди, которые в разных уголках бывшего СССР смотрят по телевизору российские сериалы, убивать друг друга все же не будут

лизма — погромы, убийства, депортации. В общем, казалось, что война всех против всех на территории распадающегося СССР неизбежна. Но она не произошла, вылившись в ряд трагических, но все же локальных конфликтов вроде Чечни, Приднестровья, Грузии. Почему?

Один из очевидных ответов заключается в том, что советские национальные элиты, консолидировавшись, перехватили полную власть в своих республиках и

не имели никакого желания рисковать ей ради достижения неких дополнительных, избыточных с прагматической точки зрения целей.

Несмотря на свое порой несколько экзотическое поведение, большинство национальных лидеров советских республик действительно были прагматиками. После 1991 года их, в общем-то, все устраивало. Там же, где новые государства возглавили люди иного типа — скажем так, романтического, — случилась именно гражданская война (например, в Грузии при Звиаде Гамсахурдиа). Показательно, что в ее результате к власти в стране пришел советский сверхпрагматик Шеварднадзе, с войнами покончивший.

Не стоит также забывать и историко-психологическое обстоятельство: от 1945 до 1985-го прошло только сорок лет. У власти было поколение людей, не понаслышке знавшее войну. Инстинктивно многие из них делали все, чтобы «войны» — в том виде, в котором они ее знали, «как в 41-м», — на территории их страны не было. Афганистан — где-то там далеко, а вот Минск, Рязань или Полтава — совсем другое.

Вместо гражданской войны возникло постсоветское пространство, оформленное политически (СНГ и др.), символически и культурно. Постсоветское пространство так или иначе было пространством русского языка как универсального средства общения и, соответственно, российской массовой культуры и медиа, в какой-то степени заменивших объединяющую функцию советской идеологии. Ну и, конечно, общая память о советском прошлом, совсем тогда недавнем, из которой период примерно с 1982 по 1991 год был беспощадно вычеркнут.

Постсоветское пространство продержалось довольно долго, поскольку прежде всего было выгодно почти всем его обитателям. Экономическая миграция, рынок энергоносителей, коррупционные возможности — все это имело отношение не только к нацэлитам.

Помимо этого пряника, присутствовал, конечно, и кнут. Одним из главных направлений российской внешней политики с начала 1990-х было провоцирование и/или поддержание в замороженном виде всякого рода этнических конфликтов. Естественно, роль арбитра и полицейского принадлежала РФ.

Шаткая межгосударственная стабильность постсоветского пространства держалась как раз на поддержании нестабильности в отдельных его точках. Конструкция неустойчивая, несколько раз она чуть не рухнула, но каждый раз срабатывала своего рода подушка безопасности — убежденность постсоветского человека, что люди, которые в разных уголках бывшего СССР смотрят по телевизору российские сериалы про ментов, перераскрашенную «Иронию судьбы» и Баскова с Биланом в «Голубом огоньке», убивать друг друга все же не будут. Как минимум убивать в больших количествах.

Как выяснилось, еще как будут! Рано или поздно постсоветское должно было кончиться — и вот оно кончилось на наших глазах, причем как раз поздно, а не рано. Может быть, даже слишком поздно. Дело даже не в том, что в жизнь вступили совсем новые поколения, хотя и это очень существенно. Страх «войны» отступил, даже исчез отчасти: память о Великой Отечественной из непосредственной, живой, большой стала помпезной декорацией (за исключением регионов, где постсоветская война уже была или даже тлела к тому времени). Сама же «война» дана последним поколениям скорее в опыте компьютерных игр. Смерть там ненастоящее, хотя и важное событие. Соцсети легитимировали язык ненависти: то, что в лицо другому человеку не скажешь, с наслаждением выдашь в комментарии, особенно анонимно.

Роковой 2022-й

Главное же то, что за тридцать лет постсоветские государства прошли серьезную трансформацию. Во многом их природа изменилась, трансформировались национальные элиты, правящий класс. Соответственно, возникли и укрепилась совершенно иные интересы, как внутри-, так и внешнеполитические. Россия пыталась воздействовать на эти изменения, заморозить их, как она заморозила конфликты в Приднестровье или Карабахе, но вышло ровно наоборот.

Взяв на себя роль оплота стабильности и борца с цветными революциями, РФ в конце концов устроила у себя цветную — коричневую — революцию сверху и своими же руками уничтожила постсоветское пространство, которое, впрочем, уже испытывало тяжкую «усталость материала».

Петр Павленский. Перформанс «Угроза». 2015

Началось это, конечно, еще в 2014-м (с репетицией в 2008-м), но роковым стал 2022-й. Этот год слизнул все постсоветское — геополитическое, символическое, культурное — пространство. И вот тут разморозилось все замороженное в последние тридцать лет, что было присыпано химической ледяной крошкой советской ностальгии.

Самые неприятные открытия, конечно же, имеют отношение к России. Выяснилось, что в этом сверхцентрализованном, сверхбюрократическом государстве с его знаменитой «вертикалью» «государство» как таковое не присутствует. Вместо аппарата принуждения в РФ зияет пустота, в которой распоряжаются совершенно случайные люди, бывшие ээки и бородатые разбойники.

Также выяснилось, что соседи на самом деле постсоветскую Россию презирают, боятся и ненавидят — и даже не конфузятся претворять в действия эти вроде недемократичные и нелиберальные чувства.

Наконец, сейчас, в конце 2022 года, стало понятно следующее: то, что началось как гражданская война на постсоветском пространстве, превратилось в «просто войну» между могущественной международной коалицией и загнанной в угол бывшей империей, которая попыталась восстановить империю, но в качестве «национального государства». Российское нацистроительство провалилось, сменившись обреченным наци-строительством.

Узкий коридор информации и безопасности*

Андрей Солдатов и Ирина Бороган, журналисты-расследователи

Ирина Бороган, журналист-расследователь: Мы с Андреем все время старались писать книги так, чтобы в конце была хотя бы какая-то нотка оптимизма. Это условие американского рынка — нет никакого смысла в публицистической книге нон-фикшн, в которой «все плохо, диагноз — смерть». Должен быть выход, и должно быть будущее.

Но когда мы оказались в Европе, каждый день получаешь какие-то удары извне. И не понимаешь, откуда они приходят и что будет происходить дальше. Жить вот так без будущего — невозможно. Невозможно просыпаться каждый день и знать, что у тебя есть только «сегодня», причем довольно мрачноватое.

Вот в таком состоянии мы прибыли и в Вену, и как-то неожиданно вчера стало проясняться будущее. Оно появилось, может быть, из аналитического рассечения действительности, а не только из ее эмоционального переживания, которое в последнее время превалировало. Появилось какое-то будущее для России и для нас. И я подумала, что, видимо, нужно опять все начать с нуля. И просто, как когда ты была подростком, смотреть вперед, не думая, что все ошибки, которые сделали люди до тебя и вместе с тобой, неисправимы. Они исправимы. Просто нужно пойти вперед.

Андрей Солдатов, журналист-расследователь: Может быть, это одна из немногих площадок, где встречаются люди и начинают говорить о том, что у России *может быть* какое-то будущее. Хотя каждый день ты борешься с этой мыслью: может ли вообще страна существовать в таком виде? Государство точно не

* Выступления на семинаре Школы в Вене 4 апреля 2022 г.

может. Можем ли мы себя переизобрести? И на какой основе? Мы хотя бы начали об этом думать — что, в общем, наверное, оптимистично.

Мы больше 20 лет занимаемся российскими спецслужбами как журналисты-расследователи. Сначала — в Москве, потом — вне Москвы. Мы начали этим заниматься еще в 1999 году, когда Владимир Путин был премьер-министром, и шла Вторая чеченская кампания. И все это время — через наши книги и расследования на нашем сайте agentura.ru —

*Это одна из немногих
площадок, где встречаются
люди и начинают
говорить о том,
что у России может быть
какое-то будущее*

мы пытались отслеживать, как меняется роль российских спецслужб в тех или иных обстоятельствах. Потому что это очень важно, когда спецслужбы играют пропорционально большую роль в том, как живет российское общество. А теперь это ужасным образом оказывает влияние и на другие страны.

То, что нас интересовало, когда было очевидно, что начинается подготовка к какой-то ужасной трагедии на территории Украины, — это роль спецслужб. Чем мы и занялись осенью 2021-го и продолжали заниматься зимой-весной 2022 года.

Нас интересовало несколько вопросов: какова была роль спецслужб в подготовке этого вторжения и в том, почему Владимир Путин принял это решение? Как он его принимал? Нас интересовал ответ на вопрос: почему сейчас так много людей, причем с хорошим доступом к разведывательной информации в Европе и США, говорят, что Путин был плохо информирован? Как объяснить этот парадокс?

Как же так? Вот у нас есть в России президент из спецслужб, который гордится тем, что он разведчик. И вроде бы он должен разбираться в разведывательных делах. Более того, мы знаем, что он очень гордится тем фактом, что считает себя «самым информированным лидером на планете Земля, а может быть, и на других планетах». На каждом публичном мероприятии он сыплет цифрами, статистикой, демонстрируя знание предмета. Мы также знаем, что в течение 20 с лишним лет он постоянно наращивал ресурсы своих разведывательных служб, не отказывая им ни в чем, по большому счету ни в ресурсах, ни в деньгах, ни в положении, ни в полном иммунитете от каких-либо неудобных вопросов об их настоящем или прошлом. При этом как же такой лидер, который так много вложил в свои спецслужбы, оказался плохо информирован? Это довольно парадоксальная ситуация.

И сегодня мы будем говорить об этом. Так ли это? И что из этого следует?

И. Бороган: Для начала рассмотрим, как президент получает информацию от спецслужб, как устроена эта процедура. Мой рассказ составлен на основании информации от людей — участников этого процесса. Она с Лубянки и из ФСБ. Официально такой информации нет (у нас не США).

Процедура такая, она повторяется каждый день. Руководитель одного из управлений в центральном аппарате ФСБ (то есть это те люди, которые сидят в главном здании на Лубянке) назначает дежурного офицера по объединенной сводке. И моя любимая деталь в том, что этот человек должен в пять утра явиться на Лубянку и должен быть одет не в мундир, а в парадный костюм и белую рубашку, — это обязательно. И когда он с этими своими поручениями ходит по коридорам, то его можно идентифицировать по этому парадному наряду: кто идет в парадном костюме — тот дежурный офицер по объединенной сводке.

Из чего эта объединенная сводка состоит? Там за ночь сводится вся информация по стране, которую ФСБ считает важной. Там может быть все что угодно. «В каком-то регионе наметились беспокойства». Или: «В Тамбовской области поднялась цена на гречку и люди недовольны». Или: «Понизились цены на сахар, и люди этому очень рады». Это может быть любая, не обязательно очень важная информация. Эта сводка составляется всеми управлениями и службами в бумажном виде, потому что президент большую часть документов читает на бумаге.

И когда сводка завершена, человек в парадном костюме берет эту папку и начинает обходить руководителей всех служб, которые располагаются в главном здании и некоторых соседних, чтобы получить их визы на этой сводке. Вот эта часть составлена, скажем, Департаментом по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом — там генерал ставит свою подпись. Следующая часть составлена другой службой — соответствующий генерал ставит свою подпись. И эти подписи ставятся *карандашом* — это тоже деталь, которая нас очень удивила, когда мы о ней узнали. Для чего? А чтобы подтереть, если что-то не так. Это не отражает каких-то объективных причин, это отражает психологию. Потому что все равно будет ясно, что что-то подтирали, вносили какие-то изменения.

После того как вся информация и подписи в папочке собраны, материалы отправляются уже фельдъегерской службой к президенту. Какого качества может быть эта информация — я скажу немного позднее.

Есть второй вид документов, которые президент получает от спецслужб, конкретно — от ФСБ: это рапорты. Это более пространный документ. Он тоже составляется всеми службами на основе того, что они считают важным. И там уже могут быть более конкретные сообщения о конкретных каких-нибудь террористических операциях или еще о каких-то других операциях, которые они проводили. И все в таком духе. Этот рапорт проходит немножко другую процедуру. Он проходит через Управление делами ФСБ и потом, после того как они завизируют «совершенно секретно», «только лично президенту РФ Владимиру Путину», уходит наверх к президенту.

Эта традиция составлять такие отчеты спецслужбами началась очень давно. Основы этой традиции заложила еще Чрезвычайная комиссия.

Потому что в ВЧК уже в 1918 году был образован информационный отдел. Интересно, что тогда они считали *информацией* — и эта традиция сохраняется до сих пор — все сведения о контрреволюционной деятельности, то есть *о врагах*. Если планируется какой-то мятеж или ВЧК кажется, что планируется какой-то мятеж в какой-то губернии, или кулаки собрались и задумали неладное, или эсеры готовят диверсию или

Информация о том, что кто-то замыслил недоброе и планируется какая-то крамола, занимает несопоставимо большой процент в информации, которую собирает ФСБ

говорят не о том, — вот вся эта информация должна быть доложена наверх в Кремль.

К сожалению, примерно так же дела обстоят и сейчас. Потому что информация о том, что кто-то замыслил недоброе и планируется какая-то крамола, занимает несопоставимо большой процент в информации, которую собирает ФСБ, по сравнению со всеми другими видами информации.

Как мы можем судить сейчас о качестве информации? Естественно, они эти сводки не показывают. В отличие от Америки, где информация могла бы попадать через институт рассекречивания таких документов, у нас такого источника получения информации нет. Нет такой процедуры. Но зато у нас есть утечки. И кое-что мы можем узнавать вследствие того, что документы утекают из ФСБ и появляются в публичном поле. Это происходит редко.

Но один такой документ читали. Это был рапорт о том, что ФСБ следила за журналистами американской телекомпании CBS, которые много лет назад хотели снять сюжет к годовщине захвата заложников на спектакле «Норд-Ост». Это случилось в 2002 году, когда, как многие помнят, террористы захватили 1000 человек на спектакле, и все, что было дальше. Прошло несколько лет, и телекомпания CBS решила снять об этом сюжет. А ФСБ об этом узнала и написала рапорт (рапорт можно найти на нашем сайте agentura.ru). Из этого рапорта следует, что они вели наблюдение за журналистами телекомпании, ездили за ними по всей Москве, перехватывали их телефонные разговоры и переписку и на этом основании решили, что репортаж будет порочить Российскую Федерацию, спецслужбы и все остальное. И поэтому появление этого репортажа нужно пресечь. Вот такой рапорт был направлен президенту.

Вот это *то*, что президент получает. Вот это то, чем должна быть занята его голова: какая-то телекомпания, которую мало кто из россиян знает, хочет что-то снять про «Норд-Ост». Наверное, никто, кроме журналистов, и не смотрит сюжеты CBS в Москве. И вот такая информация должна быть донесена до самого президента, и главное, там должно быть написано, что «они планируют зловредную акцию, порочащую Российскую Федерацию!» И президент должен занимать свою голову такого рода информацией и на основании этого всего делать выводы о том, что происходит в мире и стране!

Мирица Кантор (Mircea Cantor). Необходимость неопределенности. 2009

А. Солдатов: А теперь давайте поговорим о ситуации, касающейся непосредственно разведывательной информации, которая докладывалась по Украине.

Здесь мы находимся в довольно уникальной ситуации. В течение 20 лет мы занимались спецслужбами — разными подразделениями ФСБ, с большей или меньшей степенью успешности, потому что это большая структура, там много подразделений. Но так совпало, повезло, что мы с 2002 года изучаем деятельность подразделения ФСБ, которое занималось Украиной. Поэтому мы можем говорить довольно уверенно о том, как устроена эта система.

В 2002 году мы работали в одной из газет в Москве, когда мне пришло анонимное письмо. Это был не имейл, а письмо в конверте. И на листочке бумаги печатными буквами был написан короткий текст в три абзаца. Что-то вроде: «Уважаемый Андрей, а знаете ли Вы, что внутри ФСБ есть органы внешней разведки? Вот Вы думаете, что это внутренняя служба, а это совсем не так...» И дальше следовали определенные детали.

Из этого письма и из последующих разговоров с сотрудниками ФСБ, которые это вынуждены были подтвердить, выяснилось следующее: мы все себе представляли, что в России есть две службы внешней разведки — военная разведка ГРУ и Служба внешней разведки (СВР), наследница Первого главного управления КГБ СССР. А ФСБ вроде как занимается внутренними делами — борьбой с политической оппозицией, борьбой со шпионажем, борьбой с терроризмом и подобными вещами.

Однако еще во времена КГБ (поскольку это была действительно тоталитарная спецслужба) существовала такая практика, что нельзя было упустить ни одной возможности завербовать иностранца. Поэтому были созданы отдельные подразделения, которые должны были вербовать иностранцев за рубежом.

Но что же делать с теми иностранцами, которые приезжают на территорию Советского Союза? И что же делать с тем иностранцем, который, например, приехал не в Москву, а путешествует по Сибири? Нельзя же упускать возможность где-нибудь в Комсомольске-на-Амуре его

Этот департамент начал заниматься шпионажем на территории всего СНГ и всего бывшего Советского Союза, включая страны Балтии

завербовать. Поэтому во всех региональных управлениях КГБ был создан так называемый «первый отдел», который должен был в буквальном смысле сидеть и ждать, когда иностранец завернет в их глушь, и в этот момент обязательно организовать какую-нибудь «операцию»: подставить ему девушку, подпоить его в баре — в общем, попробовать

его завербовать. Понятно, что в Советском Союзе путешествующих американцев было немного. Но это не смущало сотрудников КГБ. Поэтому эти «первые отделы» существовали абсолютно везде. Кстати, в свое время Путин работал в «первом отделе» в Ленинграде.

Потом распадается Советский Союз. КГБ разделяют на части. Внешняя разведка уходит в СВР. Все внутренние операции остаются внутри ФСБ. А вот эти «первые отделы» продолжают как-то существовать. Сократить их вроде жалко, и они так и остались внутри региональных управлений ФСБ.

И Владимиру Путину в 1998 году, когда он только стал директором ФСБ, пришла в голову «светлая мысль», что эти подразделения все равно должны заниматься вербовкой этих самых иностранцев — задача очень важная, ее нельзя отменить. Но для этого необходима некая структура внутри центрального аппарата, которая их будет координировать. И было создано очень маленькое подразделение с бюрократическим названием «Управление координации оперативной информации (УКОИ)».

А дальше началась история Кафки. Как только у вас появилось подразделение внутри центрального аппарата, нужно обязательно найти ему какую-нибудь работу. И координации вот этих «первых отделов» недостаточно. Светлые головы внутри ФСБ подумали и сказали: «А мы можем не только координировать что-то внутри страны, мы можем заниматься разведывательной деятельностью за рубежом. Причем мы знаем где».

Дело в том, что еще при распаде Советского Союза была создана некая странная вещь под названием СНГ — Содружество Независимых Государств. Михаил Горбачев и другие люди тогда были крайне

идеалистически настроены и считали, что если и не получится сохранить единые спецслужбы для всего этого пространства, то по крайней мере можно будет договориться, чтобы спецслужбы новых независимых государств друг другу не портили жизнь. И поэтому в 1992 году Служба внешней разведки и ГРУ подписали соглашение со своими соседними странами, включая Украину, о том, что они не будут заниматься разведывательной деятельностью друг против друга.

Но Владимир Путин — умный человек. Поэтому в 1998 году он сказал: «Хм, но мы-то, ФСБ, это соглашение не подписывали. Значит, мы ничем не ограничены. Так давайте вы нам в качестве задачи устанете, что нашей зоной ответственности будет шпионаж на территории бывшего Советского Союза». Так и получилось. Владимир Путин стал президентом. Спустя два года заново изменили закон о ФСБ и создали уже на месте маленького подразделения УКОИ большой департамент. И этот департамент начал заниматься шпионажем на территории всего СНГ и всего бывшего Советского Союза, включая страны Балтии.

А как только у вас появляется бюрократическая структура, то появляются и задачи. А дальше начали происходить цветные революции. И Владимир Путин очень сильно испугался. А под рукой у него был этот департамент. И ему была придумана еще одна задача: «Давайте вы станете не “жандармами Европы”, а “жандармами бывшего Советского Союза”!»

И с тех пор, поскольку мы этой темой занимались, наши коллеги-журналисты и другие люди начали присылать нам информацию о том, что сотрудников этого департамента (Департамента оперативной информации, ДООИ) стали ловить за руку в очень странных местах.

И в Абхазии они участвовали в выборах. Правда, они поддержали кандидата, который проиграл, то есть были не очень компетентные люди.

И в Молдавии их поймали. Причем глупо — они врезались там на машине в машину какого-то чиновника и решили не оплачивать ремонт, говоря, что «мы сотрудники ФСБ». Понятно, что люди в Кишиневе страшно удивились: почему на этом основании не надо платить за ДТП?

Их поймали и на территории Украины. И на территории Прибалтики их ловили. Их ловили постоянно. Причем они действовали под собственными именами, не сильно скрываясь.

Я все время вел досье на них, и фамилия руководителя этого подразделения была мне хорошо знакома. Потому что в какой-то момент (а мы тогда работали в «Новой газете») к нам стали приходить сотрудники из этого самого ДООИ и рассказывать, как там у них устроена жизнь внутри. И фамилия Сергея Орестовича Беседы (начальника сначала департамента, а потом он пошел на повышение и стал начальником службы) была мне хорошо известна. В 2010 году мы выпускаем нашу книгу «Новое дворянство», где звучит его фамилия. В 2011 году книга выходит на

русском языке. Проходит три года. Начинается революция на Майдане. И вдруг я вижу, что украинский МИД отправляет ноту (уже после событий на Майдане) в российский МИД с требованием допросить генерала Беседу. И я понимаю, что это тот самый Беседа, о котором я все это время писал. И получается, что этот человек, не скрываясь, находился во

*Даже наличие трех
служб разведки не спасло
Владимира Путина
от ошибок. Мы
наблюдаем результат
всего этого*

время революции на Майдане при Януковиче и активно советовал ему, что нужно делать, чтобы подавить революцию. Причем делал он это очень глупо. Он везде засветился. Он прилетел под своим именем в сопровождении большого количества офицеров. Скрыть этот факт было невозможно даже для российской пропаганды. Поэтому ФСБ была вынужде-

на выпустить некое заявление, что генерал Беседа действительно был в Киеве, но занимался проверкой безопасности здания российского посольства.

То есть представляете себе: генерал-полковник ФСБ с разведывательной подготовкой во время тех событий в Киеве проверял, как работают лампочки, пожарная сигнализация и хорошо ли натянута колючая проволока. И этим он занимался очень долго, а потом как-то исчез.

В общем, я понимаю, почему украинскую сторону это объяснение не удовлетворило. Мне кажется, оно никого не удовлетворило. Самое интересное, что генерала после этого не сняли с должности. Он продолжал развивать свою карьеру. И все у него было хорошо до того момента, пока не началась уже вот эта подготовка к нынешней войне. И здесь люди, уже изнутри этой службы, стали говорить, что происходит что-то непонятное.

С одной стороны, этому подразделению была дана задача заниматься тем, чтобы вкладывать деньги в оппозицию правящему режиму в Киеве, — и на это переводятся огромные деньги. Причем назывались страшные суммы. И не только страшные суммы, но и странные, удивительные, я бы сказал, обстоятельства. Кто-то говорил о перевозке какого-то золота, то есть это звучало как какое-то кино, но очень плохое. В конце концов один из моих источников рассказал мне удивительную вещь: «Ты знаешь, похоже, что они неправильно понимают задачу по Украине, потому что они вкладывают деньги в ультраправые украинские движения, потому что *думают*, что могут создать некое объединение с польскими ультраправыми движениями, что будет угрожать Российской Федерации и российской безопасности». Офицер, с которым я разговаривал, очень сильно сам этому удивлялся, потому что он хоть что-то, но читал об истории Украины. Он говорил мне: «Я вроде помню, что украинские ультраправые не очень любят польских ультраправых. У них довольно тяжелая история. Почему наш генерал хочет, чтобы мы занимались вкладыванием ресурсов в вербовку вот этих организаций внутри, мы не понимаем. Но это приказ».

И с такими вот искажениями и такими странными представлениями о жизни и шла подготовка к этому вторжению, насколько мы знаем. И мы видим, к чему это привело. То есть действительно Владимир Путин получал сводки из этой 5-й службы ФСБ (официальное название — «Служба оперативной информации и международных связей»). Генерал Беседа писал все эти рапорты и все эти сводки. И они были, конечно, не совсем адекватны реальности. Но я не уверен, что в данном случае вина здесь лежит только на ФСБ. Мы все знаем, что у Владимира Путина были свои представления о ситуации в Украине. Он всегда считал себя «главным специалистом по украинскому вопросу», «главным историком по Украине». И я думаю, что в ситуации, когда у твоего заказчика твоей разведывательной информации уже есть очень четкие представления о предмете, то довольно тяжело ему сказать что-то, что ему может не понравиться.

Но мы знаем, что в конце концов это не спасло эту самую службу. И через две недели после начала операции я проснулся оттого, что мне позвонил один из сотрудников, который сказал, что нашего генерала только что посадили под домашний арест вместе с его ближайшим соратником, который тоже засветился во всей этой теме. То есть мы видим, что где-то через две недели после начала конфликта Владимир Путин начал как-то понимать: то, что ему говорили в его спецслужбах, не совсем верно.

Я хотел подчеркнуть вот что. Конечно, темой Украины сейчас занимается не только ФСБ, но и Служба внешней разведки, и у них своя специфика, которая заключается в том, что они должны выявлять враждебные устремления западной агентуры на территории Украины. Вот они этим и занимаются. Есть, конечно, и военная разведка. Но в целом нужно понимать, что мы оказались в ситуации, когда очень агрессивный Советский Союз во время холодной войны имел две разведывательные службы, а постсоветская Россия, которая вроде бы жила в условиях окончания холодной войны, имела три службы разведки. И даже наличие трех служб разведки не спасло Владимира Путина от ошибок в принятии решения, от того, что он просто не очень понимал, во что влезает. И мы наблюдаем результат всего этого.

Здесь я говорил о подготовке к войне с точки зрения предоставления разведывательной информации. Но российские спецслужбы — это не только про разведку. Особенно ФСБ. Это еще и про репрессии. И ФСБ активно готовилась к этой операции, в том числе через закручивание гаек в отношении не только российского общества, но и российских элит. Причем по самым ключевым направлениям, в частности, в финансовом секторе. Потому что все прекрасно понимали еще до начала войны, что важнейшим элементом (если вообще Россия попадет в эту ситуацию и будет как-то бороться с режимом санкций) будет Центральный банк. Потому что с самого начала все говорили, что

в результате наиболее вероятных санкций будет отключение от системы SWIFT. Кроме того, мы знаем, что большое символическое значение для россиян имеет курс доллара. И за эти две важные истории отвечает Центральный банк. «Укращением» Центрального банка ФСБ и занималась по крайней мере с осени 2021 года.

И. Бороган: Расскажу довольно гнусную историю, чтобы понимать, как действуют спецслужбы, какие задания они получают сверху и каким образом российский президент настраивает их на работу. Что вообще они подразумевают под «работой».

Вы знаете, что в России действует довольно успешная институция Центробанк. Ее возглавляет очень успешный и профессиональный человек — Эльвира Набиуллина, которая много лет помогала Центральному банку и вообще финансовой системе России преодолевать кризисы и даже санкции. Вот почему не случилось большого краха, который в принципе мог бы произойти, если бы на этом месте находились другие люди. До войны она пользовалась уважением внутри страны и у своих зарубежных партнеров. Набиуллину всегда уважали, Центробанк всегда уважали, несмотря на то, что отношение к правительству Путина было понятно какое. Но при этом было известно, что поскольку ее работа — это существенный вклад в поддержку финансовой системы, у нее есть некоторая степень независимости.

Что случилось с этой степенью независимости? В начале октября 2021 года появилось гнусное видео на просторах интернета. Оно не прошло в центральную прессу и даже на пропагандистские кремлевские каналы. Но суть его была такая: мужа Набиуллиной Ярослава Кузьмина, который на тот момент уже был бывшим ректором Высшей школы экономики, сняли в одном отеле с Валерией Касамарой, которая была проректором этой же Высшей школы экономики. Это гнуснейшая пленка, там гнуснейшее видео со всеми подробностями. И кроме того, еще это видео дополнялось перехватом переговоров Касамары с разными людьми. Все, кому надо, это видео посмотрели. В прокремлевские СМИ особо его не пустили, я нашла только одно или два мелких упоминания этого видео. А либеральные и независимые СМИ не стали его обозревать — просто не захотели помогать ФСБ распространять дополнительную информацию об этом. И в принципе, это видео не было направлено на россиян, которым, наверное, Набиуллина и весь этот Центробанк представляются какой-то абстрактной организацией. Это видео было снято даже не для того, чтобы запугать Кузьмина и Касамару, потому что Кузьминов уже покинул свой пост и, к сожалению, оставил Вышку.

Это видео было снято (неизвестно когда) для того, чтобы показать самой Набиуллиной: «Мы все знаем про тебя, мы все знаем про твоего мужа, мы следим за вами годами и не стесняемся пользоваться такими приемами. Зная, что ты хороший экономист, что ты работаешь на нашу

авторитарную власть годами, мы не стесняемся дать тебе понять, что мы можем выложить в Сеть такое видео и показать всему честному народу. Представь, *что* мы можем сделать с тобой на самом деле!»

Я так предполагаю, что результатом этого стало то, что когда началась война, Набиуллина, как утверждают независимые источники, захотела уйти и не участвовать в этом. Потому что это даже для нее было слишком.

Но она просто не смогла уйти. Потому что она прекрасно понимает, что это для нее «система ниппель»: вход — рубль, а выхода просто нет.

А. Солдатов: В двух словах я хотел бы обрисовать вам портрет сегодняшнего силовика, который сейчас работает в спецслужбах и в силовых подразделениях специального назначения. Потому что кое-что в этом портрете меня сильно беспокоит. Очень многие вещи мы не понимаем. И мы предлагаем экспертам, которые здесь находятся, и всем вам подумать над этим. Потому что моей квалификации и нашей экспертизы не хватает, чтобы объяснить некоторые странные и, я бы даже сказал, ужасные вещи, которые произошли с российскими силовиками в последнее время.

Давайте начнем с сотрудников ФСБ. Что происходит? В настоящее время в российских спецслужбах основное поколение людей, которые участвуют в разработке, проведении операций, — это люди 35–45 лет, включая довольно высокие должности. Этих людей отличает очень большая агрессивность по отношению к внешнему миру и узкое представление о реальности. Частично я могу это объяснить тем, что все они пошли на службу и делали свою карьеру при одном президенте и зачастую при одном директоре ФСБ (нынешний директор служит в своей должности с 2008 года). И они очень сильно отличаются от предыдущего поколения фэсбэшников, которые работали в девяностые, тем, что не представляют себе, что может быть другой «хозяин страны». Для них это просто невозможно. Они в буквальном смысле верят, что Владимир Путин с нами навсегда, как бы это смешно и странно ни казалось.

Они называют ФСБ системой. И им не приходит в голову, что система как-то может качнуться, в ней могут появиться какие-то кризисы и надо *на всякий случай* следить за тем, как меняются политические расклады и что происходит за пределами системы. Им это в голову не приходит в отличие от предыдущего поколения людей, которым сейчас 55–60 и которые еще помнят девяностые годы, когда нужно было ориентироваться во внешнем мире.

Мы это видим по разговорам с нынешними сотрудниками. Они мыслят себя только в рамках отдела, и даже в рамках службы их уже очень сложно заставить начать думать. Они все время скорее думают о том, что сказал их непосредственный начальник. Они в буквальном смысле живут «внутри кабинета», а в соседнем кабинете сидит их начальник, и вся их мыслительная деятельность посвящена тому, чтобы начальник

на них не разозлился. Не говоря уже о политической ситуации в стране. Они за ней абсолютно не следят. У них есть какие-то общие представления о том, что «Запад на нас нападает, мы должны быть против хаоса».

Второй важный момент — они хотят расширения репрессий в буквальном смысле. То есть разговоры о том, что «сталинские репрессии — это, в общем, довольно хорошая штука», ведутся очень активно. В отличие от предыдущего поколения конца девяностых — начала двухтысячных, которое помнило, что под репрессии могут попасть сами сотрудники ФСБ.

И когда я приходил в музей ФСБ на Лубянке (тогда еще это было возможно), меня встречал стенд с надписью, что такое-то количество сотрудников НКВД и КГБ погибло в результате сталинских репрессий.

Мы — я имею в виду не только сидящих в зале — прекрасно понимаем, что они пытались изобразить себя жертвой, что расстрелял их, наверное, кто-то другой, а не свои же товарищи. И вообще, они ни в чем не виноваты. Но хотя бы сама идея, что репрессии могут в какой-то момент обернуться против сотрудников спецслужб, присутствовала в их головах.

Нынешние сотрудники вообще об этом не думают. Представление о том, что они сами могут в какой-то момент «попасть под каток», у них отсутствует, что довольно странно. Потому что в последние 5–6 лет как раз и они стали попадать под каток репрессий. В стране сейчас десятки сотрудников ФСБ сидят в тюрьме — и в Лефортово, и уже на зонах.

Сидят по разным видам обвинений — кто по обвинению в шпионаже, кто по обвинению в раскрытии гостайны, кто сидит за мошенничество. Довольно много действующих сотрудников ФСБ сажают в тюрьму. Некоторых сажают очень громко и публично. Например, осудили (а потом он вышел по подписке, условно) даже командира легендарного «Вымпела» — и это не остановило Путина от того, чтобы преподать урок ФСБ: «Ребята, имейте в виду, вы тоже можете попасть».

Вот это среднее звено, которое как раз планирует и проводит операции, — им это в голову не приходит. Они считают себя той силой, которая будет использоваться для проведения репрессий, и это их как-то совершенно не смущает.

И еще я хочу обратить внимание на то, что произошло с силами специального назначения. Поскольку российский спецназ в основном подчиняется Главному разведывательному управлению Генштаба, то мы тоже этим занимались. Что там произошло?

Раньше, примерно 7–8 лет назад, в силах специального назначения ГРУ профессионализм ценился выше идеологии, скажем так, ультрапатриотического фашизма. Приведу пример.

Если помните, был такой скандал с покушением на Анатолия Чубайса, которого пытался подорвать бывший полковник спецназа ГРУ Квачков. Господин Квачков был достаточно опытным офицером спецназа.

Кадер Аттиа (Kader Attia). Я обвиняю. Фрагмент инсталляции. 2016

Получил боевой опыт в Афганистане. Много наград. И в какой-то момент он сошел с ума, вообразив, что Россией правят то ли евреи, то ли масоны, и решил Чубайса взорвать. В общем, у него ничего не вышло. Но он очень патриотически вел себя в суде. В конце концов его отпустили.

Я присутствовал в одной московской школе, где проходило это собрание, — собственно, я присутствовал при том, как полковник Квачков встречался с офицерами спецназа. Это школа в Строгино, которую

курирует одна из бригад спецназа ГРУ, они там организовали что-то типа кадетской школы. И это место неформальных собраний спецназовцев, которые приезжают в Москву. Поэтому там были люди не только из Москвы, но и из Новосибирска, из Хабаровска, из ростовской бригады. В общем, люди, которые сейчас служат в спецназе, боевые офицеры возраста примерно 27–35 лет.

И вот выходит на сцену Квачков — в мундире с орденами — и начинает нести что-то такое патриотическое о том, что «пора избавиться от оккупационного западного режима, который правит Россией, и надо всех их взорвать». И несет эту жуткую ахирию, которую мы сегодня, в принципе, слышим с экранов российских телевизоров. И сидя в зале, я обращаю внимание, что почему-то люди вокруг меня встречают все эти заявления, прямо скажем, нерадостно — не хлопают, молчат. Я повернулся к соседним офицерам, которых знал, и говорю: «Ребята, он же говорит правильные вещи! Он же хочет сделать что-то со страной, а вы что? Как-то вы его не приветствуете». А они посмотрели на меня и отвечают: «Как мы можем ему доверять, когда он обычную засаду не смог организовать? Если уж он Чубайса не смог убить, то как мы можем ему, как профессионалы профессионалу, доверять? Нет, для нас он человек, который больше не существует».

Представляете? То есть они даже к этому вопросу подходили с точки зрения *профессионализма исполнения засады*. И вот раз у него не вышло, значит, его авторитет внутри спецподразделения уничтожен.

Это было 7–8 лет назад.

А что произошло два года назад?

Под Хабаровском дислоцируется 14-я бригада спецназа ГРУ. Это довольно профессиональное подразделение. Люди из 14-й бригады служили в Первую и во Вторую чеченские войны, участвовали в Грузинской войне. То есть, в общем-то, это боевое подразделение с офицерами довольно высокого уровня. Выяснилось, что два офицера регулярно занимались тем, что насиловали шваброй своих солдат. Это для спецназа абсолютно немыслимая вещь! Потому что спецназ отличается от обычных подразделений. В обычных подразделениях дисциплина может быть какой угодно, там уровень дисциплины падает, и это, в общем, то, что ожидается от российской армии. Но силы специального назначения обычно стоят здесь особняком. Потому что они ходят в бой небольшими группами, иногда до четырех человек, и в этой ситуации военная иерархия не имеет большого значения. Ты майор, а он рядовой — это неважно, вы четвером идете в бой, и вы должны доверять друг другу и прикрывать друг друга. И если даже в таких подразделениях люди занимаются изнасилованием своих солдат из-за того, что кто-то не сдал деньги (а там речь шла о вымогательстве средств у контрактников), то, значит, что-то страшное произошло с российской армией.

Повторюсь: российская армия и раньше не отличалась высокими моральными стандартами, в том числе, например, подразделения спецназа. Известно дело капитана Ульмана, который во время Второй чеченской войны устроил засаду на боевиков. Вместо боевиков в машине, которую они обстреляли, оказались гражданские лица, их убили и закопали, чтобы скрыть следы того, что произошло. Но это логика, которую я еще примерно понимаю: вы неправильно идентифицировали цель, вы убили гражданских лиц и попытались скрыть свое преступление.

Но изнасилование собственных солдат, с которыми вы идете в бой, — это алогично, потому что прежде всего вы ставите в опасную ситуацию себя. То есть это не имеет никакого смысла, кроме звериной жестокости.

И после этого мы стали обращать внимание, что внутри силового аппарата (и это касается и сотрудников ФСБ, и сотрудников прокуратуры, и сотрудников Центра «Э» МВД) почему-то за последние два года заметно участилось обсуждение темы мужских изнасилований. Вот этого я не понимаю. Откуда это берется?

Мы общались по этому поводу с Ольгой Романовой, которая хорошо знает тюремную психологию. Мы спрашивали: «У нас все-таки довольно большое “тюремное население” в стране. Может быть, оттуда идет эта странная новая история? Почему они все время об этом говорят?» Романова говорит: «Нет. Это никогда в российских тюрьмах не являлось большой темой. Миф вокруг этого был. Но реальность не соответствовала кинематографу».

Почему это происходит в российских силовых подразделениях — непонятно.

Более того, они говорят не только о том, что они насилизуют или угрожают изнасилованием оппозиционеров. Они говорят о том, что именно так построены отношения у них внутри подразделений.

Раньше, лет 10 назад, например, встречаешь сотрудника ФСБ, который недоволен своим начальником, и разговор обычно шел о том, что он коррумпирован и, наверное, много денег украл на чем-нибудь. Это был нормальный, фоновый, обычный разговор. Сейчас разговор такой: «Нет, он поддерживает того генерала, потому что они вместе запираются в кабинете и там занимаются...» И ты думаешь: откуда эта тема? Повторюсь: мне это не очень понятно. Хотя есть, видимо, и какое-то социально-психологическое объяснение этому феномену.

И. Бороган: От всех этих макабрических историй можно перейти к анализу и к нашей основной теме. Она была такая: почему президент был так плохо информирован спецслужбами о начале войны? Очевидно, что тот блицкриг, который они задумали и о котором так бодро сообщили на заседании Совета Безопасности, который мы видели, провалился. И вообще, все информационное обеспечение операции и то, что они продолжают ее называть «операцией», уже выглядит не просто абсурдным,

а это похоже на происходящее в сумасшедшем доме. Со стороны это очень сложно наблюдать. И очень сложно людям на Западе объяснить, почему они это делают. Как они вообще дошли до такого понимания действительности. Видимо, причина одна: в Киеве сидит еврей Зеленский, который является нацистом. И эту версию можно продать не только внутри страны, но и снаружи.

Сам президент долгое время настраивал спецслужбы на то, чтобы главной их функцией были репрессии

Причина плохой информированности президента заключается в том, что сам президент долгое время настраивал спецслужбы на то, чтобы главной их функцией были репрессии. И в этом они добились больших успехов, потому что репрессии успешно осуществляются против обычного населения. Нельзя ничего писать в социальных сетях. Нельзя критиковать. Нельзя выйти на митинг, протест. Все это чревато большими наказаниями и даже тюрьмой.

Эти спецслужбы ведут успешные репрессии и в отношении элит. Люди в министерствах и ведомствах, губернаторы и их аппараты на местах знают, что они находятся под тотальным наблюдением ФСБ. Они не могут сделать и шага без этого наблюдения. Они знают, что иногда за дело, а часто случайно представители элит отправляются в тюрьму. А спецслужбы, успешно справляясь с репрессивной функцией, оказываются неспособны собирать нормальную информацию и поставлять ее президенту. Потому что они видят, *какой* это президент. И видят, что задача, которую он перед ними ставит, — это дополнять его картину мира.

Всех умных людей, которые могли более или менее создать объективную картину, 7–8 лет назад погнали из правительства, спецслужб и отовсюду. А остались те, кто вместо реальной информации о происходящем поставляет лишь ту, которая не противоречит сложившейся в голове президента картине. На это направлены их усилия.

И на выходе получается плачевный результат. Картина в голове одного человека дополняется, а потом транслируется на всю страну. И она не имеет ничего общего с тем, что происходит на самом деле в Украине, на Западе, с тем, что происходит в реальном мире.

А. Солдатов: И последнее, самое ироничное в этой истории (если тут можно использовать слово «ирония») — когда Владимир Путин осознал, что у него есть проблемы с разведывательной информацией, он опять-таки решил эту проблему с помощью репрессий. То есть мы теперь знаем, что он показал Службе внешней разведки, что он ею недоволен. Об этом свидетельствуют начавшиеся репрессии, о которых я говорил.

Но репрессиями невозможно решить проблему, когда люди приходят к тебе и говорят то, что ты хочешь услышать. Наоборот, ты будешь все больше слышать то, что ты хочешь услышать.

Нужны ли такие спецслужбы? Например, существование региональных управлений ФСБ в свое время было оправдано только одним: они были созданы Сталиным, чтобы пропускать людей через репрессии. А после его смерти и оттепели внутри КГБ начались дискуссии: что с ними делать, с этими управлениями? Но так никто и не решился их разогнать.

Еще до войны мы с Василием Гатовым выясняли, ломали голову: нужны спецслужбы или нет? По крайней мере, понятно одно: в новой России (или в новых Россиях) надо будет, конечно, их распускать. Люди с предыдущим опытом работы в силовых структурах не могут иметь права на работу в новых структурах. Это морально, политически просто недопустимо*.

Приведу пример, который меня в свое время убил. У меня был знакомый сотрудник спецназа ФСБ, которого я уважал за его деятельность, потому что он получил звание Героя не за убийства людей, а за то, что спас своих сотрудников (и это доказанный факт). Офицер спецназа ФСБ, «вымпеловец». Мы с ним ведем какой-то разговор, сидим выпиваем, и вдруг он мне говорит: «Надо было все-таки в Чечне провести чекистско-войсковую операцию». Я спрашиваю: «Какую операцию?» — «Ну нас учили в академии — чекистско-войсковую операцию типа той, что мы проводили в Западной Украине после войны». И ты понимаешь, что сидишь с человеком — ему было лет сорок, то есть он Советский Союз еще застал, когда пришел служить в спецназ, и он даже не чекист, потому что он спецназовец ФСБ, — а у него в голове зашит опыт чекистско-войсковой операции в Западной Украине... То есть тут уже ничего не поделать, надо полностью все менять.

* Информация о том, как могли бы выглядеть спецслужбы будущего, есть на сайте *Reformit*.

*Пьер Розанваллон,
французский философ
и политолог,
специалист по истории
и теории демократии*

*Первый номер журнала «Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований» (до № 15 он назывался *Sapere Aude*) вышел в свет в 1995 году. В нем были опубликованы тексты выступлений 18 российских и зарубежных экспертов на семинарах Школы в течение первых двух лет ее существования. Номер был посвящен теме «Трансформирующаяся Россия и Запад».*

Ниже перепечатываются три текста из этого номера.

О государстве-нации

Мне бы просто хотелось поделиться двумя-тремя соображениями, относящимися к проблеме «государства-нации». Первое: трудно рассматривать нацию как нечто возникающее само по себе. Нация есть нечто искусственное, построенное. Наций, появившихся естественным путем, не существует. Все нации, как их знает история, были результатом созидания.

Построение разных наций происходило по-разному. Скажем, известная французская модель, по поводу которой принято говорить, что нацию во Франции создало и сформировало государство, появившееся еще в XIII веке.

Существует и иной путь формирования нации: постепенное придание смысла совместному человеческому существованию, создание общности, идентичности, как это можно проследить на примере Германии или Италии. Ни та ни другая — в их современном виде — тоже не являются естественными национальными образованиями. В этих странах в XIX веке была предпринята гигантская работа по созданию общей национальной культуры, и даже единый язык появился в них не сразу, а в результате преобразований, опиравшихся чуть ли не на искусственно созданную схему. Короче, когда речь заходит о нации, главная опасность, как мне кажется, заключается в том, что под этим словом подразумевают обычно некое органическое целое. Между тем фундаментальной проблемой современных демократических систем является скорее подход к нации как к

воплощению плюрализма и разнообразия, которые препятствуют достижению целостности. Единственное доказательство существования нации — это чувство солидарности. Или, другими словами, наличие условия для появления государства-провидения, государства как некой формы солидарности.

То есть нацию можно определить еще и как установленное со всеобщего согласия пространство, в котором происходит некое перераспределение. Она формируется неким усилием, направленным на изобретение и создание системы перераспределения и солидарности. И сегодня в результате кризиса, который переживает государство-провидение, на примере тех финансовых трудностей, с которыми сталкивается большинство западных государств, мы видим, что проблема заключается именно в этом: чтобы не просто сохранить нацию, но и преобразовать ее путем коллективного обсуждения налоговой политики, политики в области социального обеспечения и т.д., поскольку представления о социальной однородности неизбежно приводят к популизму. А популистская перспектива, в свою очередь, связана с мечтой о счастливой и одинаковой для всех жизни, когда весь народ должен жить едиными чувствами и настроениями. Между тем демократическое понимание общественного устройства означает трудный процесс формирования национального сознания на основе дискуссий и выработки общих норм, исключаящих подобное видение совместной жизни.

Таким образом, отталкиваясь от примера Франции, можно сказать, что проблема состоит не в том, чтобы выяснить, возможно ли (и если да, то каким образом) существование государства-нации, а в том, чтобы задуматься над связью между идеей нации и идеей однородности. Ибо историческая нация не связана с какими-то природными вещами. И в этом смысле существуют не только разные нации, но и разные пути, ведущие к выработке коллективной нормы.

Второе соображение. Меня как француза поражает тот факт, что вы в России размышляете сегодня над вопросом о переходе к государству-нации, тогда как многие французы в своем государстве-нации думают о переходе, если угодно, к европейской империи. Почему? Потому что тот образ, который складывается сегодня у европейцев, когда они пытаются представить будущую Европу, я думаю, далек от образа государства-нации. В Европе сейчас никто не верит, что она сможет стать большим государством-нацией даже в отдаленном будущем, что появится европейская нация. А если это новое сообщество не сможет стать нацией, тогда оно, вероятно, станет новой формой империи. Не так ли? Во всяком случае, это очень важная тема для дискуссии, и выборы в Европейский парламент наверняка дадут ей новый импульс.

Демократическое понимание общественного устройства означает трудный процесс формирования национального сознания на основе дискуссий

То есть мы видим, что в Европе тоже идея «империи», как и идея суверенитета, является препятствием к размышлению. Поскольку чтобы размышлять о развитии Европы, необходимо сделать понятие суверенитета плюралистическим. Если же понимать его как нечто неделимое, то размышление о Европе становится невозможным. Мне кажется, это главный вопрос, над которым следует задуматься, — преодоление государства-нации, его плюрализация. Ибо такие понятия, как «нация», «суверенитет», «всеобщая воля», не позволяют выйти за рамки размышлений о государстве как таковом.

Когда мы размышляем над статусом Европы, я считаю, нужно отбросить в сторону слово «суверенитет», поскольку едва только встанет вопрос о его местонахождении, строительство Европы становится невозможным.

Однако можно ввести различие между суверенитетом как формой защиты и суверенитетом как формой солидарности. Первый суверенитет — это суверенитет пространства коллективной безопасности, а также развития условий для открытой рыночной экономики. И именно на этом уровне государство как система доказывает свою обоснованность. Европа действительно представляет собой суверенитет защиты. Но, на мой взгляд, она не стала и еще долгое время не сможет стать суверенитетом солидарности. Не существует пока даже малейшего намека на возможность появления чувства общей будущности, например, у крестьянина из Испании и у рабочего из Франции. Хотя мы видим, что европейский рынок развивается, и мы озабочены проблемами европейской безопасности. Но наряду с этим планы о создании европейского государства в настоящий момент неосуществимы. Если бы существовала возможность создать новое европейское государство-провидение, то можно было бы говорить и о новом государстве-нации. Но сегодня, повторяю, об этом не может быть и речи.

Именно поэтому было бы интересно в рамках нашей дискуссии узнать, как вы представляете себе эту проблему перехода, ну, скажем, от империи к государству-нации. Если вы мыслите этот переход в перспективе воссоздания нации как естественного явления и одновременно как единого суверенитета, то в таком случае, вероятно, он неосуществим. Как неосуществима и единая Европа.

Значит, есть по крайней мере одно, что нас объединяет: тот перекресток, на котором мы стоим в нерешительности. А это, как я считаю, не так уж плохо.

Между демократией и патриотизмом

Юрий Сенокосов,
сооснователь Школы

Недели две или три назад я услышал в московском троллейбусе фразу, которая не нуждается, я думаю, в специальном комментарии, поскольку она имеет прямое отношение к проблеме национальной идентичности.

Как обычно (и всюду сегодня в России), люди в троллейбусе ругали правительство, и вдруг кто-то произнес: «Ну конечно, мы, русские, никому не нужны!» Причем это было сказано с таким внутренним отчаянием и болью, что на какое-то мгновение все замолчали. А я невольно подумал: ну разумеется, кроме самих себя. А кому вы были нужны пять, десять или двадцать лет назад?

То есть я хочу сказать, что многие русские сегодня действительно искренне считают, что они никому не нужны. Что их бросили, перестали заботиться.

Проблему, которую мы обсуждаем, я бы сформулировал так: способен ли сегодня русский человек понять ту реальность, которая его окружает, на уровне собственной, индивидуальной деятельности и мышления? Западные философы и психологи называют такую способность или состояние труднопереводимым на русский язык термином *identity*, «идентитет», то есть неким самоощущением личности, ее стремлением быть в гармонии с собой. Но как быть, если в результате развала СССР, распада хозяйственных связей, инфляции, межэтнических конфликтов, терроризма свою идентичность потеряли миллионы людей? Поделюсь некоторыми соображениями.

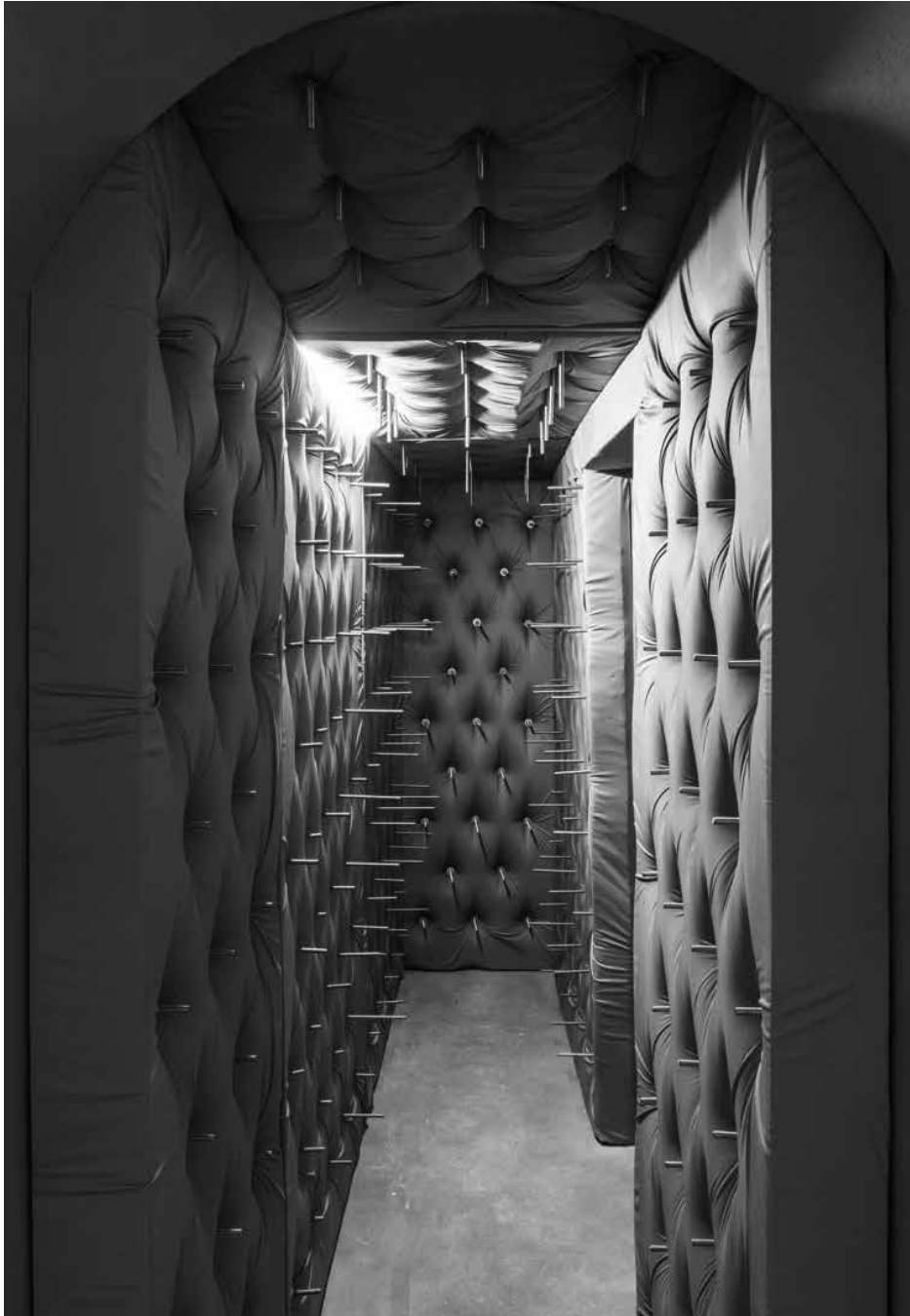
Первое. Все попытки построить теорию нации, на мой взгляд, абсурдны. Такого теоретического предмета не существует. Потому что нация — это то, что случается с этносом, во что превращается этнос, если его представители каждый день занимаются

плебисцитом. По словам французского историка Эрнеста Ренана, нация — это «ежедневный плебисцит». Да, в России нет сегодня нации, потому что была империя, которая распалась, и есть русский этнос, который стремится на развалинах имперского государства создать свою нацию. Или, как сказал Алексей Салмин, русские стоят перед проблемой политического воплощения нации, государства и федерации. И я с ним согласен, что это не какая-то отвлеченная или патриотическая идея, а то, что существует благодаря напряженному вопрошанию людей о том, кто они такие, какие у них гражданские обязанности, права и т.д. То есть это некое единство перед судьбой. «Нация-государство», как говорят французы. Или продукт Конституции. Нация — это то, что способно создавать Конституцию, одновременно возникая внутри и в следствие действия Конституции. Она появляется в результате референдумов, выборов, дискуссий и т.д. Нация ежедневно возникает из вопрошания. Так же, кстати, как человек. Ведь он тоже как личность возникает и существует в подобном же напряженном пространстве вопрошания. Всматриваясь в свою судьбу. Лишь так появляется сообщество людей, которые обретают единство перед лицом судьбы.

И здесь я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. На то, что случилось в России в феврале этого года, когда из тюрьмы были выпущены на свободу путчисты 1993-го, а затем 1991 года. Об этом в настоящее время много спорят, но я считаю, что, несмотря на все за и против, которые при этом высказываются, в действительности в нашей стране произошло, если угодно, некое чудо, если иметь в виду именно Конституцию. Постараюсь пояснить свою позицию.

Конечно, все путчисты должны были понести наказание. Точно так же, как моральную вину за случившееся разделяет и президент. Но дело в том, что до принятия в декабре прошлого года новой Конституции Россия с правовой точки зрения находилась в замкнутом порочном круге. По существовавшей Конституции путчисты имели полное право, используя имперскую риторику, действовать так, как они действовали. Советская Конституция вообще, как вы знаете, оправдывала террор. Не случайно коммунисты голосовали против новой Конституции. И тем не менее этот порочный круг был разорван: во имя возвращения доверия к власти как таковой была принята новая Конституция, и через три месяца был совершен акт помилования. Как бы к нему ни относиться. Я сказал, что это чудо, ибо этого могло и не быть. Но это случилось, и тем самым открылась возможность для поиска общественного согласия и развития элементов общественного договора на основе конституционных принципов. А это значит, что появилась основа и для строительства национального государства.

Разумеется, все это сегодня хрупко в нашей стране, и поэтому, возвращаясь к проблеме идентичности, хочу остановиться еще на одном ее аспекте. Речь пойдет о нашей склонности к спиритуализму. В сущности,

Кадер Аттия (Kader Attia). Шум, тишина. 2017

это как бы обратная сторона того состояния человека, когда он считает, что никому не нужен, и готов слепо поверить в любые обещания. Напомню, что спиритуалист — это человек, который склонен легко поверить, что добро, истина, красота, свобода, гражданские добродетели как бы существуют материально, в физическом смысле слова. И позволяет себе рассуждать и думать о таких вещах наглядно, в предметных образах. Как будто духовное состояние есть некий внешний объект, существующий вне человека.

Повторяю, считать духовное физически существующим и есть спиритуализм. Спиритуалист — это человек, который способен легко обоготворять в том числе и власть, полагая, что она сама по себе может быть справедливой, хорошей и т.д. Человек, который надеется на появление сильного и доброго Хозяина. Хотя давно известно, что религия без личного, духовного усилия человека способна внушать либо страх, либо надежду о награде. И то и другое неизменно порождает суеверное отношение и к Богу, и к власти.

И еще один аспект, связанный с обсуждаемой проблемой. Сегодня в России очень популярен, особенно в окружении А. Рудского, русский философ Иван Ильин. Фактически его книги, его призывы «созерцать Россию в Божьем луче... и любовью принимать ее» становятся одним из наиболее заметных элементов формирующейся национально-патриотической идеологии.

Ну что можно сказать по этому поводу? Да, несомненно, любить Россию (как и своих ближних) надо. Но ведь насильно мил не будешь. Для меня природа человеческой любви, как и дружбы, а также демократии, хотя это может показаться парадоксальным, одна и та же: великодушие. То есть в каждом случае мы имеем дело с неким таинственным моральным качеством, которое венчает все другие моральные качества. Как говорил мой покойный друг Мераб Мамардашвили, ссылаясь, в свою очередь, на Декарта, у этого качества несколько необычное название, поэтому оно и таинственно: благородство, щедрость, великодушие. То есть свобода и власть распоряжаться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит.

Так вот, природа любви, как и дружбы, а также демократии одна и та же: терпимость и великодушие. Различие же между ними я вижу в том, что в одном случае все держится на абсолютном доверии, когда люди взаимно — без подозрений и обоюдных претензий на господство и обладание друг другом — принимают друг друга как они есть. Любовь и дружба — это по-своему уникальные и самодостаточные явления в мире. А в другом случае — при демократии, вырастающей из признания обществом гражданских прав и свобод каждого человека, эти права и свободы из-за неизбежного столкновения человеческих страстей и интересов, помимо доверия, нуждаются в их юридической защите и развитой гражданской личности.

Ясно, конечно, что развитие общественного гражданского согласия в России зависит сегодня не только от человеческих намерений — пусть даже искренних и благородных, — но и от объективных обстоятельств: экономического положения страны, ее культуры, устойчивости демократических институтов. Но очевидно и другое. Что вначале должно было рухнуть наше прежнее советское «монолитное единство», державшееся на страхе и идеологии, чтобы появились условия и возможность для демократических преобразований. И только великодушные и желание слушать и слышать друг друга способны в этой ситуации освободить нас от гипертрофированного представления о своей исключительности и зависимости от прошлого.

Культур, как и стран, много, а цивилизация одна. И суть ее в общении. Цивилизация и есть общение. Это очевидно.

И последнее. Развитие национальной идентичности в России идет сегодня и по патриотическому и демократическому пути. Но я не думаю, что какая-то из этих двух тенденций обязательно одержит победу. Скорее, мы видим пока (и нам бросаются в глаза) «издержки», «отходы» этого мучительного процесса. В действительности будущее России зависит не от миллионов «никому не нужных», кто считает, что их бросили, а от тех уже появившихся тысяч, кто реально что-то делает для страны и обладает волей и желанием вывести Россию из кризиса. Но как бы ни развивался этот процесс, для меня очевидно, что внутренняя стабилизация России, в которой я не сомневаюсь, укрепление ее государственных институтов не может не сопровождаться сегодня обострением ее отношений с Западом. Это неизбежно, потому что Россия по-прежнему претендует и будет претендовать на роль одного из лидеров в международном сообществе.

*Франсуа Фюре
(1927–1997),
французский историк*

Зависимость от имперского прошлого

Я не считаю, что европейский опыт государства-нации исчерпан. Мне представляется, кстати, что в этом смысле европейские страны находятся пока в одинаковом положении, поскольку все испытываем трудности в отношении прошлого наследия. В этой связи я скорее склоняюсь к тому, что необходима осторожность в подходе к государству-нации.

Если история Европы и учит нас чему-то, так это тому, что патологические проявления государства-нации совпадали в прошлом с демократией. Иначе говоря, между современной демократией как формой суверенитета отдельных личностей и государством-нацией не существует простой и прямой связи.

Государство-нация существует дольше, чем современная демократия. Оно возникло в Западной Европе в Средние века, и, по сути дела, вначале его судьба складывалась менее драматично, чем в XIX веке, то есть после Великой французской революции, или чем в XX веке. Демократическая же идея так или иначе включает в себе долю утопизма. В ней есть нечто мессианское, что и представляет опасность — даже большую, чем в предшествовавший период, так как вынуждает возвращаться к имперскому мышлению. Как это произошло, например, во времена Наполеона или в вашей стране, приняв здесь советскую форму. Поэтому я бы сказал, что союз идеи государства-нации и демократической идеи особенно трудно осуществим еще и потому, что в народе живы воспоминания об имперском прошлом. И насколько я понимаю, именно это характеризует современную Россию, которая выходит из своего имперского состояния и стремится создать национальное государство.

Следовательно, когда мы говорим о государстве-нации, нам не следует забывать, что здесь всегда есть риск или грань перехода от положительного и

Кадр Аттиа. Инсталляция «Призрак». 2008

необходимого, в чем выражается политическая воля сообщества людей, к идее имперского господства, к идее превосходства. Именно об этом свидетельствует опыт Европы на протяжении двух последних столетий. И нет оснований считать его устаревшим. Он не только не устарел, но продолжает сохранять свою актуальность.

Перед лицом этой опасности для современных демократических систем можно, однако, кое-что позаимствовать, видимо, из западного опыта. Как отметил Розанваллон, успех постнациональной идеи в Западной Европе есть успех «гомо экономикус». Это успех Адама Смита, успех экономического либерализма. Строительство Западной Европы состоялось как строительство рынка, и это очень важно. Сегодня Западная Европа — это общий рынок, который позволил достичь невероятного прогресса в производстве благ и благополучии людей. Но эта конструкция страдает одновременно значительным политическим дефицитом. Мы не нашли пока решения, позволившего бы совместить торжество либеральной экономики с какой-то новой политической формой, которая отличалась бы от государства-нации или же его превосходила.

Когда наблюдаешь за тем, как функционирует то, что принято называть общим рынком, то ясно видишь, что он представляет собой некую совокупность «крепко сколоченных институтов», выполняющих преимущественно экономические или же судебные функции, поскольку для обеспечения его деятельности необходим хотя бы минимум

юридического регулирования. У нас есть Совет министров, есть Комиссия ЕС в Брюсселе, есть Европейский парламент в Страсбурге и Европейский суд в Люксембурге. Но при этом нет никакого института, где бы нашли выражение такие вещи, как суверенитет или демократическая легитимность. То есть мы находимся как бы в промежуточном состоянии между Европой, обладающей экономическим суверенитетом, который опирается на юридическую базу и носит наднациональный характер, и Европой, которая так и не нашла политической формы, соответствующей ее экономике, некоего политического центра. И именно этим, я думаю, в значительной степени объясняется сопротивление, которое оказывается европейскому строительству со стороны населения наших стран, будь то во Франции, в Великобритании, Германии, Испании или где-то еще. Это сопротивление юридической гомогенности наших обществ.

Что же касается ситуации в вашей стране, то в настоящее время сравнивать ее с европейской ситуацией, на мой взгляд, преждевременно, поскольку строительству Европы предшествовало появление устойчивой экономики. Сегодня, как я уже сказал, это Европа богатства и благополучия. Поэтому, позволив себе немножко быть марксистом, замечу, что для эволюции идеи нации должны быть предварительно созданы экономические условия, которых в настоящий момент в России не существует. И не просто не существует, но их отсутствие усугубляется воспоминаниями о невероятной военной мощи, которой обладал режим, рухнувший в 1989–1991 годах. В результате у меня складывается впечатление, что строительству национального государства в вашей стране постоянно угрожает имперская идея.

Фашисты как они есть

Когда Майкл Манн двадцать лет назад писал свою замечательную книгу, он не мог знать, что вынесенное в ее название слово к выходу в свет русскоязычного перевода станет столь трендовым и резонансным. Так или иначе, но издание получилось в высшей степени своевременным: ведь когда, как заявляют инфоцыгане из телевизора и тролли из интернета, фашисты совсем одолели и лезут из каждого угла, неплохо было бы разобраться в том, кто же именно в подобных контекстах имеется в виду, а заодно и выяснить, не скрывает ли подобный «антифашистский» дискурс подмену понятия и не уводит ли он от подлинного смысла термина «фашист». Несмотря на то, что британский социолог описывает в своем произведении семейство радикальных течений, зародившихся в европейских странах между двумя мировыми войнами, его анализ не утратил актуальности и сейчас, под занавес первой четверти XXI века. Не стоит, правда, обманываться: обусловлена эта актуальность вовсе не торжеством того традиционного представления, согласно которому появлению фашизма всегда предшествует непорядок в экономике. Эта банальная мысль, которая, по идее, незамедлительно должна отсылать к нынешней глобальной экономической неразберихе, напротив, автором пересматривается и критикуется — и поделом. Как представляется, многие читатели поддержат обосновываемую в книге идею, что семена фашизма следует искать, по-марксистски выражаясь, не столько в бытии, сколько в сознании. Другими словами, фашизация общества происходит не там, где люди некачественно питаются и дурно одеваются; в первую очередь она поражает те социумы, члены которых неправильно думают и извращенно мечтают.

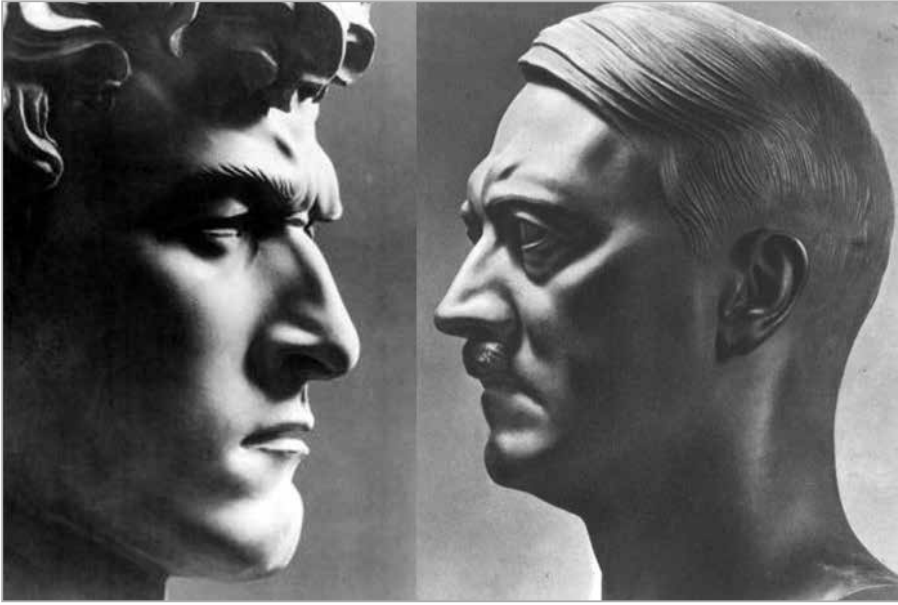
Каковы же причины, сначала искажающие мировоззрение целых народов, а потом выливающиеся

Майкл Манн. *Фашисты* / Пер. с англ. СПб.: Питер; Фонд «Историческая память», 2023. 592 с.

в обусловленные соответствующим кривым видением дискурсивные практики? Всесторонне и тщательно рассматривая кейсы зарождения и утверждения в XX веке фашизма в Италии, Германии, Австрии, Венгрии и Румынии, Манн доказывает, что экономика при всей ее важности выступала в них фактором вторичным. Она была не очень значимой хотя бы потому, что Великая депрессия постигла страны из приведенного списка в разной степени: если для обескровленной версальскими репарациями Германии она оказалась, бесспорно, сокрушающим фактором дестабилизации, то для Италии дело обстояло совсем не так. Но что же в таком случае объединяет все перечисленные примеры? Автор поясняет: в каждом из них обнаруживается явление, называемое ресентиментом, то есть пониженный тонус идейной и духовной жизни общества, обращающийся обидой на всех вокруг, а также склонностью приписывать собственные несчастья кому угодно, только не себе. Социум уязвленный, страдающий, травмированный — вот питательная почва, которая дает жизнь росткам ресентимента, а позже, как правило, фашизма. Разумеется, пути, ведущие к такому мироощущению, могут быть разными. Скажем, Германия и Австрия после 1918-го лишились своих империй и горько тосковали по ним. Румыния же или Италия, напротив, ничего не потеряли, а кое-чем даже обогатились, но зато столь же остро грустили по тому, чего не успели приобрести дополнительно. Несмотря на разницу, в обеих ситуациях мы имеем дело с коллективным бессилием, а оно, как известно, порождает негодование, возмущение, фрустрацию. Более того, когда оказавшиеся в подобном положении политические системы испытывают дефицит силы, демонстрируя вместо нее собственную немощь, в головах некоторых из их обитателей вызревает соблазн компенсировать эту нехватку иными — негосударственными и неконвенциональными. Фашизм — это попытка создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма проведя народ через чистки — формами насилия. Так складывается парамилитаризм: практика, в рамках которой слабость государственных учреждений восполняется насилием, провоцируемым и творимым институтами гражданского общества.

На последнее обстоятельство Манн обращает особое внимание. Действительно, утверждает он, гражданское общество, боготворимое либеральным сознанием, умеет, как ни прискорбно, не только укреплять, но и подрывать демократический порядок. «Предполагается, что добровольные объединения и плотная сеть социальных связей вокруг них — лучший гарант свободного общества и демократии, — пишет автор. — Увы, Германия, ставшая нацистским государством, была именно такой — плотным и активным гражданским обществом: и сердцевину этого общества составляли именно нацисты. <...> Возглавляемое нацистами, это общество превратилось в монстра» (с. 249). Главным инструментом, используемым подобным активизмом для преодоления

Арно Брекер, главный скульптор Третьего рейха

«распада и разложения», выступает грубая физическая сила. Иначе говоря, ресентимент неизбежно втягивает его носителей в вооруженные противостояния, поскольку они не признают иных способов утешения своих печалей, кроме силового утверждения себя и собственных интересов. Но, ввязавшись в войну, вставшее на такой путь государство генерирует еще больше насилия, со временем превращая его в норму всей социальной жизни, причем не только за своими границами, но и внутри них. Главная беда в том, что в подобной системе и правовые институты, и право как таковое вытесняются на периферию общественного сознания и социальной практики: они теряют значимость в тех контекстах, где проблемы и кризисы предпочитают преодолевать неправовыми способами.

Таким образом, застолбив для себя «законное» место в общественной жизни, насильственные практики начинают без устали самовоспроизводиться: в этот костер постоянно надо подбрасывать свежие дрова, оборонное сознание просто не может иначе, ему требуются все новые и новые враги, и в конечном счете метастазы насилия расползаются все шире и глубже. Фашизм, по Майклу Манну, страшен не сам по себе — это довольно примитивная и плоская доктрина; по-настоящему ужасающей оказывается его эволюционная траектория. Нация в глазах фашистов предстает чем-то вроде живого существа, этот организм на части не делится, и поэтому поддержание «национального единства» постепенно превращается в *idée fixe*, а любое инакомыслие начинает рассматриваться как покушение на монолитное единодушие народа — пусть и мнимое, но громогласно провозглашаемое. Причем весь этот

комплекс идей выводится за рамки любой критики, обретая едва ли не сакральный статус. Заканчивается все пролитием крови — либо чужой, либо своей, либо же и той и другой. Все фашистские режимы, рассмотренные Манном, прошли через этот опыт.

Совокупным итогом предложенных в книге рассуждений выступает следующее определение интересующего нас феномена: «Фашизм — это попытка создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма проведя народ через чистки» (с. 28). В эту ем-

Фашизм — это попытка создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма проведя народ через чистки

кую формулировку автор вложил все базовые признаки фашистской государственности. Фактически он говорит читателю: если вы видите, что в той или иной стране превозносятся национализм и этатизм, а поклонение народу и государству обеспечивается вариативным наси-

лием и постоянной санацией социума от нежелательных элементов, то, по-видимому, речь идет об очередном казусе фашизма. При этом Манн подчеркивает: «Фашисты всегда изображали свое насилие как “успешную оборону”»: истинное насилие, мол, исходит от врагов, но фашисты вступают с ними в бой и побеждают. Верили им не все, но многие, и это увеличивало их популярность, их рейтинги на выборах, привлекательность для элит» (с. 33).

Завершая свой краткий обзор, повторюсь: «Фашисты» Майкла Манна — очень полезная, важная и актуальная книга. Кстати, прочитав этот труд, стоит взять в руки и его продолжение: написанную тем же автором работу «Темная сторона демократии», в которой в самом ужасающем свете представлены те бездны, куда способно завести насилие, превращенное в культ отбившимся от рук государством и сошедшим с ума гражданским обществом. (Кстати, эти произведения задумывались как одно целое, но в процессе работы автор понял, что книгу в полторы тысячи страниц будет трудно издать, а потом и прочитать.) И, наконец, самое последнее, мой персональный читательский вывод: похоже, фашистов не всегда ищут там, где нужно.

Андрей Симбирцев

Контрапункт

Максим Горюнов,
философ

Американцы

Последние сто лет Россия живет при тираниях, которые либо исключают партии, либо допускают, но в виде бутафории и грустной клоунады. В результате публичные дебаты, прения, полемика и тому подобное нередко кажутся людям с российским опытом чем-то вроде конного поло: игрой в бисер, смысл которой малодоступен. Сто лет жизни в ситуации, когда есть «одна-единственная правильная точка зрения» и ее защищает вся мощь государства, ожидаемо испортили российские дискуссии. Фракции внутри российского общества нередко не видят оппонентов в своих оппонентах. Они видят врагов в брутальном шмитовском смысле. Дух российских дискуссий — и в Сети, и вне Сети — далек от духа современных Нидерландов с их двадцатью партиями и двумя коалициями в парламенте. Интересно, что во времена царя Петра, когда российское просвещение только начиналось, за образец были взяты именно Нидерланды. Царь Петр выучил голландский язык, нанял в Амстердаме сотни экспертов, переделал свое царство в голландское. Увы, и триста лет спустя в политическом быту россиян почти нет голландских черт. Представить себе двадцать точек зрения, уживающихся в одном пространстве, вряд ли возможно. К чести россиян надо отметить, что, как у голландцев, получается только у голландцев. У американцев тоже не очень получились Нидерланды. Вместо двадцати парламентских партий у них всего две. И отношения между ними не всегда уважительные. Во время последних президентских выборов Белый дом захватила вооруженная толпа республиканцев, несколько человек были убиты. Предыдущий захват Белого дома имел место в 1812 году, когда его показательно сожгла британская армия. Тем не менее у американцев, несмотря на глубину

их разделений, получается общаться, и россиянам, желающим вернуть свое многогрешное отечество на правильную траекторию, логичнее усваивать именно американский опыт. Две партии — это явно проще, чем двадцать, амбиции царя Петра лучше передать будущим поколениям.

В поисках компромисса и взаимного учета интересов

Когда и как американцы научились участвовать в дебатах? Это нечто новое? Или нечто старое, из глубины веков? Если мы заглянем в американское прошлое, когда Штаты были колониями, увидим ли мы там приметы будущего умения общаться с теми, кто видит мир иначе? Были ли у первых колонистов какие-то особые навыки, которые впоследствии сделали возможными эти двести с лишним лет без тирании, которые российскому читателю кажутся чем-то вроде библейского чуда? Быть может, у американцев было какое-то культурное преимущество, опираясь на которое им как раз и удалось создать устойчивую политическую систему?

В тепер уже классическом исследовании Патриции Бономи «Вздорные люди: политика и общество в колониальном Нью-Йорке» (Patricia U. Bonomi. *A Factious People: Politics and Society in Colonial New York*), увидевшем свет в 1971 году, утверждается, что с самого начала никаких особых навыков общения у будущих американцев не было. Навыки самоуправления они получили, в общем, случайно: в ходе политической борьбы за возможность распоряжаться своими налогами по своему разумению. Речь идет об эволюции, о развитии, об учебе на неудачах в течение нескольких поколений. Политическое развитие американских колоний не было линейным движением от простого к сложному. Оно было хаотическим и прерывистым, со множеством откатов назад. И, определенно, без гарантий хорошего финала. Особенно в Нью-Йорке.

Как заметил в «Нью-Йорк таймс» автор рецензии, если бы герои книги Патриции Бономи оказались в раздираемом коррупционными и политическими скандалами Нью-Йорке начала семидесятых годов XIX века, они бы почувствовали себя как дома. Экономически успешный, но при этом политически нестабильный, разделенный на фракции, враждующие как шекспировские Монтекки и Капулетти, город каждый день был на грани очередного кризиса. Город с очевидно партийными медиа, открыто поддерживающими одну из фракций и нечувствительными к вопросам этики. Город управляемый британскими губернаторами, многие из которых сознательно использовали вражду между фракциями, чтобы улучшить финансовое положение своих семей в далеком Лондоне.

В свои первые сто лет, пишет исследовательница, Нью-Йорк не был похож на место, где возможна свобода в просвещенческом смысле. И тем не менее, несмотря на, казалось бы, непреодолимые препятствия, Нью-Йорк не стал похож на российский областной центр. Как так получилось? Патриция Бономи не знает ответа. Подобно биологу, занятому

реконструкцией эволюции, она подробно описывает путь, который прошел вид, развиваясь и адаптируясь. Для начала она объясняет, почему жители Нью-Йорка так легко вовлекались во фракционную вражду.

Прежде всего они не всегда могли понять друг друга, потому что говорили на разных языках. Поселения, разбросанные на бескрайних территориях Северной Америки, надежно консервировали языки европейских мигрантов. В частности, первые поселенцы на землях будущего Нью-Йорка были перевезены через океан голландской торговой компанией и говорили в основном на голландском. И ситуация практически не изменилась, когда их земли отошли Британской империи. Поселенный, использующих голландский язык, было так много и жизнь в них была настолько самостоятельной, что и через полтора века проживания

*Они не всегда могли
понять друг друга,
потому что говорили
на разных языках*

в англоязычной стране выходцы из Нидерландов общались на языке происхождения их дальних предков. И вели себя узнаваемо. Восьмой президент США, Мартин Ван Бюрен (Martin Van Buren, 1837–1841), родившись в небольшом голландском поселении на севере от Нью-Йорка, учил английский уже в сознательном возрасте. В его родном Киндерхуке и у него дома голландский был основным языком. Его супруга, Ханна Хоэс Ван Бюрен, и дети говорили с заметным акцентом, как будто пересекли океан относительно недавно. В круге общения будущего президента было много людей, для которых голландский был понятнее, чем английский. Схожая ситуация была и у выходцев из немецких, французских, скандинавских земель. Выходцы из кельтских регионов Британии и евреи из Португалии, и многие другие группы делали ситуацию еще сложнее. Таким образом, большие расстояния, медленное сообщение и низкая мобильность отдаляли момент перехода на общий язык. Первичное недоверие, утверждает исследовательница, было основано на невозможности понять собеседника. Но были и другие причины для распрей. Переселенцы привозили с собой предубеждения, которые были приняты на их родине. И это также усугубляло непонимание, поскольку на языковые препятствия накладывались религиозные.

В начале XVIII века люди искренне верили в бога. Тиражи Библии и сборников проповедей были многократно выше памфлетов атеистов, печатавшихся втайне. В верующем обществе разная трактовка догматов — еще одна веская причина для неприязни. Бежавшие от преследований Ватиканом протестанты настороженно относились к католикам, а католики отвечали им тем же. Протестанты из Амстердама, протестанты из Гамбурга и протестанты из Парижа, одинаково не доверяя католикам, не испытывали особого пиетета друг к другу. Когда в поселение, где жили протестанты из Роттердама, приезжали протестанты из Манчестера, разница в трактовках Нового Завета создавала дополнительные поводы для разделения.

Два основных занятия в конце XVII века – землевладение и торговля – разделяли колонистов на две партии имущих с противоположным образом жизни

И поверх всего — экономическая реальность и неумолимая конкуренция за лучшие возможности. Два основных занятия в конце XVII века — землевладение и торговля — разделяли колонистов на две партии имущих с противоположным образом жизни и представлением о должном. Американские землевладельцы, набирая обороты, старались

усвоить образ жизни английской знати и считали ренту наиболее достойным способом приобретения благосостояния. Образцы потребления и ритуалы общения лордов были им ближе и понятнее. Голландские же торговцы (в основном мехом), проживавшие на севере, между французскими и индейскими поселениями, имели свое представле-

ние о должном. Дух Амстердама, когда личное умение вовремя предложить потребителю необходимый ему товар ставилось выше унаследованного цвета крови, подразумевал иное видение успеха и как им распорядиться. Несовпадение взглядов на то, какой из путей к процветанию является правильным, питало взаимную неприязнь в дополнение к естественной человеческой конкуренции за первенство. Каждый раз, когда сталкивались интересы «сильных людей города», предубеждение о том, что соперники не заслуживают уступок, поскольку ведут недостойный образ жизни, также играло на усложнение ситуации.

Экономические, религиозные и языковые препятствия, подчеркивает исследовательница, усугублялись и особенностями британского правления, так как Нью-Йорк управлялся в то время напрямую из Лондона. И возможности избирать власть у горожан не было. Лондон полагал, что больше выиграет от прямого управления, и оттягивал момент, когда горожане получают право решать свои проблемы самостоятельно. Если бы такое право появилось у них ранее, противоречия сгладились бы сами собой. Необходимость постоянного поиска компромисса и взаимного учета интересов, по мнению Патриции Бономи, быстро научила бы людей с разным культурным багажом понимать других и уклоняться от конфликта. Однако прямое управление из метрополии сдерживало политическое развитие общин, мешало им учиться определять свои и чужие интересы и искать компромисс. Довольно долго вместо того, чтобы наращивать умение вести переговоры, горожане учились привлекать на свою сторону губернаторов. Как нетрудно догадаться, губернаторам такая ситуация была выгодна, поскольку позволяла извлекать дополнительные блага из своего назначения. Исследовательница приводит в пример сразу нескольких управленцев, приехавших из Англии, для которых неумение горожан договариваться стало источником значительного дохода. Опираясь то на одну фракцию, то на другую, губернаторы неосознанно сохраняли вражду, не давая ей утихнуть.

Особую роль в политическом развитии горожан — как в положительном, так и в отрицательном смысле — сыграли два события. Во время Славной революции в Англии в Нью-Йорке в 1689 г. началось восстание Лейслера (Leisler Rebellion), которое длилось почти два года и закончилось казнями его лидеров. Репрессии против сторонников восстания нанесли тяжелый урон культуре общения в городе, утверждает исследовательница. Возможность лишить своего соперника имущества и самой жизни, доказав его связь с восставшими, сделала общение лишним. Насилие заморозило развитие на целых двадцать лет. Следующие заморозки были связаны с неожиданно тесным альянсом между одной из партий и губернатором. Губернатор выбрал ту из фракций, которая показалась ему наиболее сильной, и начал принимать решения в ее пользу, получая взамен соответствующую поддержку. Нечто подобное случалось и ранее, но в этот раз поддержка одной из партий была почти безотказной. Но, как и в случае с репрессиями после восстания, общение между фракциями прекратилось. Не имея возможности защититься, проигравшие фракции копили обиды и ждали момента, когда появится шанс не ответить, но отомстить. В такой атмосфере шансы горожан получить политические навыки, которые могли бы сделать город административно самостоятельным, таяли на глазах. Однако в конечном итоге судьба была благосклонной к городу. Вопреки обстоятельствам, несмотря на регулярные заморозки, несмотря на позицию Лондона, несмотря на этические и религиозные барьеры, политические навыки были получены. Хотя, как считает автор, навыков было недостаточно для участия в революции. В 1776 году, когда остальные колонии были готовы к отделению от метрополии, Нью-Йорк как политический субъект вел себя скорее пассивно, утопая в многочисленных конфликтах и неспособности принимать согласованные решения.

Друзья — враги

Трудности жителей Нью-Йорка были очень понятны двум отцам-основателям, которые однажды настолько не сошлись во взглядах, что прекратили общение на долгие двенадцать лет. К счастью для них и для Соединенных Штатов в целом, они рассорились уже после подписания Декларации о независимости и мирного договора с бывшей империей. Кто знает, как бы завершился спор Лондона с его колониями, если бы отцы-основатели начали выяснять, чья точка зрения лучше, двумя десятилетиями ранее. Второй президент, Джон Адамс, и третий президент, Томас Джефферсон, были очень близки во время войны за независимость, но после победы и заключения мира радикально разошлись в представлении о том, какой должна быть новая страна. В книге Гордона С. Вуда «Друзья — враги: Джон Адамс и Томас Джефферсон» (Gordon S. Wood. Friends Divided: John Adams and Thomas Jefferson), увидевшей свет в 2017 году, описывается, как близкое общение превратилось во

Солон Борглум. Памятник Джейкобу Лейслеру. 1913

вражду и затем снова возобновилось. Автор начинает с того, что оба отца-основателя умерли в один день. 4 июля 1826 года, в день пятидесятилетия американской революции, двое из ее непосредственных авторов одновременно ушли в мир иной. Адамс и Джефферсон всегда были очень разными. Начать с того, что Адамс был небольшого роста и склонен к полноте, а Джефферсон был высоким и худым. Адамс был многословным, громким, ярким и иногда пугающе эмоциональным. Джефферсон был сдержанным и дипломатичным, его истинные чувства всегда были скрыты за маской подчеркнута вежливой благожелательности. Оба с самого нежного возраста были заядлыми читателями. При

этом их вкусы сильно расходились. Джефферсон предпочитал читать о науке и истории, избегая романов, которые для Адамса были важной частью его ежедневной интеллектуальной диеты. Адамс как настоящий американец в буквальном смысле сделал себя сам, построив успешную карьеру адвоката на севере, в Филадельфии. Джефферсон родился в семье южан-землевладельцев, одной из самых состоятельных в своем штате. Когда Адамс и Джефферсон вместе были в Париже и Лондоне, Адамсу с его опытом в провинциальных судах было непросто на светских приемах и в поместьях европейских аристократов. Джефферсон, наоборот, чувствовал себя свободно и естественно. Его воспитание, образ жизни и интересы соответствовали европейским аристократическим. Джефферсон скупал книги, картины, антикварные вещи, вина. Он методично посещал самые известные частные сады и парки, планируя переустройство своих собственных. Адамс не разделял его страсти к искусству и садам. И он не понимал, как можно брать в кредит солидные суммы денег ради приобретения картин. Адамс, несмотря на поддержку независимости, любил Англию и искренне считал британское государственное устройство, сочетающее монархию, аристократию и демократию, лучшим из возможных.

Понадобилось двенадцать лет молчания, чтобы Джефферсон и Адамс снова пожали руки и возобновили общение

У Джефферсона к Англии было нечто вроде отвращения. Он любил Францию, неустанно улучшал свой французский язык, в его поместье французским было все, включая экипажи, посуду и садовника. Политические идеалы у обоих отцов-основателей были противоположными. Джефферсон, сочувствуя европейским радикалам своего времени, был за слабое государство — почти без армии и полиции, с небольшими налогами и незначительной бюрократией. К монархии он относился с большим предубеждением, в его письмах содержится множество презрительных замечаний в адрес европейских королей и королев. Адамс, напротив, считал наследственную иерархию приемлемой, а мнение о том, что человек от природы разумен и в состоянии сам, без поддержки со стороны общества и государства, принять взвешенное решение, казалось ему сомнительным. Демократия, не имея поддержки монархии, аристократии и бюрократии, уверял Адамс, обречена стать тиранией.

Мнение о том, что люди равны, казалось ему надуманным. Люди с рождения не равны, рассуждал Адамс. Разница в способностях, в достатке, в доступности хорошего образования исключает равенство. То, как выглядят упорядоченные общества в Европе, есть прямой результат этой разницы в стартовых возможностях. И поскольку оно естественно и существует независимо от нашей воли, то будет разумно смириться. Представления о том, что есть человек вообще, тоже были несовместимы. Насколько Джефферсон был оптимистом и верил в то, что человек с

рождения добр и склонен к уважительным и взаимовыгодным отношениям, настолько Адамс был пессимистом, считая гоббсианскую войну всех против всех более правдоподобной картиной. Взгляды расходились и на то, что из себя представляют североамериканские колонии и какое будущее их ждет. Для Адамса эти колонии, будучи продолжением Британии, со временем станут похожи на любую другую просвещенную европейскую страну. В будущем колонии ждет монарх, палата лордов и палата общин, бюрократия, банк, налоги и армия. Все как на континенте. Разница будет разве что в качестве управления. Видение Джефферсона было иным. Он видел принципиально новую страну, не похожую на европейские королевства. Он видел республику, свободную от бремени и ограничений централизованной власти, от религиозного доктринерства; просвещенную и открытую для нового знания, как у жителей нидерландских провинций и швейцарских кантонов. И как у афинян во времена знаменитых эллинских философов. Разница мировоззрений не могла не стать причиной для трений и разногласий. К чести Джефферсона надо отметить, что он использовал все свои дипломатические таланты для того, чтобы предотвратить ссору. Куда менее сдержанный Адамс вел себя вызывающе, и в конечном итоге пауза в общении на двенадцать лет лежит скорее на его совести. Началом послужила Французская революция, которую Джефферсон приветствовал с первого же дня. Адамс к тому времени всерьез опасался за будущее американской революции, и новость о том, что в Париже собираются сменить короля на республику, не вызвала у него большого энтузиазма. Когда в Париже начались казни, Адамс не был удивлен и считал, что это закономерный итог непродуманных усилий. С его точки зрения, легкость насилия говорит о том, что парижане не очень готовы к республике и выступили против короля напрасно. Реакция Джефферсона на казни была иной: несмотря на то, что в списках казненных уже были его знакомые, с которыми он много общался во время своего пребывания в Париже, он считал казни ужасной, но, по-видимому, неизбежной ценой за будущее процветание. И Адамс, и Джефферсон отстаивали свое мнение публично, страсти накалялись, и в итоге после серии резких заявлений они прекратили общение. Понадобилось двенадцать лет молчания, опыт в улаживании идейных конфликтов еще одного отца-основателя, Бенджамина Раша, и негласное, но настойчивое мнение недовольного ссорой общества, чтобы Джефферсон и Адамс снова пожали руки и возобновили общение.

Правозащитник Вячеслав Бахмин был первым, с кем мы поговорили после начала войны. Показалось важным повторить беседу через год, подвести некие итоги и попробовать сформулировать прогнозы. Спокойная уверенность нашего собеседника в том, что внутренняя работа даст свои плоды и ей никогда не поздно заниматься, что только на ней могут зиждиться будущие реформы, за год не изменилась. Хотя ситуация внутри страны и стала хуже, чем даже в позднем СССР.

«Я не хочу отдавать им свою страну»*

Вячеслав Бахмин,
правозащитник

— Вячеслав, за год с начала войны у вас не появилось соблазна перестать называть Россию своей страной?

— Нет, эта страна действительно моя. Очень важно отличать страну от правительства, президента. Страна — гораздо более широкое понятие, чем некая временная власть, цикл жизни страны много длиннее, чем цикл жизни любой власти. Ориентироваться на власть могут только временщики, которым важно пожить хорошо здесь и сейчас. Те, кто думает о будущем, своем и детей, о том, чтобы страна развивалась, то есть настоящие патриоты, должны думать в иных категориях.

— Сейчас хуже, чем в позднем СССР?

— По многим параметрам да. Несравнима степень беспредела, нет даже видимости желания следовать закону. Как будто вся страна получила лицензию на пытки, на убийство, стала агентом 007. На таком фоне Союз выглядит почти как правовое государство. Суды были послушные, но хотя бы соблюдали логику, приговор должен был опираться на букву закона. Сейчас репутация никакой роли уже не играет, можно делать что угодно — хуже не станет.

— Год назад вы говорили, что сейчас самое важное для каждого гражданина — сформировать индивидуальное мировоззрение. Как думаете, получается?

* ReForum. 23 февраля 2023 г.

— Сложно сказать. Человек должен сам себе доказать, что он субъект, а не объект, которым можно манипулировать, — это штучный и болезненный процесс, более болезненный, чем 50 лет назад.

Чтобы он запустился, нужны триггеры — война, революция, иной катаклизм заставляют обратить внимание на свою картинку мира. Расхождение между тем, что внутри, и какими-то элементами реальности становится болезненным, и вы задумываетесь: возможно, ваше объяснение реальности неадекватно? Вы в каком

В каждом есть хорошее и плохое. Нормальная задача – в себе и других выращивать хорошее и не поощрять плохое

мире живете — в том, который за окном или который вы искусственно создали?

Маловероятно, что большая часть населения будет этому процессу подвержена. В дополнение к триггерам нужно желание, а сверху делается все, чтобы оно не появилось.

Быть с большинством всегда приятнее, чем страдать от принадлежности к дискриминируемому меньшинству. С другой стороны, триггер точно есть.

В каждом есть хорошее и плохое. Нормальная задача — в себе и других выращивать хорошее и не поощрять плохое. Тогда человек остается человеком. Сейчас вся официально оформленная внешняя среда стимулирует в человеке плохое, и мы видим результаты. Влияние пропаганды очень мощное. Но при этом сама власть работает и на то, чтобы людям стало больно. Есть некий баланс болезненности процесса и мощности триггера: в какой-то момент боль становится нормальной ценой за то, чтобы разобраться, что же происходит, что делать мне, моей семье. Эти вопросы стоят уже сейчас, но мало у кого хватает смелости начать решать их по-взрослому.

— *Что делать, когда мировоззрение сформировалось?*

— А это следующая развилка. От нее отходит несколько путей. Можно посвятить себя тому, чтобы дураков, как ты, стало меньше, то есть заниматься неким просвещением. Второй путь — раз ты увидел недостатки этого мира, можно его менять, совершенствовать. Третий путь для тех, кто хочет что-то изменить, но не хватает сил и ресурсов, — это путь поиска единомышленников, активизма, политическая, общественная деятельность. Наконец, можно посмотреть на мир, сказать: «Теперь я все понял» — и лечь отдыхать после праведных трудов по формированию мировоззрения. Стать осознанным наблюдателем этого мира.

— *Год назад вы говорили, что остаетесь в России, так как из-за рубежа менять жизнь в стране много труднее. Но за год ситуация сильно изменилась.*

— Да, возможности делать что-то эффективное и полезное внутри страны стремительно сжимаются, их почти уже не осталось, особенно для

правозащитных организаций: мы видим, что происходит с «Мемориалом», Московской Хельсинкской группой, Сахаровским центром, более мелкими организациями. Все общественное пространство пересечено красными линиями — куда ни пойдешь, обязательно в эту линию упруешься. Проще сесть на диван и ждать изменения ситуации. Оптимисты считают, что уже через пять лет можно будет заниматься тем, что и раньше. Я в этом не уверен. Сейчас какие-то вещи эффективнее делать из-за рубежа.

Для меня опции отъезда по-прежнему нет. Тому есть и личные причины, и принципиальные: я не хочу отдавать им свою страну. Так мы рас-

*Поддерживать
хорошее против плохого
может каждый*

суждали еще в советское время, и сейчас это рассуждение вполне актуально. Я хочу оставаться здесь и пытаться сделать что могу. Это, к сожалению, не так много, но поддерживать хорошее против плохого может каждый. По-прежнему верен простой принцип «Делай что должен (и что возможно), и будь что будет». Верь в то, что даже твои (твоих коллег, соседей, близких по духу людей) минимальные усилия что-то меняют — возможно, не дают злу быть еще злее, чем оно есть, а может быть, даже ставят какой-то барьер на пути этого зла.

Я председатель Сахаровского центра и сопредседатель Московской Хельсинкской группы. Сейчас мы с коллегами пытаемся как-то сохранить эти организации. Вряд ли это получится, но сами эти усилия влияют на общественное мнение и информационную среду. Поддержка независимых организаций — тот вклад, который еще можно внести, хоть поле и сужается. Мы не можем проводить крупные мероприятия — законодательство стало окончательно репрессивным, — но есть онлайн-среда. Еще возможно показать, что не все думают так, как хочет власть. В 1968-м на Красную площадь вышли семь человек, и это имело огромный эффект: оказалось, что советский народ не един. Сейчас то, что никакого единого народа не существует, еще более очевидно: мы каждый день видим манифестации этого несогласия.

Я продолжаю работать с независимыми организациями как эксперт, консультант, моя позиция всем хорошо понятна, и это тоже, надеюсь, играет свою роль.

— *Мы говорим о влиянии на мировоззрение отдельных людей. А как с влиянием на ситуацию?*

— Прежде всего это борьба за души людей, совсем по Достоевскому. Я давно понял, что изменить ситуацию, если души людей останутся прежними, не получится — как не получилось в 90-е. Даже если внешне что-то поменяется, через 3–5 лет все откатится назад. Начнет работать пропаганда, популизм — и вы опять потеряете население. 30 лет назад люди вообще не понимали, что происходит, им было в целом все равно — они жили своей жизнью, своими заботами и проблемами. Тема борьбы за

власть не была для них актуальной повесткой дня, и это до сих пор так. Инерция большой страны мощная.

Борьба за души гораздо важнее, чем любая политическая борьба. Да и любая политическая борьба — это борьба за влияние на электорат. А как на него влиять, если проповедуешь то, что ему чуждо и непонятно?

— *Вы говорили: «Если свобода не выстрадана и люди за нее не бились, она ничего не стоит. Сегодня — дали, завтра — отняли». Свобода, по-вашему, непременно сопряжена с трудом?*

— Да. «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой» — тривиальная, но ведь истина. Если вам что-то досталось просто так, вы не будете это ценить. А если заработали трудом и болью — попробуй это у вас отними.

— *Вы с товарищами по диссидентскому движению и трудились, и пострадали. Очень сочувствую вам — думаю, тяжело наблюдать, как то, над чем вы работали столько лет и что вроде бы случилось, откатилось обратно.*

— Нас было мало. Были бы таких миллионы — ситуация была бы другой. А потом, в одну воду нельзя войти дважды. Мы не вернулись в советский период. Ситуация другая, и выход из нее будет другой. За 50 лет изменился весь environment, сильно выросли возможности отдельного человека влиять на ситуацию в целом.

— *В 1991-м вы пришли в политику, в МИД, и пробыли там пять лет. Потом ушли. Разочаровались?*

— Да, я был высокопоставленным сотрудником МИДа. (Вячеслав Бахмин после августа 1991 г. заведовал департаментом гуманитарного и культурного сотрудничества МИД, потом был членом коллегии МИД и заместителем руководителя российской делегации в Комиссии ООН по правам человека. В 1992 г. Бахмину присвоили ранг чрезвычайного посланника 2-го класса. — ReForum.) Но я был одним из 3000 мидовцев. Мне подчинялось 50 человек, из них 30 замечательных ребят, которые, увидев окно возможностей, стали говорить и вести себя иначе. Но остальные-то нет. В Думе было человек 15–20, имевших отношение к диссидентству, но это Дума, а не исполнительная власть, которая определяет гораздо больше. А в исполнительной власти из диссидентов я был один, попал в МИД случайно и смог продержаться меньше пяти лет. Форточка закрылась.

— *То есть проблема в том, что вас в политике оказалось мало?*

— Нет. Как я уже говорил, народу было все равно, что происходит — в этом была проблема. Исключением была группа интеллигенции, которая почувствовала воздух свободы и стала надеяться на другое, более

светлое будущее. Но в 1993-м надежды закончились, а средний класс в результате реформ оказался самым пострадавшим. Наталья Зубаревич верно говорит: бедный класс при любой власти живет плохо, а у среднего класса постоянные качели. Условный интеллигент и читатель Солженицына был старшим научным сотрудником, сам себя уважал, семья его уважала. Прошел год, два — и ни его институт, ни он сам никому не нужны.

— *Получается, что количеством совестливых людей у власти вопрос не решается.*

— Разве что на время. Сначала все будет хорошо, а потом власть требует от них вещей, несовместимых с гуманитарным мировоззрением: либо делайте, либо уходите, не мешайте развивать страну. Политика не делается в белых перчатках. Либо у вас власть, а значит, полномочия реально на что-то влиять, либо оставайтесь в перчатках, но без власти, ходите и говорите: вот тут они украли, тут сделали неправильно. Это нормальный выбор, у каждого своя функция.

Многие говорят: «Мы придем к власти и будем заниматься тем же, что сейчас, только имея влияние и рычаги». Но сам путь власти, поведение власти, когда она эти мощь и влияние получает, отвращают их от занятия политикой. Одно дело, когда у вас есть общественный интерес и вы за него боретесь (так делают и правозащитные, и благотворительные, и экологические организации), другое дело — когда это интерес получения и удержания власти. Общественный интерес отходит на второй план. Любая власть связана с популизмом, любой популизм связан с враньем. Никакая политика не может быть правозащитной. Права человека и политика — вещи противоположные.

— *А вот Сергей Давидис с вами не согласен.*

— Знаю, и не он один. Но если на этапе борьбы за власть совмещать права человека и политику еще возможно, то когда вы становитесь властью, появляются другие задачи: безопасность страны, защита государства. И тут человек уже средство, а не цель. Полностью соблюдают права человека страны, где нет проблем — с терроризмом, например. Сравните Люксембург и Германию или Штаты: разница понятна. Главкомандующий может быть добрым человеком и любить солдат, но когда начинается война, солдаты становятся для него средством, способом отстоять город или хотя бы высоту. Если он будет рассуждать иначе, думать о конкретных людях — он профессионально непригоден и его надо снимать. Чтобы сбалансировать это противоречие, в государствах существуют независимые СМИ и правозащитные организации, такой противовес позволяет стране и ее гражданам нормально существовать. Если баланс смещается — власть сменяется. Я не хочу быть политиком, хочу быть противовесом, быть там, где человек важнее, чем государство.

Все, кто приходит к власти и там остается, портятся, превращаются в монстров разной степени. Элла Панфилова была милейшей дамой. Сергей Лавров — замечательным мужиком, любителем бардовской песни и

Я не хочу быть политиком, хочу быть противовесом, быть там, где человек важнее, чем государство

сплавов на байдарках. Мы видим, что с ними случилось. Потому-то важно менять людей во власти, пока они не заматерели.

— *Как использовать окно возможностей, если (когда) оно откроется?*

— Окно возможностей надо использовать для штучного выстраивания взгляда на мир у большинства населения. Если это не будет наказуемо, как сейчас, то можно активно ездить по стране, просвещать, показывать. Это может быть эффективно, особенно если подключить СМИ.

— *Вы занимаетесь правозащитой с 1968-го. Вам сегодня помогает та перспектива, что есть у вас?*

— Конечно. Когда есть возможность ощущать себя субъектом, это очень сильно воодушевляет. А как только ты думаешь, что с тобой могут сделать что угодно, что тобой манипулируют, это очень расстраивает. У человека внутри есть чувство собственного достоинства, его хочется сохранить. Чтобы это чувство возникло, чтобы оно было не на пустом месте, такая работа над собой и требуется.

— *У Катерины Гордеевой есть коронный вопрос: «Где мы встретимся через год?»*

— Ответ зависит от степени оптимизма собеседника. Оптимист скажет, что мы встретимся в другой, свободной стране. Пессимист — «Дай бог не на том свете». Я оптимист, но если спрашивают, что будет через год, обычно отвечаю: то же, что сейчас. В 90% случаев оказываюсь прав. Будет продолжаться специальная военная операция, что-то освободят, что-то потеряют, кого-то разбомбят, кого-то спасут, независимых общественных организаций, занимающихся публичными проблемами, станет еще меньше. Я надеюсь, что буду в России. Можем встретиться за чаем на моей московской кухне.

TABLE OF CONTENTS

No. 2 (89) 2023

ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE SCHOOL OF CIVIC EDUCATION	On Russian Values <i>Ekaterina Shulmann</i> 70
Working for Peace, Not Confrontation <i>Jack Hanning</i> 5	“...We Know What’s Going on, We’re Worried About You” <i>Nils Muižnieks</i> 74
THE VOICES OF OUR SCHOOL	A Time for Education <i>Sergey Nikolayevich</i> 78
The War of Values, Like the War for Values, Isn’t Lost Yet <i>Igor Kovalyov</i> 8	THE WAR DIARIES
You Must Keep the People on Your Mind <i>Armaz Akhvlediani</i> 11	Facing the Catastrophe. Foreword <i>Nikolaj Plotnikov</i> 86
To Reach the Top of Mount Ararat and See the World From Up There <i>Armen Zakaryan</i> 13	HISTORIC EXPERIENCE
There Is No Democracy Without Dialogue <i>Sonja Licht</i> 15	The Delayed Civil War <i>Kirill Kobrin</i> 93
To Lena and Yura <i>Robert Skidelsky</i> 18	The Narrow Corridor of Information and Safety <i>Irina Borogan, Andrei Soldatov</i> 101
THEME OF THE ISSUE	FROM OUR ARCHIVE
The Evolution of Constitutional Values <i>Elena Lukyanova</i> 21	On the Nation State <i>Pierre Rosanvallon</i> 118
On Legal Aid <i>Grigory Okhotin</i> 39	Between Democracy and Patriotism <i>Yuri Senokosov</i> 121
Poland Between the Centre and the Periphery <i>Tomasz Zarycki</i> 51	Dependence on the Imperial Past <i>François Furet</i> 126
ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE SCHOOL OF CIVIC EDUCATION	BOOKS
When Prisons Are Overcrowded <i>Diana Pinto</i> 63	Fascists as they are <i>Andrey Simbirtsev</i> 129
What Happens After “The End of History” <i>Sylvie Kauffmann</i> 65	The Counterpoint <i>Maxim Goryunov</i> 133
Universalism, Interdependence, Deglobalisation <i>Robert Skidelsky</i> 67	NOTA BENE
	I Don’t Want to Surrender My Country to Them <i>Vyacheslav Bakhmin</i> 141

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ВОЙНА И МИР

Наши авторы:

Валдис Биркавс

Андреас Буммель

Марк Гамза

Максим Горюнов

Василий Жарков

Владислав Иноземцев

Арндт Фрейтаг фон Ларингхофен

Михаэль Мертес

Михаил Минаков

Адам Михник

Нил Муйжниекс

Григорий Охотин

Андрей Симбирцев

Михаил Сульман